

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

Категории диалектики

ТОЖДЕСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Сборник научных трудов

A512.5
T507

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького

Тождество противоположностей как методологическая проблема: Сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1987. 128 с.

В очередном, десятом выпуске межузовского сборника «Категории диалектики» анализируется методологическая функция «ядра» диалектики. Тождество противоположностей рассмотрено как принцип исследования: а) связи, движения и развития, б) отношения мышления к бытию, в) социальных процессов. Дана критика софистики и эклектики, искажающих принцип тождества противоположностей.

Редколлегия: В. В. Ким (Уральский университет), И. Я. Лойфман (Уральский университет) — отв. редактор, Л. П. Туркин (Свердловская высшая партийная школа)

От редколлегии

Предлагаемый вниманию читателей межвузовский сборник «Тождество противоположностей как методологическая проблема» является 10-м выпуском продолжающегося тематического издания Уральского университета «Категории диалектики». Ранее вышли следующие работы: «Взаимосвязь категорий» (1970); «Категория структуры в системе философских категорий» (1973); «Категория причинности в диалектической концепции связи» (1974); «Структурный анализ диалектического противоречия» (1975); «Диалектика прогрессивного развития» (1976); «Взаимосвязь элементов диалектики» (1977); «Тождество и различие» (1979); «Диалектика закономерной связи» (1982); «Диалектическое отрицание как закономерность связи, движения и развития» (1984).

Инициатором данного тематического издания и редактором первых выпусков является член-корреспондент Академии наук СССР Михаил Николаевич Руткевич. Ему, видному советскому философу и социологу, 2 октября 1987 года исполняется 70 лет. На протяжении двадцати лет (1953—1972 гг.) многообразная и плодотворная деятельность М. Н. Руткевича как ученого, педагога и организатора науки протекала в Уральском университете, где он возглавлял кафедру философии и был организатором и первым деканом философского факультета. Под влиянием М. Н. Руткевича складывались на Урале основные направления философских исследований, укреплялись ленинские традиции борьбы с буржуазной философией и философским ревизионизмом. Диалектика в действии — так можно назвать монографии М. Н. Руткевича «Актуальные проблемы ленинской теории отражения» (Свердловск, 1970), «Диалектический материализм. Курс лекций для философских факультетов» (М., 1973), «Диалектика и социология» (М., 1980), «Становление социальной однородности» (М., 1982) и другие его труды.

Разработка проблем «ядра» материалистической диалектики — один из самых важных аспектов научного

творчества М. Н. Руткевича. Особенно весомый вклад внесен им в исследование таких проблем, как взаимосвязь всех элементов диалектики с законом единства и борьбы противоположностей; диалектика взаимосвязи мышления и бытия, теории и практики, свободы и необходимости; структура социальных противоречий (антагонистических и неантагонистических), особенности развития и разрешения противоречий в социалистическом обществе. В статьях настоящего сборника, написанных учениками и коллегами М. Н. Руткевича, представлены некоторые результаты дальнейшей разработки названных проблем.

Свой труд авторский коллектив посвящает Михаилу Николаевичу Руткевичу в знак высокого уважения и искренней признательности.

Диалектическое определение предмета (методологический аспект)

Применяя материалистическую диалектику в своих конкретных исследованиях, классики марксизма-ленинизма считали необходимым рассмотреть ее метод в специальном труде по диалектике как логике и теории познания материализма и наметили принципиальные вехи такого рассмотрения. Для философов-марксистов разработка диалектики в ее целостности как общеметодологической основы познания и практики, как алгоритма деятельности — весьма актуальная задача. К тому же в современной научной литературе логико-методологические аспекты диалектики принадлежат к наименее изученным вопросам теории диалектики¹.

Как показано В. И. Лениным в работе «Еще раз о профсоюзах...», **диалектическое определение предмета является квинтэссенцией диалектики как логики и теории познания материализма.** Оно характеризует природу предмета, его сущность и специфику через единство противоположностей; оно охватывает важнейшие признаки предмета, отличающие его от других предметов, и тем самым устанавливает пределы предмета; оно исторично по своей природе и выступает как исторически развивающаяся, изменяющаяся совокупность суждений, связанных предметным единством. Являясь результатом диалектического мышления, выводом диалектического метода познания, диалектическое определение предмета есть вместе с тем путь постижения предмета, где диалектика, логика и теория познания совпадают в их методологическом функционировании. В ступенях диалектического определения предмета представлены основные формы движения диалектического мышления в их взаимосвязи, закономерные шаги диалектического познания предмета. Иными словами, диалектическое определение предмета следует определенной методологической программе познания объективной истины.

¹ См., в частности: Методология «Капитала» К. Маркса и современная наука. Л., 1984; Диалектическая логика как методология современного естествознания. Алма-Ата, 1985.

Представляется важным показать, что в диалектическом определении предмета отображается структура диалектики как научной системы и что **методологическая программа**, которой следует диалектическое определение предмета, **конституируется ядром диалектики** как логики и теории познания материализма. И структура диалектики как научной системы, и структура диалектического определения предмета порождаются структурой противоречия (диалектического), аспекты которого суть аспекты предмета диалектики и метода диалектики.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин указывал: «Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития»². «*Диалектика*, — указывал В. И. Ленин, — есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»³.

Отсюда следует, что **основной вопрос диалектики** — это вопрос о тождестве противоположностей и что тождество противоположностей — это главная идея и критерий диалектики. Диалектик способен мыслить противоречие, тождество противоположностей, тогда как для метафизика противоположности выступают перед сознанием без взаимного соприкосновения.

Указанное понимание сути диалектики В. И. Ленин поясняет и развивает в своей трактовке элементов диалектики. Вообще элементами диалектики являются структурные единицы ее теории и метода, относительно неделимые части или аспекты диалектики, выражающие закономерное раздвоение единого (вещей, их свойств и отношений) на противоположности. Обратно говоря, **каждый элемент диалектики** — это микрокосм диалектики. Намечая ряд уровней развертывания теории диалектики в метод, В. И. Ленин исходит из разнорядковости элементов диалектики.

Прежде всего, на самом абстрактном уровне диалектика есть учение о единстве противоположностей. Соответственно диалектическое противоречие, или тождество противоположностей, является порождающим началом, **первоэлементом** диалектики, который отображается во всех ее элементах; в свою очередь, все элементы диалектики характеризуют так или иначе первоэлемент (начало) диалектики. Логико-методологическим выражением первоэлемента диалектики является идея раздвоения единого на противоположности и познания противоречивых частей его (главная закономерность диалектического мышления).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 203.

³ Там же. С. 98.

Далее, на более конкретном уровне диалектика есть научная теория противоречий связи, движения и развития природы, человеческого общества и мышления. В этом определении указаны три основных аспекта предмета диалектики: взаимные связи вещей и явлений, их организация, форма; движение, смена состояний в рамках определенного уровня организации, функционирование вещей и явлений; возникновение и исчезновение вещей и явлений, переход от одной формы к другой. На данном уровне элементами диалектики являются **принципы** противоречивости, всеобщей связи, самодвижения и развития, причем принцип противоречивости всего сущего (все сущее есть единство и борьба противоположностей) — главный принцип диалектики, «признание которого позволяет правильно трактовать все остальные принципы, как бы связать их в один узел»⁴. Логико-методологическим выражением принципов диалектики, своего рода методологическими канонами диалектики являются требования объективности, всесторонности, историчности, конкретности рассмотрения предмета (интегральные закономерности диалектического мышления).

Наконец, на самом конкретном уровне диалектика изучает атрибутивные формы бытия вещей, их свойств и отношений как единства противоположностей. Соответственно элементами диалектики являются **пары полярных категорий** диалектики, фиксирующие существенные связи бытия, а их логико-методологическим выражением — категориальные подходы к предмету, закономерности диалектического мышления, фиксирующие различные круги познания (явление $\rightleftharpoons$ сущность, качество $\rightleftharpoons$ количество и т. д.).

Краткая характеристика различных уровней конкретизации главной идеи диалектики, данная выше, позволяет выделить в системе диалектики **базисные категории**, взаимосвязь которых образует базисную структуру диалектики. Всеобщие существенные определенности ядра диалектики естественно считать ее базисными категориями. Базисные категории фиксируют основной вопрос диалектики, очерчивают предметную область диалектики, определяют в исходном пункте принципы диалектики. К ним мы относим такие категории, как **противоречие** и атрибут противоречия — **отрицание**, которое является всеобщей формой опосредствования противоположностей, а также категории **связь, движение, развитие**⁵.

Между базисными категориями диалектики существуют отношения взаимоопределения, субординации и координации. Это отношения, порождающие базисную структуру диалектики.

⁴ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 289.

⁵ См.: Лойфман И. Я. Развитие как базисная категория диалектики// Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976. С. 13—18; Он же. Системный подход к диалектическому отрицанию// Диалектическое отрицание как: закономерность связи, движения и развития. Свердловск, 1984. С. 3—9.

С одной стороны, категориями «связь», «движение» и «развитие» определяются **основные аспекты диалектического противоречия**, а именно: экстенсивный (структура противоречия), интенсивный (функционирование противоречия) и генетический (развитие противоречия), и **основные модификации диалектического противоречия**, а именно: противоречие тождества и различия, противоречие тождества (устойчивости) и изменения, противоречие тождества (преемственности) и обновления. Противоречие — форма движения диалектического мышления; противоречия тождества и различия, тождества и изменения, тождества и обновления можно считать основными формами движения диалектического мышления.

С другой стороны, категорией «противоречие» определяется диалектическое понимание всякой связи, всякого движения и всякого развития, т. е. их понимание как тождества противоположностей. Противоречие — всеобщая элементарная форма и основной закон связи, движения и развития, так что сущностью связи выступает единство тождества и различия, сущностью движения — единство устойчивости и изменчивости, сущностью развития — единство преемственности и обновления. Следует подчеркнуть, что основные аспекты диалектического понимания связи, движения и развития вскрываются именно в системе базисных категорий диалектики. В частности, связь в этой системе определяется как взаимозависимость (связь организации), взаимообусловленность (связь функционирования), взаимопереходы (связь развития).

Базисная структура диалектики конституирует методологическую программу, которой следует диалектическое определение предмета. Трем предметным аспектам диалектики (и соответственно основным аспектам и основным модификациям диалектического противоречия) соответствуют три ступени диалектического определения предмета:

1) **структурное** определение предмета — во всем многообразии его связей и опосредствований в их тождестве и различии, где трактовка связи как единства тождества и различия исключает метафизическую абсолютизацию тождества (механицизм) и различия (плюрализм);

2) **функциональное** определение предмета — в его движении, функционировании, устойчивости и изменчивости в рамках определенного уровня организации, где трактовка движения как единства устойчивости и изменчивости исключает метафизическую абсолютизацию устойчивости (циклизм) и изменчивости (релятивизм);

3) **генетическое** определение предмета — в его развитии, переходе из одной формы в другую в их преемственности и обновлении, в возникновении и исчезновении, где трактовка развития как единства преемственности и обновления исключает метафизическую абсолютизацию преемственности (концепция пло-

ской эволюции) и обновления (концепция «творческой эволюции»).

Как видим, данная схема представляет собой **общую методологическую программу** диалектического определения предмета, причем движение по ее основным ступеням (структурное определение — функциональное определение — генетическое определение) есть восхождение от абстрактного к конкретному. Что касается мыслительного процесса на каждой ступени этой общей программы, то он организуется специальной методологической программой, учитывающей субстанциальное тождество противоположностей.

Специальное исследование раздвоения единого на противоположности обнаруживает **неравноправие противоположных сторон противоречия**, субстанциальный характер одной из них. За взаимополаганием, взаимоизменением и взаимопереходами противоположностей единого обнаруживается самополагание, самоизменение и саморазвитие противоположностей в едином. Иначе говоря, за экзистенциальным тождеством противоположностей, за их взаимоопосредствованием стоит их **субстанциальное тождество**, самоопосредствование. Действительно, в противоречиях тождества и различия, устойчивости и изменчивости, преемственности и обновления единство противоположностей относительно, а борьба их абсолютна, причем ведущую роль играют различие, изменчивость и обновление. В силу этого связи предмета оказываются его саморазличением, движение предмета — его самоизменением, а развитие предмета — его самообновлением.

Отрицание тождества противоположностей закрывает метафизику путь для понимания связи как самополагания и саморазличения, движения как самодвижения и самоизменения, а развития как саморазвития и самообновления.

Далее, специальное исследование раздвоения единого на противоположности обнаруживает **тройственную структуру опосредствования противоположностей**, которая, как показал Гегель, выражается триадой «сохранение — упразднение — возвышение». К примеру, тождество есть диалектическое отрицание различия, а различие есть диалектическое отрицание тождества; при этом в тождестве различие сохраняется, упраздняется и возвышается, и наоборот, в различии тождество сохраняется, упраздняется и возвышается. Используя терминологию Гегеля, можно сказать, что сохранение одной из противоположностей в другой есть ее в-себе-бытие, упразднение (завершение) одной из противоположностей в другой есть ее для-других-бытие, а возвышение одной из противоположностей в другой есть ее для-себя-бытие (бесконечное бытие). С этой точки зрения диалектика характеризуется как способность найти и познать себя во всем через себя ⁶.

⁶ См.: Гегель. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 199.

Категориальный ряд «в-себе-бытие — бытие-для-другого — для-себя-бытие», движение вдоль которого есть восхождение от абстрактного к конкретному, конституирует **специальную методологическую программу** диалектического определения предмета. Эта программа включает следующие этапы:

1) **элементарное** определение предмета в абстрактно-всеобщей непосредственности существования — в его родовой специфике, качественной целостности, в единстве отдельного и общего, где отдельное сводится к общему и выводится из общего (ср. «Хлор есть газ», «Иван есть представитель рода человеческого»);

2) **дифференциальное** определение предмета в опосредствованной определенности многообразного существования — в его обусловленности тем или иным существенным отношением, той или иной существенной стороной, в единстве внешнего и внутреннего, где внешнее сводится к внутреннему и выводится из внутреннего (ср. «Хлор есть галоген», «Иван есть рабочий»);

3) **интегральное** определение предмета в конкретно-всеобщей непосредственной определенности существования — в единстве всех его сторон, выведенных из общей генетической основы, в единстве индивидуального и исторического, где индивидуальное сводится к историческому и выводится из исторического (ср. «Хлор есть химический элемент периодической системы Менделеева», «Иван есть личность социалистического типа»).

Познавая предмет все глубже и глубже, диалектика раскрывает все новые и новые аспекты заключенного в предмете противоречия, показывает, как в более конкретных формах его повторяются и содержатся его более абстрактные формы. В. И. Ленин говорит, что «своего рода итог тому, что такое диалектика» подводится в нижеследующем отрывке из гегелевской «Науки логики»: «Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все *богаче и конкретнее*. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. <...> ...на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное, и обогащается и уплотняется внутри себя»⁷.

Диалектическое определение предмета как единства противоположностей представляет собой на всех уровнях **соединение**

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 212; См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 2. С. 567.

анализа и синтеза⁸. Без умения делать из многого одно, а из одного многое (Аристотель) не может быть умения мыслить противоречие (Гегель), а без умения мыслить противоречие не может быть умения сознательно соединять противоположности в практической деятельности так, чтобы получилась симфония, а не какофония (В. И. Ленин). Поэтому соединение анализа и синтеза — элемент диалектики, отнюдь не рядоположенный другим элементам диалектики, как нередко считают. Методологическое функционирование любого из элементов диалектики представляет собой соединение анализа и синтеза.

Следует также заметить, что нередко диалектическое определение предмета, раскрывающее сущность предмета, противопоставляют выявлению отношений видовой определенности предмета к его родовому признаку⁹. Но род есть предел сущности, а не чисто абстрактная всеобщность; родо-видовое определение предмета диалектика не исключает, а наполняет конкретным содержанием, обобщая историю мысли и опираясь на практику. Как писал В. И. Ленин, «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»¹⁰.

⁸ Единство диалектического анализа и диалектического синтеза в исследовании стационарного и развивающегося объектов специально рассмотрено В. П. Бранским. См.: *Методология «Капитала» К. Маркса и современная наука*. С. 40—53.

⁹ См., напр.: *Диалектическая логика как методология современного естествознания*. С. 23—24.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

О всеобщности противоречия и тождества противоположностей

Как исторически, так и логически проблема противоречия тесно сопряжена с проблемой единства объекта, соответственно, с проблемой **монистичности** философской теории, является оборотной ее стороной. Логическое заострение проблемы единства **многообразия** неизбежно ведет к проблеме единства противоположностей, к признанию внутренней противоречивости единого начала, принятого монистической философией. С диалектико-материалистических позиций предметной областью диалектики как учения о противоречиях является, в первую очередь, бесконечный материальный мир в целом и отдельные принадлежащие ему конечные вещи. Закон единства и борьбы противоположностей в применении к миру в целом сливается с принципом материального единства мира (рассматриваемого прежде всего в плане «материальное — идеальное»). В такой постановке проблема противоречия встает в логически «чистом виде», и сразу видно, что так называемая «диалектика разных отношений», конечно, имеющая определенное значение, — только **частная** область диалектики в целом.

В нашей философской литературе нет последовательной, убедительной классификации противоречий¹. Думается, начать ее следует с признания объективно присущего материальному миру в целом многообразия **всеобщих** противоречий. В. И. Ленин полагал диалектику содержания и формы, качества и количества **примерами** единства противоположностей². **Все без исключения** всеобщие «парные» категории диалектики («прообразы» которых заложены и в естественном языке) суть формы проявления объективной противоречивости отражающего мир мышления. «Противоречие вообще» не существует иначе, как в многообразии своих конкретных всеобщих форм, выраженных всей совокупностью категорий. «Ядро» диалектики, с одной стороны, и вся совокупность всеобщих парных категорий, с другой, — не разные **части** одной теории, а две разные **ступени конкретизации** одной идеи, совпадающие по своему объему. **Весь мир** (и его отдельные конечные предметы) есть противо-

¹ См.: **Материалистическая диалектика как общая теория развития. Философские основы теории развития. М., 1982. С. 263.**

² См.: **Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 203.**

речивое единство действительного и возможного, необходимого и случайного, качественного и количественного многообразия и т. д. и т. п. — т. е. он внутренне дифференцирован на уровне **всеобщего**, а не только особенного и единичного.

Методологически неверно, эклектично проследивать и обосновывать истинность «ядра» диалектики на конкретном эмпирическом материале в **обход** идей, выраженных всеобщими категориями, что довольно широко распространено как в учебной, так и в научной литературе. Акцент на конкретных, особых формах противоречия (математика, физика, политическая экономика), имея сильные стороны, все же отодвигает на второй план собственно философскую, логическую сторону вопроса³. Урок историко-философского процесса таков: в ходе **синтеза** монистического мировоззрения на базе всей суммы знаний частных неизбежно столкновение с проблемой **единства** диалектически противоположных категорий, заложенных в сам язык и отражающих мир объективно. Осознание данного обстояательства сразу предостерегает от поиска «разгадки» проблемы противоречия на пути **анализа**. Плюралистическая идея «изначального множества» (например, «совокупность элементов» как предпосылка системно-структурных представлений) не может служить исходным пунктом теории в самой постановке проблемы противоречия. Известно, что еще Платон в «Пармениде» во многих аспектах показал относительность и взаимопереход понятий единого и многого. Представляется верным тот вывод, что недопустима **абсолютизация** понятия множества, отрывающая его от понятия единства: «Мы отказываемся от представления об абсолютной и полной разложимости реальности на составляющие ее элементы»⁴. Уже в понятиях единого и многого мы сталкиваемся с определенным **взаимопроникновением** противоположностей, в силу чего недопустимы абстракции, **изолирующие** стороны противоречия. Понятно, что такого рода абстракции не могут служить логической предпосылкой при осмыслении природы диалектического противоречия; однако соответствующая неточность в самой постановке проблемы, которую можно назвать «уходом в контрарность», чрезвычайно распространена.

Далее, существуют ли **непротиворечивые** формы бытия и мышления? — Конечно, нет, непротиворечивость равна «чистому небытию». Казалось бы, не стоит доказывать бесспорную для диалектики мысль. Однако немало таких трактовок и дефиниций противоречия, где имплицитно, а порой и открыто, ста-

³ См.: Диалектическое противоречие М., 1979.

⁴ *Цехмистро И. З.* О парадоксе Эйнштейна — Подольского — Розена// Филос. науки. 1984. № 1. С. 53; См. также: *Левин Г. Д.* Диалектика и парадоксы теории множеств//Вопр. философии. 1981. № 12; *Зелены И.* К вопросу об отношении материалистической диалектики и современной формальной логики//Вопр. философии. 1984. № 12.

вится под сомнение **всеобщность** противоречия⁵. Как вариация на эту тему — стремление свести, редуцировать **всеобщее** понятие противоречия, проявляющееся в колоссальном многообразии своеобразных форм, как познанных, так и еще не познанных, к тем или иным особым его формам. При всей абстрактности данного вопроса в нем не может быть уступок идейным противникам, стремящимся тем или иным способом, в ту или иную сторону **сузить** (если бы удалось, до «нуля») предметную область диалектики как мировоззренческой и общеметодологической основы познания и практики. А именно это будет неизбежным логическим следствием редукции диалектического противоречия к тем или иным особым его формам. В случае признания **всеобщности** (и многообразия внутри самого всеобщего) диалектического противоречия заведомо некорректны дефиниции вроде: «противоречие — это особый (такой-то и такой-то) **тип** (класс, вид) взаимодействия, отношений и т. п.» Разве само взаимодействие вообще не есть одна из форм проявления противоречия («свое иное» взаимодействия — автономность, независимость)? А **другие** типы (классы, виды) не противоречивы? А **граница** типов и само понятие «тип» не противоречивы? Любая подобная дефиниция имплицитно содержит в себе целый клубок специфических форм противоречия. Познание всеобщности противоречия нужно довести до **логических** выводов, сразу отказавшись от иллюзорной возможности некоторой «непротиворечивой» (диалектически) дефиниции противоречия, редуцирующей его к якобы непротиворечивым «элементам» вкупе с правилами формальной логики.

Проблема объективного противоречия не может ставиться отдельно от проблемы логической формы его выражения, и здесь мы сталкиваемся с наиболее спорным вопросом о соотношении противоречия диалектического и формально-логического, затрагивающим, в свою очередь, вопрос о соотношении предметов логики диалектической и логики формальной. Тожество мышления и бытия неотделимо от их различия, противоположности. Противоположность материального и идеального, объективного и субъективного находит свое продолжение в сфере идеального, в частности, в различии объективного и субъективного в самом знании, истины и заблуждения, адекватного и неадекватного, более или менее адекватного концептуального образа предметного противоречия, образа явного и неявного

⁵ См.: *Зак С. Е.* Принципы и основные законы материалистической диалектики. М., 1974. С. 86; *Бородкин В. В.* Проблемы противоречия в материалистической диалектике. М., 1982. С. 61, 89, 90; *Балибар Э.* Еще раз о противоречии. Диалектика классовой борьбы и классовая борьба в диалектике//Французские марксисты о диалектике. М., 1982. С. 36—37; *Кошев В. М.* Принцип единства противоположностей в логике «Капитала»//Методология «Капитала» К. Маркса и современная наука. Л., 1984. С. 31; и др.

(имплицитного) и др. Существует необходимость рефлексии по поводу адекватности и неадекватности образа, стало быть, и необходимость логических средств такой рефлексии, средств разграничения того, что есть в бытии, и того, что есть только в мышлении, реального и нереального, наличия и отсутствия, возможного и невозможного и др. Такого рода логическим средством является **формально-логическое отрицание** («не»). Известное пренебрежение к проблеме формально-логической непротиворечивости концептуального образа, ироническое отношение к формально-логической правильности, абсолютизацию антиномий трудно оправдать. Если признать адекватность реальности формулы «А и не-А», то исчезнет почва антитезы «адекватно — неадекватно», «истина — заблуждение», «реально — не-реально» и т. д.

Не будем касаться роли антиномий в познании, согласившись, в основном, с известной позицией И. С. Нарского. Возьмем исходными следующие положения. Адекватная реальности мысль формально-логически правильна. Формально-логически правильная мысль может быть неадекватна реальности не из-за правильности, а из-за недостаточности, неразвернутости, обедненности, неконкретности. Эклектично было бы считать диалектическое и формально-логическое противоречие разными видами общего им рода⁶. Так или иначе диалектично в мире все, по своему диалектичны контрадикторная противоположность и формально-логическое противоречие как специфическая движущая сила мышления и **только** мышления. Нельзя только представлять контрадикторность в качестве **общего**, а не частного случая диалектической противоположности вообще, грубо «онтологизируя» соединимое «на словах», но в жизни подобное «мыльным пузырям»⁷. Такого рода редукция общего к частному неизбежно повлечет за собой отождествление диалектики с алогизмом и иррационализмом⁸.

Говоря о мышлении, нужно учесть, в первую очередь, его речевую, знаковую форму, которая специфична для него и только для него. Учет этой специфики выявляет следующие обстоятельства.

Во-первых, знаковая форма (в пределах которой реализуется любая формализация) — только «скелетная» структура фактически функционирующего мышления, сращенная с чувственными образами, волевыми побуждениями, схемами действия. Отсюда — ход к семантике и «прагматике», в том числе и применительно к категориям, выражающим стороны противо-

⁶ Сорокин А. А. О разрешении противоречий//Диалектическое противоречие. С. 306—307.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 215.

⁸ См.: Проблемы диалектики. Л., 1978. Вып. 8: Идеалистическая диалектика XX века. С. 60.

речия. Невозможно игнорировать связь вербализованного знания с другими «слоями» человеческой психики⁹.

Во-вторых, отраженная в знаковой форме объективная тотальность аналитически препарируется, а элементарный закон этой стороны движения мысли — диалектический анализ, в ходе которого не исчезает взаимная зависимость разделенных сторон. Отсюда — ход к синтаксису применительно к категориям, выражающим противоречие, к принципиальной **кругообразности**¹⁰ логической структуры мышления, взятой в целом.

В-третьих, знаковая форма принципиально **дискретна** при существенной **непрерывности** самой объективной реальности. Отсюда — ход к **тождеству** категорий, выражающих стороны противоречия в смысле взаимопроникновения.

Логическая структура мышления в целом принципиально кругообразна, замкнута сама на себя. Кольца, круги мысли обнаруживаются на уровне всеобщих категорий. Как результат абстрагирования изолированное понятие — не истина, а только ступень к ней на пути включения в систему понятий, на пути конкретизации. Этот путь, согласно Гегелю, — внутренний круговорот понятия, тождественного всей системе понятий. Гегель, в принципе, прав, полагая, что форма суждения является **односторонней**, а потому недостаточной для выражения истины. Диалектическое противоречие выражается неразвито и неявно каждым понятием, каждой категорией, а всесторонне — всей теорией диалектики. «...Сущность является. Явление существенно»¹¹ — это адекватная миру логически непротиворечивая форма выражения одного из всеобщих диалектических противоречий. Аналогично — для всех других парных категорий.

Диалектические противоречия выражаются «квазиантиномиями»: двумя суждениями, образующими логический круг, который не является однако подлинной антиномией из-за отсутствия между суждениями отношения контрадикторности. Нарушения правил формальной логики здесь нет. При переходе к отражению огромной массы особенностей посредством специфических понятий данная кругообразность затеняется сложнейшей «сетевидностью» многочисленных связей и далеко не всегда сразу просматривается. Формально-логически верные рассуждения не всегда поднимаются до выявления замкнутой сетевидной логической структуры в целом, выхватывая более или менее длинные, но конечные, разомкнутые участки целостной сети. Вот почему бывает, что логически правильная мысль неадекватна реальности из-за своей недостаточности. Одна из важных задач диалектической логики — раскрыть то «кольцо», внутри кото-

⁹ Пивоваров Д. В. Об одном механизме возникновения антиномий-противоречий в научном познании//Филос. науки. 1984. № 2.

¹⁰ См.: Принципы материалистической диалектики как теории познания. М., 1984. С. 119—127.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

рого существует любая цепь типа «посылки — рассуждение — вывод». Данное требование направлено против тех, кто принимает за высшую степень логичности однонаправленную схему движения мысли, оперирующую некими исходными «элементами» некоего «изначального» контрарного множества. Такого рода ограниченность Гегель называл рассудочной, а К. Маркс указывал на «*грублянский характер*» подобного «здорового человеческого смысла»¹².

Раскрыть **круг** логических взаимозависимостей с помощью всеобщих категорий, так или иначе скрывающихся за любой мыслью, — значит раскрыть один из аспектов **тождества** диалектических противоположностей в смысле внутренне дифференцированного единства, принадлежности одному «кольцу», одной внутренне поляризованной субстанции, стороны которой взаимообусловлены, единому синтетически-всеобщему началу.

Далее, взаимообусловленные противоположности, принадлежащие единому «кольцу», в самом общем случае **взаимопроникают**¹³, и это другой важный аспект тождества противоположностей; не контрарность (соприкосновение «по касательной») и не контрарность (разрыв, заполненный промежуточными, посредствующими звеньями), а конкретное **тождество**, узкая область известной неразличимости. Контрарность и контрарность — частные, производные варианты. От прямого признания единства, тождества как взаимопроникновения уводит не только «диалектика разных отношений», но и концепция «посредствующих звеньев»¹⁴. Она вполне годна для контрарных противоположностей, но саму природу последних не осмыслить с монистических позиций без предварительного признания **взаимопроникающих** противоположностей. А для всеобщих противоположностей, выраженных категориями, опосредованные и непосредственные связи всегда едины¹⁵, нельзя раскрыть первые без вторых, тогда как вторые — предпосылка осмысления первых.

Вопрос о логической форме выражения тождества противоположностей в данном аспекте приводит к семантике терминов, обозначающих стороны противоречия. В научной литературе дана убедительная критика абсолютизированной логико-синтаксической трактовки значения слова вообще¹⁶, категорий в особенности¹⁷. Ни одна категория не редуцируется к сумме связей

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 299.

¹³ См.: Вьяккерев Ф. Ф. Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М., 1963. С. 43; Смоленов Х. Диалектический синтез и нетривиальная противоречивость // Филос. науки. 1984. № 1. С. 129—130.

¹⁴ См.: Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973. С. 228—261.

¹⁵ Сорокин А. А. О понятии противоречия в диалектике // Диалектическое противоречие. С. 113.

¹⁶ См.: Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982. С. 69—75.

¹⁷ См.: Брутян Г. А. Природа языка философии // Филос. науки. 1976. № 1.

со всеми другими. В свете этого некорректны встречающиеся попытки такой редукции путем строгого определения одних категорий через другие¹⁸.

Выразить диалектическое противоречие, абстрагируясь от семантики категорий, невозможно. Формализация синтаксиса теории диалектики заведомо поведет к утрате качества «диалектичность». Задача описания диалектического противоречия исключительно «набором» операторов формальной логики невыполнима уже в своей **постановке**, это программа редукции сложного к простому. Развитие все более изощренных средств формализации показывает, что всегда будет «неформализуемый остаток», который неустраним из теории диалектики¹⁹. В основе этого, в конечном счете, — тоже противоречие: между принципиальной дискретностью всякого формализма и моментом непрерывности отображенной с его помощью объективной реальности.

Думается, что как исторически, так и логически неверно представлять ситуацию следующим образом: формальная логика налагает определенную систему запретов, а диалектика якобы позволяет нарушать их. В действительности же, благодаря анализу, выходящему за рамки специфических задач и приемов формальной логики, диалектика раскрывает множество глубинных противоречий там, где все формально-логически безупречно (противоречий, как правило, имплицитно скрывающихся за оператором предикативности и обнаруживающихся путем «перевода» понятий на язык всеобщих категорий с последующим вниманием к их семантике). Развитие формализации, а также алгоритмизации с использованием соответствующих достижений в технике — несомненное проявление прогресса, и враждебное отношение к нему в корне чуждо диалектике. Но ей чужда и односторонность **ограничения** мышления его формализуемым и алгоритмизируемым «слоем». Перспективна, думается, программа осмысления формализации в качестве «своего иного» диалектики²⁰. У формализации всегда есть свои собственные **границы**. Не нарушая правил, верных в этих границах, нужно выйти в область, где возникают, как минимум, требования постижения кольцеобразности логической структуры мышления и взаимопроникновения противоположностей, выраженного семантически, о чем речь шла выше. Ни то, ни другое не колеблет правил формальной логики, но не вытекает из ее существа. Прогресс формализации постоянно перемещает конкретно-истори-

¹⁸ См.: Петров Ю. А. Методологические вопросы анализа научного знания. М., 1977. С. 42.

¹⁹ Нарский И. С. Проблема философского истолкования паранепротиворечивых логик (по поводу статьи проф. Ньютона Да Коста)//Филос. науки. 1982. № 4. С. 111—112.

²⁰ См.: Мареев С. Н. Диалектика формального и содержательного в познании//Проблемы материалистической диалектики как теории познания: Очерки теории и истории. М., 1979. С. 183.

чески обусловленную границу формализуемого и в принципе неформализуемого современными средствами. Соответственно, конкретно-исторична та граница, с которой начинается собственно **диалектико-логический** анализ. Ничем не ограничен двуединый процесс развития формализации с одновременным выходом за пределы формализуемого, где встает проблема интерпретации и начинается сфера диалектической логики. Одновременно никогда не исчезает специфическая внутренняя диалектичность самого формализованного мышления, диалектическая взаимозависимость понятий, суждений и умозаключений, внутренняя диалектика знаковых систем. Диалектика, таким образом, чужда как враждебности к формализации, так и ее апологетике.

Тождество противоположностей как взаимопроникновение динамично, область взаимопроникновения сторон противоречия **объективно** нестабильна, а вследствие этого совершенно строго формально-логически нефиксируема. В процессе функционирования и развития каждого конкретного противоречия, как известно, возникают моменты тождества его сторон в смысле **равнодействия** и момента взаимного превращения, перехода в «свое иное». Они достаточно хорошо известны.

Таким образом, существует, по меньшей мере, четыре оттенка выражения «тождество противоположностей»: 1) тождество как единство, как общая основа поляризации, внутри которой обнаруживается кругообразная взаимозависимость сторон; 2) тождество как взаимопроникновение сторон; 3) тождество как равнодействие сторон; 4) тождество как взаимопревращение сторон. Наличие таких оттенков в данном случае, думается, — нечто большее, нежели проявление полисемии. Объективно диалектическое противоречие обладает сложной внутренней структурой и сложным способом жизнедеятельности, а различные оттенки понятия схватывают различающиеся, но нерасторжимые моменты единой целостности.

Тождество противоположностей в диалектической концепции связи

Принцип тождества противоположностей является одним из фундаментальных в материалистической диалектике. Согласно данному принципу, противоположности не могут быть абсолютно противопоставлены друг другу, так как между ними существует отношение совпадения (слияния, равенства, взаимодействия, и т. д.). Противоположности не только крайние формы различия, но совпадают в «одном», что и выражается понятием «единство». По В. И. Ленину, единство противоположностей «условно, временно, преходяще, релятивно», тогда как борьба «абсолютна, как абсолютно развитие, движение»¹. Эта ленинская мысль лежит в основе утвердившегося в философской литературе мнения, что единство (тождество) противоположностей отражает момент временного равновесия между ними, а потому оно преходяще.

Как отмечено Ф. Энгельсом, «если вещи присуща противоположность, то эта вещь находится в *противоречии* с самой собой»². Значит, раздвоение на противоположности есть также самоотрицание себя, противоречие со своей собственной определенностью. Противоположности определяют характер внутренних переходов, намечают ориентиры становления «иного», вычленяют элементы нового и т. д., то есть являются «пунктами» самоизменения. Поэтому с точки зрения самообращенности «на себя» речь может идти только о таком тождестве противоположностей, которое заключает в себе момент временного сохранения как необходимого в процессах порождения «одного» из «другого». Противоположности тождественны в том смысле, что одна из них служит началом, а другая — завершением самоизменения.

Но истолкование тождества противоположностей в плане отражения в нем временно устойчивого имеет отношение лишь к отдельному объекту. В одном и том же объекте или на основе одной и той же сущности противоположности сосуществуют, пребывают во временно устойчивом равновесии. Вместе с тем всякое «отдельное» представляет собой не только форму относительно самостоятельного существования, но и форму взаимо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 640.

отношения со всей мировой связью событий. Поэтому диалектика обращенности «на себя» должна быть дополнена диалектикой связи мира в целом и отдельного явления. Для диалектического материализма это есть проблема принципиальной важности. Она поднимает вопрос о необходимости исследования связи «отдельного» с таким «всеобщим», которое есть основание всего, а точнее, под которым подразумевается материя как субстанция — основа всякого отдельного существования. Под углом зрения детерминации всеобщим (единой материальной субстанцией) отдельных материальных образований принцип тождества противоположностей приобретает особое субстанциальное содержание. В этой связи возникает потребность в анализе тождества противоположностей как субстанциального отношения.

Известно, что противоположности зависят друг от друга (каждая является условием существования другой), взаимодействуют друг с другом (каждая является причиной возникновения другой) и взаимопроникают друг в друга (каждая заключает в себе другую и при своем изменении в нее переходит). Имеют место и другие формы взаимовлияния, свидетельствующие о многообразии связей между противоположностями. Для наших целей представляют интерес именно названные формы, поскольку в них находят свое наиболее полное выражение функциональные, причинно-следственные и генетические связи между противоположностями. Мы полагаем, что в соответствии с каждой формой связанности можно выделить различные «срезы» диалектического анализа действительности.

Функциональные зависимости между противоположностями находят отражение в диалектике связей и отношений. Это есть наиболее общий подход к диалектическому процессу, в котором главное заключается в переходах между различными формами функциональной зависимости. Причинно-следственные отношения между противоположностями являются объектом диалектики движения (самодвижения). По отношению к диалектике связи это есть более конкретный уровень диалектического освоения мира. Здесь ведущим является вопрос о внутреннем причинении (самопричинении) и о переходах друг в друга различных состояний движения. Взаимопревращение противоположностей и анализ отношения генетической преемственности между ними требуют еще более конкретного и глубокого знания. Поэтому необходим и особый уровень исследования диалектики мира. Этот уровень реализуется в диалектико-материалистической концепции развития. Основным моментом диалектики развития является порождение одного другим, становление одного из другого.

Так как вопрос о диалектике связи является наиболее общим и абстрактным, то он должен логически предшествовать другим аспектам диалектического анализа. Это значит, что нельзя исследовать проблему движения и причинно-следственных отно-

шений без установления внутренних функциональных зависимостей, а изучение исторического процесса невозможно без предварительного анализа структуры причинно-следственных связей и отношений. Следовательно, понятие связи не только «начало», но и дальнейшее движение, в котором происходит обогащение новым содержанием. Так, историческая связь богаче определенными, чем связь причинно-следственная, а последняя содержательнее связи функциональной. Можно сказать, что переходы вдоль линии «связь — движение — развитие» представляют собой восхождение от абстрактного к конкретному³. В этом восхождении исходное содержание не утрачивается, а воспроизводится вновь как все более многостороннее. Говоря словами Гегеля, оно «несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя»⁴.

Следует заметить, что диалектика связи является исходной также и в историческом плане. Учения древних мыслителей о все связывающем и разделяющем первоначально представляют собой исторически первую форму диалектического мышления. В Новое время материализм шел по пути утверждения идеи самодвижения, причем выводы древних авторов относительно связи «всего во всем» не были отброшены, а продолжали переосмысливаться с учетом понимания материи как всеобщей субстанции и причины самой себя. В трудах материалистов Нового времени сформировался новый уровень диалектико-материалистического мышления, центральным пунктом которого было принятие тезиса о всеобщем взаимодействии и движении. Выводы материализма о всеобщей взаимосвязи и самодвижении (внутренней активности) материи получили дальнейшее обоснование в диалектическом материализме. Возникло еще более глубокое понимание связи, опирающееся на диалектико-материалистическую концепцию развития.

В современной науке проблемы диалектики связей и отношений решаются на общенаучном уровне в рамках системно-структурного анализа. Поэтому системно-структурная теоретическая ориентация выступает в современной научной методологии как самая всеобъемлющая. Понятие системы применяется настолько широко, что фактически все объекты научного анализа квалифицируются сегодня как системные. В философском плане это объясняется потребностью всестороннего исследования внутренней связанности элементов и частей как необходимой основы выделения целостного объекта. Можно сказать, что «всепроникаемость» системного подхода имеет глубокое основание в диалектике всеобщей взаимосвязи. Системный объект, входящий в некоторую надсистему, которая в свою

³ См.: Лойфман И. Я. Развитие как базисная категория диалектики// Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976.

⁴ Гегель. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 307.

очередь есть часть метасистемы и т. д., наглядно выражает ту мысль, что в материальном мире все связано со всем.

Особый интерес представляет вопрос о системности как методе анализа внутри философского знания. В последнее время в философской литературе поднимаются вопросы о понимании развития как сложно-организованного системного процесса⁵, о возможности системно-структурного анализа диалектического противоречия⁶, о необходимости трактовки материи в целом как системы-субстанции⁷, о единстве в материальном мире самодвижения, организованности и системности⁸ и другие. Мы имеем многочисленные свидетельства глубокого проникновения системных представлений в теоретические схемы диалектики.

Системность в диалектике — это выражение относительной самостоятельности концепции связи и ее фундаментальной роли в философском анализе, именно той роли, в которой связь выступает в качестве одного из исходных понятий. По мере конкретизации диалектического процесса понятие связи обогащается, становится содержательнее. При этом обнаруживается, что во-первых, теория диалектики должна составлять целостную систему, во-вторых, сама диалектика ориентирована на изучение системных объектов. Иначе говоря, диалектика может развертываться только как система и только системы могут служить объектом диалектики.

Обе формы системности отражают две различные тенденции развития философского знания. Системность, относящаяся к теории диалектики как целому, характеризует всеобщую связь элементов диалектики (категорий, принципов, законов), что является теоретическим воплощением действительной всеобщей взаимосвязи материального мира как целого. В данном случае проявляется специфическая особенность философского знания, состоящая в его глубокой ориентации на познание материи как целостного процесса. Системность, относящаяся к отдельному явлению — объекту диалектического анализа, выступает в качестве показателя того, что только внутренне связанный целостный процесс может обнаруживать признаки диалектического движения. Поэтому целостность и внутренняя связанность (системность) есть необходимое условие проникновения в суть диалектики отдельного материального образования.

Из сказанного следует, что теория диалектики обращена, во-первых, к миру в целом, к выяснению глобальных аспектов связи (всеобщей взаимосвязи), самодвижения (всеобщего взаи-

⁵ См.: Миклин А. М., Подольский В. А. Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980.

⁶ См.: Бородин В. В. Проблемы противоречия в материалистической диалектике. М., 1982.

⁷ См.: Солопов Е. Ф. Введение в диалектическую логику. Л., 1979.

⁸ См.: Петрушенко Л. А. Единство системности, организованности и самодвижения. М., 1975.

модействия) и развития (всеобщего развития) и, во-вторых, к отдельному объекту, к выяснению локальных аспектов бытия частей целостного материального мира. Единство глобального и локального аспектов диалектического миропонимания несет в себе важную методологическую функцию. С точки зрения этого единства, а с ним и диалектического метода вообще, «отдельное» может обнаруживать себя не иначе как в качестве «частицы» всеобщей взаимосвязи и всеобщего развития, следовательно, оно должно «смыкаться» в своем диалектическом движении с мировым целым.

Возвращаясь к вопросу о тождестве противоположностей, подчеркнем, что этот вопрос принято исследовать лишь в связи с «отдельным», в котором только и может происходить зарождение, вызревание и разрешение диалектического противоречия, а значит, и раздвоение на противоположности. Справедливо утверждение, что всякий относительно целостный (системный) объект внутренне противоречив, то есть имеет собственный импульс активности и самодвижения. Вместе с тем заострение внимания лишь на «отдельном» ограничивает возможность анализа роли противоречия во всеобщем движении. С нашей точки зрения, противоречие должно раскрываться не только по отношению к отдельному объекту, но и отражать глобальный аспект детерминации материальных явлений. Восхождение отдельного ко всеобщей материальной субстанции или к материальному миру в целом следует рассматривать как необходимое условие выяснения причины «отдельного» в мировой исторической связи явлений. Именно в таком «восхождении» как раз и заключается специфическая особенность философского метода познания действительности. Для философии обращение к глобальным аспектам бытия, в конечном итоге к миру в целом является основополагающим гносеологическим принципом⁹.

Но тогда и содержание тождества противоположностей не может быть ограничено «отдельными» явлениями. Тождество противоположностей в его наиболее глубоком и всестороннем выражении заключает в себе взаимосвязанные и взаимодополняющие стороны. Одна сторона отражает диалектику локального бытия в некоторой системе связей и отношений, другая восходит к диалектике всеобщей взаимосвязи, «замыкает» объект на мир в целом. В единстве этих сторон заключается самая глубокая сущность явлений, а значит, и сущность тождества противоположностей. Очевидно, что эта сущность заключается в обнаружении и раскрытии субстанциального содержания. Тождество противоположностей, будучи единством глобального и локального моментов бытия, тем самым заключает в себе не-

⁹ См.: Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М., 1983. С. 64—80.

изменное, абсолютное, инвариантное и т. д. Это есть именно такое тождество, которое отражает как временно устойчивые формы бытия отдельного, так и неуничтожимость материальной субстанции вообще, непреходящий характер ее существования.

Необходимость такой точки зрения на тождество противоположностей заключена в самой сути материалистической диалектики, призванной решать фундаментальный вопрос философского материализма о происхождении всего из единой материальной субстанции. Диалектика не просто констатирует факт всеобщности диалектического движения (развития, самодвижения, всеобщей взаимосвязи), но прежде всего связывает это движение с проблемой порождения из единого материального основания качественного многообразия вещей. В этом плане традиционный вопрос философского материализма о порождении вещей из единой материальной основы остается актуальным и в наши дни.

Заметим, что проблема возникновения решается в философской литературе в основном с точки зрения порождения «одного» «другим». Данная ориентация занимает значительное место в современных философских исследованиях по сравнению с устаревающим, казалось бы, философствованием по поводу ответа на вопрос, как из единой материальной субстанции образуются отдельные вещи. Однако очевидно, что чрезмерное увлечение «отдельным» оборачивается раскрытием лишь локального аспекта детерминации, а значит, ограничивает возможности выявления действительной диалектики вещей. Существует глобальный аспект причинной обусловленности событий, который должен дополнять диалектику возникновения «отдельного» из «другого отдельного».

Гносеологическая направленность на мир в целом пробивает себе дорогу не только в рамках философского знания. В настоящее время можно заметить подобную направленность в других областях научного знания. Например, современной физикой установлено, что чем глубже познание проникает в микромир, тем в большей мере ощущается потребность в привлечении для объяснения фундамента физического процесса астрофизических и космологических теорий. Движение нашего познания «вглубь» приводит к необходимости двигаться также и «вширь», в частности, обращаться к астрофизическим и космологическим характеристикам бытия Вселенной. Аналогичная ситуация складывается в связи с потребностью проникновения в глубочайшие основы «живой материи». Новейшие исследования показывают, что жизнь есть явление космического масштаба¹⁰. Ее возникновение связано с определенным этапом развития Вселенной, когда стало возможным формирование планетных систем, а зна-

¹⁰ См., в частности: Югай Г. А. Философские проблемы теоретической биологии. М., 1976.

чит, и геологической формы движения материи. Еще более фундаментальным является вопрос о разумной жизни во Вселенной. В естественнонаучном плане неясно, являются ли носители разума необходимыми существами в развитии Вселенной или же возможна иная модель, в которой бы космологический процесс протекал без «свидетелей». Таким образом, стремление выяснить ряд глубинных закономерностей материального процесса «выводит» нас на мир в целом, на необходимость познания материальной субстанции вообще.

Важно в этой связи понять, что исследуемый объект внутренне противоречив не «сам по себе», не в своей обособленной самостоятельности, но прежде всего как единичное проявление мировой связи явлений. Активность «отдельного» есть частичка активности вообще, относящейся к материальной субстанции в целом. Поэтому всякое конкретное противоречие, с которым приходится иметь дело в конкретно-научном анализе, есть так или иначе момент некоторого глобального отношения. В конкретно-научном анализе не всегда имеется возможность довести вопрос о противоречии до уровня понимания его особого места во всеобщем движении. Во многих случаях это невозможно сделать ввиду незначительной роли исследуемого явления в исторической связи его с другими явлениями. Это, однако, не должно заслонять от нас необходимость признания того, что всякое единичное противоречие через его связь с особенным восходит ко всеобщему и тем самым обнаруживает субстанциальное содержание. И дело здесь не только в том, что конкретное противоречие есть форма выражения внутренней активности материи как субстанции. Активность, реально воплощаемая в раздвоении единого на противоположности и вызревании противоречия, есть также и формирование «отдельного», которое в его глобально-генетическом аспекте фиксирует порождение из единой субстанции отдельного материального образования.

Можно указать и на то, что в парных категориях диалектики, характеризующих системность и внутреннюю связанность, одна из противоположностей не является «равноправной» с другой с точки зрения их гносеологического статуса в отражении наиболее общих принципов бытия. Например, категории «часть — целое» не равнозначны в том смысле, что «часть» может относиться только к отдельному, тогда как «целое» в принципе ничем не ограничено и в своем абсолютном понимании может относиться к миру в целом. Аналогичное можно утверждать и относительно пар категорий «бесконечное — конечное», «система — элемент», «единое — множественное», «внутреннее — внешнее» и ряда других. Если категории «бесконечное», «система», «единое», «внутреннее» отражают свойства, которые в своем предельном развитии могут быть приемлемыми только для мира в целом, то категории, противоположные данным («конечное», «множественное», «элемент», «внешнее»), в большей

мере призваны характеризовать свойства «отдельного». По-видимому, есть основания полагать, что раздвоение на мир в целом и отдельное явление становится существенным компонентом диалектического миропонимания.

Итак, мы приходим к выводу, что тождество противоположностей, заключая в себе момент единства «глобального» и «локального», тем самым отражает субстанциальное отношение. Данное тождество в качестве принципа диалектического освоения мира ориентирует теорию материалистической диалектики на выяснение проблемы бытия мира в целом, на понимание этого мира как единой материальной субстанции. В отношении отдельного объекта тождество противоположностей заключает не только момент самообращенности объекта «на себя», но и момент его «обращенности» к материи в целом как субстанции всякого отдельного существования. Поэтому тождество противоположностей свидетельствует как о преходящем (релятивном, временном) бытии, так и о наличии в преходящем вечного и неуничтожимого.

В заключение отметим, что тождественное в противоположностях определяет их единую сущность. «Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство,— пишет К. Маркс,— то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей»¹¹. Следовательно, то, что на поверхности имеет форму относительно самостоятельного существования, есть глубокое внутреннее движение, ведущее к совпадению в едином, в сущности. Но сущность многопорядкова. Поэтому при переходе к более глубокому уровню знания обнаруживаются новые «порядки» тождественного, а с ними и новые противоположности. В таком движении и заключается бесконечное познание материи как единой субстанции.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 124.

Тождество противоположностей как их взаимоотражение в процессе развития (методологический аспект проблемы)

Отражение обычно понимается как процесс и результат воспроизведения особенностей и состояний одной из взаимодействующих систем во внутренней структуре другой. Понятно, что при своем взаимодействии предметы и явления взаимно отражают друг друга с той или иной степенью полноты и точности, т. е. репрезентируют себя в другом в форме своих следов — копий. В структуре отражаемого и отражающего эти следы-копии могут при определенных условиях играть довольно активную роль, подчас заметно изменяя общий характер функционирования их носителей. В наиболее развитом виде это присуще субъект-субъектным отношениям, а в зародышевой форме, вероятно, свойственно и «фундаменту материи».

Поскольку существуют объективные основания для различения внутренней и внешней сторон взаимодействия, его структуры и функционирования, постольку правомерно абстрагировать «взаимодействие» и «взаимоотражение» как два относительно самостоятельных и взаимодополняющих принципа. В литературе все чаще высказывается предположение о том, что «процессы отражения — неотъемлемый компонент «фундамента самого здания материи», на том основании, что они выполняют роль внутреннего механизма ее развития, обеспечивая саморазвитие материи»¹. Л. Ф. Ильичев и Г. А. Давыдова видят в соединении принципа развития с принципом отражения один из главных путей дальнейшего углубления наших представлений о сущности развития². Особый интерес имеет применение принципа взаимоотражения к анализу взаимодействия сторон диалектического противоречия. В этом случае взаимное отражение противоположностей можно истолковать как их конкретное тождество — тождество, возникающее между копией-следом в структуре отражающего и отражаемым как ее прообразом. Рассмотрим три важных методологических последствия при-

¹ Пахарь Л. И. О взаимосвязи движения, отражения и развития//Понятие развития и актуальные проблемы теории социального прогресса. Пермь, 1985. Ч. 1. С. 131.

² См.: Ильичев Л. Ф., Давыдова Г. А. Материалистическая диалектика и проблема развития//Вопр. философии. 1985. № 3. С. 21.

менения принципа взаимоотражения противоположностей для объяснения процессов изменения и сохранения, а именно для решения «парадокса возникновения», проблемы развития объективного закона и вопроса о причине отрицания отрицания.

1. **Проблема возникновения нового качества** в процессе борьбы диалектических противоположностей обычно решается следующим образом. «Противоречия не статичны, они живут, их стороны меняются местами, значимость одних резко возрастает, а других падает и т. д. Это заранее предопределяет неизбежность крутых изменений в условиях развития»³. Данное утверждение верно, но все-таки оно недостаточно для объяснения того обстоятельства, что при разрешении диалектического противоречия возникает такое новое содержание, которого не было у взятых по отдельности сторон противоречия. Если обращать внимание лишь на перевес одной из противоположностей над другой, то мы приходим к выводу о том, что содержание «крутого изменения» ничем не должно отличаться от содержания победившей противоположности. Причем, если ограничиваться идеей «перетягивания» и не вводить иных онтологических допущений, то остается признать фактическую неизменность содержания побеждающей противоположности до и после ее победы. Например, обсуждая борьбу двух противоположных точек зрения на один и тот же предмет, мы тогда должны были бы сказать, будто победивший взгляд на предмет полностью определяется содержанием оставшейся альтернативы. Но это далеко не так: победившая альтернатива чаще всего включает в себя в преобразованном виде некоторое положительное содержание своей противоположности, т. е. отражает его и изменяется под его воздействием. Тем самым альтернативы становятся в конце своей борьбы в определенном смысле более тождественными, чем были вначале.

Если же рассматривать процесс борьбы противоположностей как процесс их взаимного отображения и в то же время учитывать момент неравновесности сторон диалектического противоречия, то становится более ясной онтология нового качества, возникающего в результате борьбы противоположностей. Победившая противоположность отличается от своего прежнего состояния потому, что включила в себя в отраженной форме некоторые ранее не присущие ей черты побежденной противоположности. Чем острее борьба противоположностей, тем интенсивнее происходит процесс их взаимоотражения и тем в большей степени совершается изменение каждой из них под воздействием приобретаемых отражений-следов. В особенности это характерно для социально организованной материи. Скажем, в ожесточенных сражениях двух армий обе из них так или

³ Туркин Л. П. Принципы диалектического материализма. Красноярск, 1984. С. 84.

иначе познают способы и средства ведения войны друг с другом. Результаты такого взаимного отражения материально сказываются в корректировании их воздействий друг на друга. Чем упорнее противодействие противника, тем более качественно измененной становится армия-победительница. Новое качество возникает в результате диалектического отождествления существенно различных сторон объективного противоречия. Носителем нового качества чаще всего оказывается победившая противоположность, однако сама она существует уже не в прежнем виде, а изменена под воздействием относительно длительного отражения своей альтернативы. Последняя может уже не существовать в своем прежнем вещественном, энергетическом и информационном качестве, но она продолжает тем не менее свое существование в форме своего представителя-копии в ином материале, в иной структуре. Можно высказать предположение, что для относительно замкнутых материальных систем справедлив своеобразный **закон сохранения и аккумуляции информации**. Этот закон в общем виде мы формулируем так. **Результатом взаимного воздействия и отождествления различающихся или противоположных элементов и сторон относительно замкнутой системы является увеличение ее информационной емкости.**

Там, где отражение носит активный характер, а его результаты заметно сказываются на изменении поведения отражающих систем, действие закона самовозрастания информации (за счет внутренних взаимодействий элементов системы) прослеживается довольно четко. Прежде всего он распространяется на биогеоценозы и социальную форму движения материи, для которых в целом характерен антиэнтропийный способ развития, хотя и диалектически дополняющийся разрушительными энтропийными процессами. Если критерий прогресса связывать не столько с вещественными и энергетическими, сколько с информационно-отражательными параметрами, то там, где доминирует активное отражение и происходит самовозрастание информации, магистральной линией развития оказывается прогресс.

В узкой форме — только по отношению к научно-теоретическому познанию, протекающему как столкновение альтернативных концепций — закон самовозрастания информации в явном виде одним из первых сформулировал К. Поппер. В своей книге «Объективное знание» он индуктивным путем приходит к выводу: при столкновении и взаимной критике двух альтернативных теорий получаемая в итоге информация будет больше, чем ее заключалось во взятых порознь данных теориях вместе⁴. Любопытно, что эта идея фактически разрушает исходные идеалистические предпосылки эпистемологии Поппера, который полагает, будто всякое знание построено на песке, а истину как

⁴ Popper K. Objective Knowledge. Oxford. 1972. P. 149.

цель научного познания надо вынести «за скобки». Но сам философ не обсуждал это явно логическое противоречие публично. Материалистически — в духе ленинской теории объективной истины — толкуя индуктивное обобщение Поппера, можно заключить, что метод альтернатив⁵ является важнейшим общенаучным средством саморазвития знания, а искусственное устранение из науки альтернатив до периода их максимального взаимоотражения объективно оказывается тормозом научного прогресса.

При помощи принципа взаимоотражения (тождества) противоположностей, по нашему мнению, удастся в общем виде разрешить сформулированный в нашей философской литературе В. В. Орловым парадокс возникновения. Парадокс заключается в теоретической трудности согласования друг с другом двух положений: а) новое не может заключаться в старом, иначе оно не было бы новым; б) новое не может не возникнуть из старого, иначе его появление было бы чудом⁶.

Обсуждая эту действительную теоретическую трудность, В. В. Орлов находит только один выход — объявить способность к порождению нового ниоткуда невыводимым и изначальным, атрибутивным свойством материи. «С введением понятия об изначальности и невыводимости развития парадокс возникновения теряет свою антиномическую неразрешимость, снимается и оказывается не чем иным, как реально существующим противоречием возникновения, развития, которое является предельно широким, всеобщим противоречием материи, т. е. имеет изначальный и невыводимый (из каких-либо общих свойств) характер», — пишет он⁷. А. С. Богомолов констатирует, что объяснение феномена нового В. В. Орловым тавтологично: «в лучшем случае это тавтологическая фиксация установленного наукой факта развития: «возникновение нового имеет своей основой способность возникновения нового»⁸.

А. С. Богомолов полагает, что парадокс возникновения легко снимается, если его проанализировать в терминах закона перехода количественных изменений в качественные⁹. На это В. В. Орлов резонно замечает, что ссылка на данный закон есть видимость объяснения, «ибо проблема парадокса как раз в том и заключается, почему количество переходит в качество, почему возникает новое качество, которого не было в прежней качественной и количественной определенности»¹⁰. По нашему

⁵ См.: Пивоваров Д. В. Метод альтернатив в современной «философии науки» и его границы // Филос. науки. 1979. № 6.

⁶ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 98—116.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Богомолов А. С. Разрешает ли «концепция уровней» парадокс развития? // Филос. науки. 1970. № 3. С. 69.

⁹ См.: Там же. С. 70.

¹⁰ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. С. 111.

мнению, парадокс возникновения имеет свое рациональное разрешение уже в рамках закона единства и борьбы противоположностей, а закон перехода количественных изменений в качественные является лишь аспектом и теоретическим обобщением предельного состояния взаимоотражающихся противоположностей.

В самом деле, в процессе напряженного взаимодействия и взаимоотражения сторон диалектического противоречия его ведущая сторона синтезирует в себе собственное содержание и принципиальные особенности своего антипода, существующие в виде отражения-копии, но синтезирует постепенно, количественно изменяясь под воздействием копии до определенного момента. Если отвлечься от воздействия различных внешних по отношению к диалектическому противоречию факторов и рассматривать только его внутреннее естественное течение, то можно обнаружить в каждом конкретном случае тот момент, когда относительно самостоятельное существование подчиненной противоположности оказывается излишним, поскольку оно уже перестает насыщать господствующую сторону противоречия собственным содержанием. Предел возможного (на прежней субстратной основе) отражения достигнут, за ним следует диалектический скачок, отрицание старого противоречия; остается только одна перевесившая сторона противоречия, обогащенная отражением исчезнувшей стороны. Это и есть новое качество. Таким образом, **новое действительно возникает из старого, но не просто из старого, а из взаимодействия отличающихся друг от друга разновидностей старого.** Новое — уникальный синтез элементов старого. Идея нового теоретически выводима из идеи о тождестве противоположностей, поэтому не следует, «умножая сущности», постулировать существование особого, отличного от развития, атрибута материи — свойства возникновения.

2. Проблема развития объективного закона является частным, но в мировоззренческом отношении весьма значимым случаем проблемы возникновения нового качества. В нашей философской литературе широко распространено мнение, что объективный закон природы существует как-то иначе, чем отдельные вещи: последние появляются и исчезают, а закон как будто остается непреходящим, вечным. Отсюда тезис: все в мире развивается, кроме законов вещей и законов их развития. По крайней мере для большинства естествоиспытателей сегодня пока вообще неприемлем разговор об изменении и эволюции мировых констант. Тем не менее нам, как и ряду других авторов (например, М. Н. Руткевичу, Е. Ф. Молевичу), данный тезис представляется недиалектичным и телеологичным.

Ключом к построению правдоподобной онтологии развития объективного закона может служить идея Ф. Энгельса о взаимодействии как предельной причине всего существующего. «Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно

потому, что позади его нечего больше познавать»¹¹, — писал Ф. Энгельс, и с этой точки зрения «вечные законы природы также превращаются все более и более в исторические законы»¹². Взаимоотражение противоположностей — внутренняя сторона этой всеобщей причины развития. Объективный закон природы не может существовать до и вне взаимодействия и взаимоотражения отдельных предметов. Он появляется в самом контакте вещей, формируется в процессе их взаимодействия, развивается, хотя и значительно незаметнее, чем несущественные связи явлений. «Чем дальше мы углубляемся в сферу сущности, тем более общим характером отличаются связи между сущностями, тем они относительно менее подвижны и изменчивы», — отмечает М. Н. Руткевич¹³.

Становление объективного закона можно представить себе следующим образом. Пусть два предмета впервые вступают во взаимодействие, образуя некоторую относительно замкнутую систему. Допустим также, что до момента воздействия у них было мало сходных, общих свойств. Но вот они начинают взаимоотражаться, чем теснее их контакт, тем больше признаков одного предмета становятся моментами внутренней структуры другого. Происходит частичное отождествление обеих сторон данного взаимодействия. В структуре взаимодействия развивается относительно устойчивая связь. Допустим теперь, что это взаимодействие прекратилось. Однако «впечатанная» предметами друг в друга информация о самих себе продолжает передаваться по цепям все новых и новых взаимодействий этих предметов с уже иными предметами. Так или иначе эта информация включается в процесс управления динамикой последующих взаимодействий, в которые втягиваются другие предметы.

Продолжая приведенный выше пример о борьбе армий враждующих государств, в ходе которой противоположности частично отождествляются и взаимоотражают друг друга, можно наглядно представить себе предложенную онтологию развития закона. Данные армии прекратили взаимодействие, между ними либо установлено перемирие, либо одна из них разгромлена. Но вот одна из сохранившихся армий начинает военные действия с армией какого-либо третьего государства. Ясно, что она уже использует накопленный опыт, новые операции и средства действия, сформировавшиеся в контакте с первой армией. Обмениваясь с нею ударами, третья армия рано или поздно учитывает и перенимает данный опыт. Так возникают устойчивые стратегические и тактические схемы ведения войн, характерные для многих народов в течение сравнительно длительного

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 546.

¹² Там же. С. 553.

¹³ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 378—379.

исторического периода. Устанавливающийся закон и есть нечто вроде накапливающегося общего «опыта».

Дальнейшее необратимое усложнение связей между частично отождествившимися во взаимодействии предметами приводит к следующему. По мере того как эти связи становятся более устойчивыми и существенными, охватывая все более широкий круг взаимодействующих сторон, происходит долговременная стабилизация закона, хотя положившие ему начало единичные инициаторы могли уже исчезнуть. Общее, появившееся и усилившееся при все новых и новых взаимодействиях и взаимотражениях предметов, теперь как бы начинает доминировать над единичным, «управлять» им. В этом нетелеологичном смысле можно говорить, что закон подчиняет себе явление, правит миром.

Теперь можно представить себе происхождение новых законов той или иной степени общности. Если предметы, закрепившие в своей внутренней структуре информацию об отождествившихся с ними других предметах, вступают во взаимодействие с существенно отличающимся от них классом предметов, то в их контакте может возникнуть принципиально новая существенная связь. В развитии материальных систем происходит диалектический скачок, дающий начало новым субстратным и функциональным законам. Например, при уникальном пересечении таких распространенных в биосфере тенденций в организации организмов, как стадный образ жизни, использование подсобных орудий и сигналов, возникли законы общественного производства и общения¹⁴.

С этой точки зрения объективный закон обретает тот же статус своего существования, что и отдельные вещи. Он обладает потенциально воспринимаемыми свойствами: пространственно-временным существованием, относительной изменчивостью и развитием. Закон кажется невоспринимаемым непосредственно потому, что чувства фиксируют сиюминутность, мимолетность бытия и без помощи разума не могут отразить всю цепь взаимодействий предметов, ее историю. Закон чувственно отражается так, что оказывается неотличимым от отражения явлений. В постоянно повторяющихся практических действиях с предметами стихийно накапливаются тождественные объективным законам алгоритмы и схемы действий, которые со временем интериоризируются в операции мышления. Сравнивая на уровне рационального познания предметы друг с другом, исследуя историю их взаимодействия, наука формулирует законы объективного мира в их абстрактно-чистом виде. Современное естествознание подходит сегодня к постановке вопроса о развитии законов природы, ставит, например, проблему изменения

¹⁴ См.: Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1975.

гравитационной постоянной в процессе расширения Вселенной¹⁵. Остается неизменным лишь сам факт существования материи с ее бесконечным превращением и развитием.

Если абстрагироваться от взаимоотражения материальных процессов как внутреннего механизма продуцирования новых качеств и законов, то остается две альтернативы: а) либо признавать изначальную неизменность законов природы, б) либо рассматривать появление новых законов природы как проявление некоего атрибутивного свойства материи. Интерпретированный в свете диалектики необходимости и случайности принцип тождества (взаимоотражения) противоположностей в известной степени позволяет преодолевать концепцию изначальной предзаданности фундаменту материи всего множества известных и неизвестных человечеству законов природы, начиная от закона Ома и кончая «потенциально заключенными уже в электронах» (В. В. Орлов) законами общественного развития.

3. Принцип взаимоотражения противоположностей выполняет эвристическую методологическую функцию в решении **проблемы повторного отрицания** в процессах развития. Почему первоначально существовавшее качество, отрицаясь и переходя в свою противоположность, со временем вновь восстанавливается на новой основе? Известно, что недостаточная разрешенность этой проблемы дает идейным противникам марксизма основание для обвинения диалектического материализма в мистификации.

Так, известный неотомист Г. Веттер в своей книге «Диалектический материализм» (раздел «Материалистическая диалектика») следующим образом оценивает марксистское понимание отрицания отрицания. Пусть некоторое качество «А» отрицается и превращается в «не-А». Следовательно, «А» исчезает, остается только «не-А». Марксисты утверждают, что на третьей ступени развития «не-А» в свою очередь подвергается отрицанию, а вместо него вновь воспроизводится «А» на какой-то иной основе. Но если «А» исчезло на ступени «не-А», то как же оно может вновь появиться из «не-А»? Либо «А» сохраняется в каком-то виде на второй ступени развития (тогда существует не только «не-А», но и «А»), либо «А» появляется из ничего, а это уже явная мистика¹⁶.

Постановка вопроса Г. Веттером вполне логична. И действительно, подчас некоторые авторы-марксисты при изложении закона отрицания отрицания обходят молчанием проблему сохранения «А» на ступени «не-А», либо считают достаточной ссылку на «снятие» и переход в «свое иное». Но если «снятие» понимать как взаимоотражение противоположностей, то можно

¹⁵ Чечев В. П., Краматорский Я. М. Радиоактивность и эволюция. М., 1978. С. 101.

¹⁶ Wetter J. A. Dialectical materialism. London, 1960.

в значительной степени преодолеть указанную теоретическую трудность. Качество «А» не может полностью исчезнуть в тот период, когда начинает господствовать «не-А», в силу того, что «А» и «не-А» взаимодействовали и взаимоотражались. В «не-А» остается след-отражение «А», хотя этот след трансформирован под определяющим воздействием победившей противоположности «не-А».

Первое отрицание, по мнению В. И. Свидерского, «связано с проявлением и временным господством тенденции неравномерного, одностороннего развития»¹⁷, когда «не-А» явно выдвигается на первый план, подавляя «А». Второе отрицание является завершением ускоренного развития следа-отражения «А» в недрах «не-А». «А» вначале восстанавливается как тенденция в составе «не-А», затем ускоряет свое развитие, и если темпы этого развития превышают развитие «не-А», то может наступить отрицание отрицания: «А» подавляет «не-А». Но это уже не прежнее «А», а качество, в котором отражено некоторое принципиальное содержание «не-А». При таком толковании причины появления отрицания отрицания снимается всякий налет мистицизма в трактовке реальных процессов развития.

Как видим, принцип тождества (взаимоотражения) противоположностей дает возможность увязать в логически единое целое основные законы диалектики, преодолевая существующие еще представления об их простой рядоположенности. Причем закон перехода количества в качество и закон повторного отрицания являются разными аспектами тождества противоположностей: первый закон фиксирует предел тождества (взаимоотражения) противоположностей на одной субстратной основе, второй — на измененной субстратной основе. Известно ленинское определение диалектики как учения о том, как становятся тождественными противоположности, «при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга,— почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»¹⁸. Заметим, что В. И. Ленин писал эти слова, конспектируя идеи Гегеля о рефлексивности парных категорий. Если понимать идею о тождественности не в духе ленинской теории отражения, то будет неясно, почему стороны противоречия (коль скоро между ними различие все усиливается и усиливается) становятся тождественными? Принцип же отражения противоположностей дает ключ к правильному пониманию ленинской формулы сущности диалектики.

В заключение скажем, что принцип взаимоотражения противоположностей может проявить свои серьезные методологи-

¹⁷ Свидерский В. И. О современном понимании закона отрицания отрицания. // Диалектика отрицания. М., 1983. С. 69.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 98.

ческие возможности при исследовании субъективной диалектики, а также при рассмотрении диалектики общественного бытия и общественного сознания. Так, обсуждая проблему противоречия практики и теоретического познания, можно говорить, что, отрицаясь теоретическим познанием, практика продолжает в нем свое существование в отраженной форме — в форме мысленного эксперимента с абстрактными объектами, замещающими материальные объекты практики. Развиваясь в лоне абстрактного мышления, мысленный эксперимент на определенном этапе отрицает само это абстрактное мышление и превращается в новую практику, в свою очередь несущую на себе печать теории в виде усовершенствованной цели действия с материальными объектами. Аналогичное рассуждение правомерно в отношении диалектики общественного бытия и общественного сознания, которое дало бы более ясное объяснение тому, почему, возникая как отражение экономики, политика в определенные периоды исторического развития начинает господствовать над экономикой.

В. А. ФРИАУФ
Сибирский металлургический институт

Марксов способ монистического понимания диалектических противоречий

Исследование проблем, связанных с пониманием диалектических противоречий, остается весьма актуальным для дальнейшего развития материалистической диалектики. Проблема **монистического** понимания диалектического противоречия занимает в теории диалектики особое место. Она связана с борьбой двух основных направлений в философии — материализма и идеализма.

И если **диалектика** раскрывает **противоречивую** природу вещей, то **материализм** позволяет понять эту противоречивую природу **монистически**. В обосновании этого положения и состоит цель настоящей статьи. Для реализации этой цели рассмотрим способ понимания диалектических противоречий, развитый в «Капитале» К. Маркса и в других его работах.

В связи с нашей проблемой поставим такой вопрос: что является **основой** монистического понимания диалектического противоречия? Ответ на него может быть только один: основой такого понимания является материалистическое решение основного вопроса философии, т. е. вопроса об **отношении мышления к бытию**. Ведь противоречие мышления и бытия (сформулированное в истории философии как проблема их тождества) — это не просто особенное противоречие в ряду таких же особенных противоречий. По самой своей сути оно раскрывает **всеобщую** природу диалектического противоречия, является **ключом** к пониманию **всякого** диалектического противоречия. Именно поэтому вопрос об отношении мышления к бытию, т. е. вышший и основной вопрос философии, оказывается **единым** генетическим истоком как материализма, так и диалектики.

По этой же самой причине никакой (даже самый «абсолютный») идеализм не в состоянии выработать последовательно монистическое, научное понимание природы диалектического противоречия. Гегелевский «абсолютный» идеализм лишь создает видимость последовательно монистической теории; на самом деле, как отметил еще Л. Фейербах, Гегелю так и не удалось преодолеть кантовский дуализм мышления и бытия. «Фи-

лософия Гегеля,— пишет Л. Фейербах,— есть устранение противоречия между мышлением и бытием, но — заметьте себе! — это только устранение данного противоречия в **пределах одного элемента, в пределах мышления**¹. Подвергнув критике гегелевское решение проблемы тождества (противоречия) мышления и бытия, Л. Фейербах тем не менее так и не смог выработать альтернативную идеализму научную теорию материалистического монизма. Впервые это удалось только К. Марксу.

К. Маркс заостряет проблему до логической антиномии, смысл которой сводится к следующему. Для монистического решения проблемы совпадения (тождества) мышления и бытия необходимо обнаружить нечто «третье», нечто такое, в чем мышление и бытие, оставаясь противоположностями, выступают тем не менее моментами **одного и того же**. В то же время для преодоления мистификаций идеализма недостаточно просто указать на нечто «третье», т. е. общую для мышления и бытия «субстанцию». Необходимо само это «третье» понять как превращенную форму одной из двух противоположностей — бытия или мышления.

Сделать это необходимо хотя бы потому, что, во-первых, логика поисков «третьего» приводит к эклектике, т. е. попыткам стать выше «односторонностей» материализма и идеализма (первично якобы не мышление и не бытие, а что-то «третье» — ни то, ни другое). А во-вторых, эта логика ведет (в плане логического обоснования) к регрессу в дурную бесконечность: ведь всякое новое «раздвоение единого» в самом «третьем» заставит вновь искать «потустороннюю» форму единства, и т. д.

К. Маркс, разумеется, отчетливо видел всю проблематичность ситуации. Выход к «третьему» началу необходим, но столь же необходимо само это «третье» обнаружить **внутри** отношения мышления к бытию. Гегель пытался решить эту проблему тем, что таким «третьим» у него оказывается «саморазвивающееся понятие». Этот гегелевский вариант, т. е. сведение противоположностей мышления и бытия к своему единому основанию — «понятию» — и послужил для К. Маркса отправным пунктом его критики **логической** несостоятельности идеализма. Трудность этой критики заключалась именно в том, что недостаточно просто сказать, что идеализм есть ложная логическая система; надо доказать эту ложность **изнутри**, и доказать именно логически. А для этого необходимо обратиться к тем реальным проблемам, которые были поставлены идеалистически ориентированной «Логикой» Гегеля, но принципиально не могли быть ею решены.

Главная логическая некорректность гегелевской «Логики» и состоит, по К. Марксу, именно в том, что Гегель некритически прибегает к логике «третьего» начала. Во-первых, потому, что

¹ Фейербах Л. Избр. филос. произведения. М., 1955. Т. 1. С. 127.

(как отметил Л. Фейербах) у Гегеля никакого выхода к «третьему» и быть не может: ведь само бытие «растворяется» у него в пределах **одного** элемента, т. е. мышления. Во-вторых, потому, что это «третье» — невесть откуда взявшееся Понятие — просто постулируется Гегелем как **абсолютное, но ничем не обоснованное основание**. Здесь и подстерегает идеалистическую логику Гегеля неизбежный логический парадокс — парадокс логического самообоснования своего начала. «Абсолютное понятие» оказывается абсолютно неспособным к собственному обоснованию! Ведь его надо было просто принимать **на веру** (как некое логическое божество), к нему невозможно обратиться с главным вопросом науки: почему оно возможно?

К. Маркс начинает с того, что устанавливает имманентные законы логики «третьего» начала. А именно: он указывает на субстанциальность лишь одной из сторон в диалектическом противоречии. «Сколь бы обе крайности ни выступали как действительные и как крайности,— пишет К. Маркс,— свойство быть крайностью кроется все же лишь в *сущности* одной из них, в другой же крайность не имеет *значения истинной действительности*»². Это внутренний закон любого диалектического противоречия.

Итак, с одной стороны, чтобы решить проблему «тождества мышления и бытия», нужно обнаружить их тождественное, общее «третье», где диалектически снималась бы противоположность мышления и бытия. С другой стороны, это «третье» должно быть обнаружено в пределах самого отношения мышления к бытию, ибо за его пределами **нет ничего**, нет ни «бытийного», ни мыслительного содержания — третьего здесь не дано.

В качестве такого «третьего», согласно К. Марксу, может выступить только специфическая жизнедеятельность человека — **общественная практика**. Ведь благодаря именно практической деятельности человек, «воздействуя... на внешнюю природу и изменяя ее... он в то же время изменяет свою собственную природу»³. А это значит, помимо прочего, что только благодаря практике можно научно объяснить возникновение самого мышления и его главной логической формы — **понятия**.

Итак, практическая деятельность — вот то «третье», которое обнаруживается именно в пределах отношения мышления к бытию. Оба полюса — «мышление» и «бытие» — оказываются здесь «внутри» этой деятельной субстанции как бы снятыми в форме тождества противоположностей (идеального целеполагания и материального исполнения). Одновременно практика как «общественная субстанция» есть такое «третье», которое **выступает высшей формой самого бытия, высшей ступенью его саморазвития**. Понимание этой формы и дает ключ к решению

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 322.

³ Там же. Т. 23. С. 188.

основного вопроса философии. Ибо только здесь, в этой форме бытия, и появляется его противоположность — мышление, а значит, только здесь и следует искать решение проблемы их совпадения (противоречивого тождества).

Таким образом, лишь одна из противоположностей (бытие) оказывается субстанциальной (действительной) «крайностью», другая же (мышление) выступает как ее «инобытие», как форма отношения бытия к самому себе через «свое иное».

Является ли Марков способ разрешения противоречия мышления и бытия ключом к монистическому пониманию любого диалектического противоречия? Иначе говоря, универсален ли этот способ в логико-методологическом отношении? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим способ введения К. Марксом основных понятий концептуальной модели «Капитала» — понятий «стоимость» и «прибавочная стоимость». Ведь научное понятие и есть не что иное, как теоретически схваченное и логически изображенное действительное противоречие самого предмета.

Так, Марков анализ товара начинается с констатации его двойственности: товар есть одновременно и потребительная, и меновая стоимость. И уже в силу этой двойственной природы товара мы имеем дело с имманентным самому предмету объективным его противоречием. Теоретическое изображение этого противоречия и должно привести к образованию **понятия**; причем такого понятия, которое бы **монистически** раскрывало диалектическое противоречие предмета. Первый фактор, т. е. потребительная стоимость, еще не превращает вещь в товар, зато создает возможность такого превращения. Второй фактор — меновая стоимость — сразу же задает **существенное отношение**. Ибо через меновое отношение в логическое поле теории вводится процесс товарообмена. Последний показывает, что меновая форма стоимости, которая кажется вначале «случайной и относительной», скрывает под собой что-то устойчивое и существенное — **стоимость** как таковую.

Характерен при этом примененный К. Марксом **способ** получения **понятия** стоимости. К. Маркс указывает, что эти вещи (товары) «равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни вторая из них... каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, должна быть сводима к этому третьему»⁴. Этот способ — сведение к общему третьему — как видим, применен К. Марксом не только для решения проблемы тождества мышления и бытия. По своему статусу это универсальный монистический способ раскрытия сущности любого явления, когда оно постигнуто как единство противоположностей. Вместе с раскрытием этой сущности (закона явлений) и вводится **понятие**.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 45.

Что же, по К. Марксу, является общим «третьим» в каждом акте обмена товаров? «Этим общим не могут быть геометрические, физические или какие-либо иные природные свойства товаров»⁵. В этом месте К. Маркс вновь делает переход к «общественной субстанции», которая на этот раз, однако, выступает не в форме универсальной общественной практики (в которой только и возможно возникновение мышления как такового), а в форме **абстрактного** человеческого труда как субстанции стоимости. «Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел,— пишет К. Маркс,— то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда»⁶. Процесс отвлечения от «природных» свойств приводит к тому, что и от самих продуктов труда ничего не остается, кроме «одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда... Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости»⁷.

«Таким образом,— резюмирует К. Маркс,— то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость»⁸.

Однако на этом процесс введения понятия стоимости (как, впрочем, и всякого понятия) еще не заканчивается. Ведь то самое «третье» (общее свойство), к которому сводится противостояние двух внешних полюсов предмета, должно быть понято как особое проявление одной из «крайностей». Этого требует закон отношения противоположностей, установленный К. Марксом. Выяснив, что стоимость и есть то общее «третье», которое скрывалось в меновом отношении товаров, К. Маркс пишет: «Мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости»⁹. Анализ формирования понятия стоимости у К. Маркса приводит нас к выводу, что логическое движение образует в этом процессе цикл «самозамыкания» (в соответствии с законом отрицания отрицания). А именно: меновая стоимость является исходным и конечным пунктом этого движения. Но в исходном пункте она берется как «непосредственное явление», а в конечном понимается как «существенное явление», или форма проявления своей сущности — стоимости.

Следовательно, общее «свойство» (третье) в меновом отношении товаров на самом деле находится не вовне, а внутри этого отношения, но оно было скрыто общественным происхож-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 45.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 47.

⁹ Там же. С. 56.

дением формы стоимости. То, что такой субстанцией для стоимости является абстрактный человеческий труд,—это, разумеется, факт конкретной науки — политической экономии капитализма. Но то, что общественная практика является той субстанцией, «внутри» которой формируются понятия любой науки — этот факт имеет уже универсальное значение.

«Мы видели,— пишет К. Маркс,— что процесс обмена товаров заключает в себе противоречашие и исключающие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще **тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия**»¹⁰ (курсив мой.— В. Ф.). Например, поясняет свою мысль К. Маркс, эллипсис есть одна из форм движения, в которой противоречие падения и взаимного удаления двух тел одновременно и осуществляется, и разрешается.

Этот вскрытый К. Марксом метод развития и разрешения действительных (предметных) противоречий и выражается теоретически как монистический метод формирования научных понятий. Монистическое понимание диалектических противоречий предмета стало возможным для К. Маркса именно потому, что **диалектический** метод был одновременно развит им и как **материалистический** метод мышления. В этой связи приобретает особую смысловую нагрузку следующее замечание К. Маркса: «Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод»¹¹.

Следовательно, материализм и диалектика для К. Маркса — это не два мировоззрения (которые надо как-то связать между собою), не две разных науки и даже не два метода мышления. Напротив, по своей глубинной основе это — **одно и то же: одно мировоззрение, одна и та же наука, один и тот же** (единственно научный) метод мышления. Это глубинное тождество (тождество основания) и обуславливает то обстоятельство, что последовательно **материалистическое** решение вопроса об отношении мышления к бытию оказывается одновременно **диалектическим** его решением, и наоборот, последовательно диалектическое решение основного вопроса философии оказывается одновременно материалистическим его решением.

Это же самое тождество, как мы видели, является основанием для Марксова способа монистического понимания действительных противоречий, или методом формирования научных понятий. Для научного — монистического — понимания проти-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 113—114.

¹¹ Там же. С. 383.

воречий недостаточно просто зафиксировать лишь двойственность реального явления. Необходимо свести эту двойственность к единой (противоречивой в самой себе) субстанции, а затем показать, что такой субстанцией (действительной крайностью) является лишь одна из противоположностей в диалектическом противоречии. Характерно, что такой субстанцией (третьим началом) **во всех** случаях выступает высшая форма материального бытия — человеческая деятельность, т. е. практика.

В еще более явной и логически заостренной форме монистическое понимание диалектического противоречия выступает у К. Маркса при введении им основного понятия «Капитала» — «прибавочной стоимости». Введение этого понятия связано у К. Маркса с анализом антиномии — противоречия самовозрастания стоимости (возникновения капитала). «Капитал, — констатирует К. Маркс, — не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»¹². «Наш владелец денег, — раскрывает К. Маркс условия проблемы, — который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы. Здесь Родос, здесь и прыгай!»¹³

Обратим внимание на логические особенности сформулированной К. Марксом проблемы. Ведь с этим же противоречием самовозрастания стоимости столкнулась и буржуазная политическая экономия. Почему же только К. Марксу удалось теоретически верно разрешить его? Потому, очевидно, что логика его мышления предполагала монистическое понимание действительных противоречий предмета. В самой формулировке проблемы, а затем и в ее разрешении у К. Маркса раскрывается та же самая логическая структура, что и в решении проблемы возникновения стоимости.

Антиномия как логическая форма выражения действительного противоречия несет на себе определенную функциональную нагрузку, а именно выполняет функцию **логического поиска** действительного (содержательного) разрешения предметного противоречия. Ведь противоречие лишь тогда содержит в себе возможность теоретического разрешения, когда его логическая форма **указывает** мышлению направление движения в самом предметном содержании. Но ведь существует великое множество логических проблем, которые, при всей их кажу-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 176.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 176—177.

щейся логической корректности, приводят не к разрешению противоречия, а именно к парадоксу (апории)¹⁴.

В этом плане Марксово решение сформулированной им антиномии-проблемы самовозрастания стоимости заслуживает самого пристального внимания не только как факт экономической науки, но и, что не менее существенно, как факт «науки логики».

К. Маркс начинает свои рассуждения с констатации того факта, что «изменение стоимости денег, которым предстоит превратиться в капитал, не может совершиться в самих деньгах, ибо... они лишь реализуют цену товаров, покупаемых на них или оплачиваемых ими, между тем как застывая в своей собственной форме, они превращаются в окаменелости неизменных величин стоимости»¹⁵. Столь же мало, продолжает К. Маркс, это изменение может возникнуть из второго акта обращения, из перепродажи товара, так как этот акт лишь превращает товар из его натуральной формы опять в денежную. Следовательно (здесь стрелка логического компаса и выполняет свою эвристическую функцию), замечает К. Маркс, изменение должно произойти с товаром, покупаемым в первом акте $D—T$, а не с его стоимостью, так как обмениваются эквиваленты. Таким образом, это изменение может возникнуть **из его потребления**¹⁶.

Этот вывод К. Маркса чрезвычайно интересен в логико-методологическом отношении. Ибо здесь вновь срабатывает логика «третьего» начала. Причем в этом месте К. Маркс снова, хотя уже и на более развитой основе, возвращается к внутреннему противоречию потребительной стоимости и самой стоимости товара, но теперь картина радикально меняется. При анализе товара для выведения его сущности (получения понятия стоимости) К. Маркс исходил из меновой стоимости как **явления** этой сущности; для выведения сущности капитала (понятия прибавочной стоимости) К. Маркс исходит уже из **потребительной** стоимости товара. Но здесь-то и оказывается вновь необходимым такое «третье», которое опосредствует собой моменты этого противоречия, и опосредствует таким образом, что создает «форму для его движения». Мы видели, что таким «третьим» в случае противоречия мышления и бытия оказалась не просто одна из сторон противоречия, а особая, **высшая** форма бытия — человеческая практика. При разрешении противоречия товарного обмена (образования стоимости) в роли «третьего» выступил абстрактный человеческий труд (момент универсальной практики). Что же является «третьим» в разрешении противоречия возникновения капитала? Ведь далеко не всякий

¹⁴ См., напр.: *Гарднер М. А ну-ка, догадайся!* М., 1984.

¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 177.*

¹⁶ Там же.

товар обладает способностью порождать стоимость из своей потребительной стоимости.

«Извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости,— такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созданием стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар; это — способность к труду, или рабочая сила»¹⁷.

Итак, посредствующее звено (третье начало) найдено. При чем оно вновь выводит нас все к той же «общественной субстанции». Различие лишь в том, что если для образования стоимости необходим такой момент этой субстанции, как абстрактный труд, то для образования прибавочной стоимости оказалось необходимым обнаружить другой момент этой субстанции, а именно — **субъект** этой деятельной субстанции, каковой и является рабочая сила человека. Причиной образования стоимости является овеществление **процесса труда**, причиной образования прибавочной стоимости — овеществление **субъекта этого процесса**. Субъект — это потенциальная субстанция, источник стоимости; субстанция — деятельное потребление рабочей силы, т. е. в буржуазных условиях — создание стоимости (в том числе прибавочной стоимости).

Все эти моменты еще раз показывают, что и сами общественные явления, и «объективные мыслительные формы» их выражения выводятся К. Марксом из высшей формы бытия — общественной практики. И это единственно материалистический (диалектический), следовательно, единственно научный, монистический метод понимания (разрешения) действительных противоречий. Ведь в роли «третьего» начала вновь выступила **особая** форма одной из противоположностей. Закон субстанциальности лишь одной из сторон противоречия и здесь находит свое подтверждение.

Было бы крайне интересной и благодарной задачей проследить, как работает логика «третьего» начала в формировании понятий современной науки (или вскрыть с этой целью генезис основных понятий, уже вошедших в «золотой» фонд той или иной отрасли научного знания). Однако эта задача выходит за рамки нашей статьи и нуждается в специальных теоретических исследованиях.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 177—178.

Тожество противоположностей и проблема идеального

Как известно, тождество противоположностей в марксистско-ленинской философии представляет собой существенный момент содержания закона единства и борьбы противоположностей, в значительной мере совпадая по значению с категорией «диалектическое единство». Но как **категория** «тождество» в материалистической диалектике образует пару также с категорией «различие», означая зародыш диалектического саморазличения, как бы «брожение» в лоне самотождественности, внутреннее «беспокойство». Гегель определял тождество как «рефлексия в само себя, которая такова лишь как внутреннее отталкивание, а это отталкивание есть отталкивание лишь как рефлексия в себя, отталкивание, непосредственно принимающее себя обратно в себя»¹. Значит, «тождество» как категория **диалектики** существует только через процесс перехода его, тождества, в различие, и различие есть таковое «лишь в соотношении с тождеством, но вернее будет сказать, что оно как различие содержит и тождество, и само это соотношение»². В рамках приведенной трактовки «тождество» совпадает с понятием нераздельности, то есть такого различия, которое еще не дошло до стадии **внешней** разделенности. В. И. Ленин, считая категории «тождество» и «единство» в приложении их к взаимоотношению диалектических противоположностей однопорядковыми, писал, что их резкое взаиморазличие не так уж существенно, «в известном смысле оба верны»³, но при этом есть и некоторая разница в тенденции изменения: переход от тождества к единству указывает на развитие многообразия связей и отношений в объекте, тогда как переход от единства к тождеству подчеркивает тенденцию к обретению объектом целостности, при которой противоположности, тесно смыкаясь, **переходят друг в друга**.

Эти связи и опосредствования диалектического тождества, которое, в отличие от абсолютного самотождества, есть тождество неполное, изменяющееся и динамичное, проявляются в кардинальном для философии единстве противоположно-

¹ Гегель. Наука логики. М., 1971. Т. 2. С. 33.

² Там же. С. 39.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

стей — единстве материи и сознания, материального и идеального, то есть в отношении, описываемом основным вопросом философии и его конкретизациями и точно характеризующим марксистским его решением. Это решение, как известно, состоит в утверждении первичности материи и вторичности сознания, которое (сознание) порождается материей, но затем оказывает на нее обратное воздействие и обладает тенденцией к «отождествлению» с этим своим источником. Данная тенденция имеет место в двух смыслах: (а) в смысле предметно-практической реализации замыслов, целей, планов субъекта, что связано с тем, что (б) знания субъекта в свою очередь в процессе познавательного отражения становятся по своему содержанию все более объективными, все более полно «охватывающими» свой предмет, «совпадающими» с ним. Содержательная объективация знаний опирается на материальную практику, обеспечивается ей; благодаря ей же, практике, знания реализуют свою объективность уже во внешне-материальной, в том числе в собственно вещественной, форме. Имеет место и внутренне-материальная объективация сознания, поскольку в развитом виде оно процессуально реализуется в мышлении, а мышление даже и тогда, когда оно не получает «выхода» в голосовые звуки или в предметные манипуляции, обязательно существует в форме особого речевого процесса (в этом случае — в виде так называемой внутренней, артикулирующей или чувственно-образной, речи). Все это довольно широко известные положения, хотя и здесь среди материалистов возникают споры, в основном о частностях формулировок.

Сложнее обстоит дело с пониманием соотношения (тождественности и различия) материального и идеального. Споры разгорелись вокруг вопроса, что такое «идеальное», и очевидно, от его решения зависит истолкование соотношения идеального с материальным. Характерно, что если при этом и признается различие между «материей» и «материальным», то не в такой мере, чтобы ставить под сомнение их однопорядковость. Однако единство, не говоря уже о тождестве, понятий «сознание» и «идеальное» некоторыми участниками дискуссии ставилось под сомнение, а то и прямо отвергалось.

Дискуссия началась со статьи Э. В. Ильенкова «Идеальное» во втором томе «Философской энциклопедии» (М., 1962). В 1979 г. в журнале «Вопросы философии» (№ 6 и № 7) уже посмертно была опубликована его рукопись «Проблема идеального», которая развивает те же положения, но в более резкой форме.

Энциклопедическая статья начиналась с определения: «**Идеальное** — субъективный образ объективной реальности, т.е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. Идеальное есть не индивидуально-психологический, тем более не физиологический факт, а факт

общественно-исторический, продукт и форма духовного производства»⁴. Второе суждение в этой дефиниции согласовано с первым неясно, а последующее изложение далеко не во всем согласуется с определением в целом, но это, видимо, не очень беспокоило автора, так как соответствовало его собственному взгляду на характер диалектических противоречий в процессе познания, согласно которому разрешение диалектически поставленных проблем **тождественно** самой их постановке, т. е. прямому соединению взаимопротивопоставленных позиций. Автор широко пользовался также многозначностью терминов «форма» и «представление», отождествляя подчас различные значения каждого из них⁵. Это получило свое обоснование в его известных нападках на «дистинктивизм», т. е. на исследование и учет различий между значениями терминов (что квалифицировалось автором в ходе теоретического анализа как «уступка» неопозитивизму). Далее Э. В. Ильенков не раз ссылается на известное высказывание К. Маркса, что «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»⁶, но перетолковывает его довольно свободно.

В ходе последующих рассуждений автора возникает некая раздвоенность, поскольку эта цитата из «Капитала» представляет собой существенный ориентир для разработки темы идеального, — ориентир ясный и недвусмысленный, так что автору приходится приложить много усилий, чтобы вписать ее в свою концепцию: он то ссылается на то, что данная формулировка имеет смысл лишь в рамках задач Марксовой критики гегелевского идеализма, то подчеркивает, что здесь имеется в виду «общественно-развитая голова человека»⁷, а значит (?) никоим образом не голова индивидуума с его мозгом под его черепной крышкой. Автор убедительно выступает против натуралистического понимания природы человека, его сознания и идеального в домарксистском материализме и эмпиризме, но затем доводит свою критику до утверждений, в которых категорически отрицает присущность идеального психической деятельности **индивида**, а значит, индивидуальному сознанию. Это было видно уже из начального определения и подкрепляется рядом после-

⁴ Ильенков Э. В. Идеальное//Филос. энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 219.

⁵ Поэтому возникают такие, например, туманные формулировки: идеальное есть «форма активной деятельности человека, обусловленная формой внешнего мира» (Ильенков Э. В. Идеальное. С. 226). Стирается различие между «формами» (видами) стоимости и «формами» (обнаружениями) стоимости (см., напр.: Ильенков Э. В. Проблема идеального//Вопр. философии. 1979. № 7. С. 150, 151). А вот характерный пример смешения самых разных понятий, подведенных под слово «представление»: идеальная товарная форма не имеет ничего общего с «телесно осязаемой формой того тела, в коем она представлена (т. е. отражена, выражена, овеществлена, опредмечена, отчуждена, реализована)» (там же, с. 150; ср. Вопр. философии. 1979. № 6. С. 131).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 21.

⁷ Ильенков Э. В. Идеальное. С. 221.

дующих высказываний, как например: «Идеальное ни в коем случае не сводимо на состояние той материи, которая находится под черепной крышкой индивида, т. е. мозга»⁸; идеальное — это схема предметной деятельности «как особый, абсолютно независимый от устройства «мозга» и его специфических «состояний» объект»⁹. А с другой стороны, мы читаем, что «идеальное есть только там, где есть человеческая личность, индивидуальность»¹⁰; психический образ, сознание, понятие идеальны¹¹; идеальное есть форма психики, «свойственная лишь психике человека... человеческой голове»¹². «Предмет существует идеально, то есть как внутренний образ, как потребность, как побуждение и цель человеческой деятельности... именно в человеке, в виде формы его активной деятельности»¹³.

Как бы ни восхищаться схемой «...есть... и не есть...», на ней остановиться нельзя. Автору тоже приходится подумать над тем, как «снять» антиномию «идеальное находится в голове человека» и «ни в коем случае не находится в голове». Он это делает, перебрасывая перемычки между общественным и индивидуальным, например, в том смысле, что идеальное — это совокупность осознанных **индивидом всеобщих** форм человеческой деятельности¹⁴, а субъекта этой деятельности надо рассматривать как **целостного** индивида, так что идеальное возникает не в голове человека, а в деятельности человека, но с помощью головы; всеобщие же формы сознания, деятельности, культуры не есть механическое соединение индивидуальных сознаний и индивидуальных актов поведения людей, хотя с ними и связаны. Это правильные в общем диалектические идеи, но к чему же тогда было начинать с самого резкого противопоставления всеобщего индивидуальному и с «отлучения» индивидуального от всеобщего?

«Снятие» антиномии продолжается путем истолкования идеального как постоянного **перехода** между «образом внешнего мира»¹⁵ в голове (головах) людей, их деятельностью, языком¹⁶ и результатами этой деятельности¹⁷. Для того чтобы скрепить эти четыре звена теснее друг с другом, автор делает акцент на такое мышление, которое целиком слито с образами предметных манипуляций¹⁸, не обращая никакого внимания

⁸ Ильенков Э. В. Идеальное. С. 221.

⁹ Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вopr. философии. 1979. № 6. С. 136.

¹⁰ Ильенков Э. В. Идеальное. С. 227.

¹¹ Ильенков Э. В. Проблема идеального. № 6. С. 128.

¹² Там же. С. 133.

¹³ Ильенков Э. В. Идеальное. С. 221.

¹⁴ См.: Там же. С. 226.

¹⁵ См.: Там же. С. 219.

¹⁶ Там же. С. 222.

¹⁷ Там же. С. 225.

¹⁸ Там же; ср.: Он же. Проблема идеального. № 6. С. 143.

на тот факт, что в дальнейшем развитии мышление приобретает в отношении практики относительную самостоятельность, так что мышление и предметную деятельность полностью отождествлять уже нельзя (хотя, разумеется, само мышление представляет собой определенный вид деятельности). Кроме того, он подчеркивает значение процессов производственного опредмечивания и обратного распредемечивания, происходящего тогда, когда ранее произведенные предметы получают свое употребление и осмысление, переживаются в сфере духовной деятельности. В итоге идеальное оказывается в процессе непрерывных метаморфоз, превращений в иное¹⁹, происходящих в замкнутом кругу, и становится чем-то мало уловимым. Идеальное — «это бытие, которое, однако, равно небытию, или наличное бытие внешней вещи в фазе ее становления в деятельности субъекта, в виде его внутреннего образа, потребности, побуждения и цели»²⁰.

В разных местах своих публикаций Э. В. Ильенков «задерживает» «идеальное» на разных вершинах намеченного им четырехугольника. То он заявляет, что предмет «существует идеально, то есть как внутренний образ, как потребность, как побуждение и цель человеческой деятельности... именно в человеке, в виде формы его активной деятельности»²¹. То он концентрирует все внимание на языке, знаках, символах, которые удобны для его концепции уже тем, что значения знаков часто могут мигрировать, находясь и в субъекте, и в объекте, и в деятельности, и в разных отношениях, отличаясь, однако, от «тела» самого знака»; в этой связи идеальное определяется автором как репрезентирующее значение²². То он переносит центр тяжести на результаты трудовой и языковой деятельности, и тогда появляется понимание деятельности как предметных и духовных сублиматов в общественном бытии и в общественном сознании.

Но с опредмечиванием и его результатами возникают свои неясности, связанные также и с неправомерными отождествлениями. Рассуждая о «независимости» культуры общества от воли и сознания отдельных людей, Э. В. Ильенков переводит весь план проблемы этой «независимости» в плоскость явлений отчуждения, выводимого им по преимуществу из гносеологических причин, и намечается ошибочное **отождествление** неотчужденного и собственно отчужденного опредмечивания и овеществления. А когда автор затрагивает отчуждение **труда**, и в частности товарный фетишизм, а также вообще экономические отношения, то происходит смешение статуса бытия цен и бытия стоимостей, тем более досадное, что оно соединяется в

¹⁹ Ильенков Э. В. Проблема идеального. № 7. С. 158.

²⁰ Ильенков Э. В. Идеальное. С. 222.

²¹ Там же. С. 221.

²² Там же. С. 223.

тексте с ошибочным отождествлением этих категорий в представлениях о них в умах товаровладельцев и экономистов, и вообще в экономическом сознании, с действием этих категорий в объективных экономических отношениях (и отсюда нетрудно прийти к тезису о том, что базис капиталистического общества состоит из идеальных феноменов). Положение усугубляется тем, что бытие цен сливается у автора с бытием денежных знаков, которыми эти цены выражаются и фиксируются.

Особенно запутана проблема функционирования знаков в рукописи «Проблема идеального». Э. В. Ильенков особенно рьяно подчеркивает здесь, что под идеальным он понимает явления отнюдь не субъективные, но обладающие «особого рода объективностью», не зависимой от тела и «души» индивида, и в существовании этих специфических объективных явлений знаковые репрезентации играют особо важную роль.

Прежде всего обнаруживается, что та из вершин четырехугольника бытия идеального, с которой связаны **результаты** деятельности людей, выступает в нескольких разновидностях. Говоря точнее, здесь снова происходит отождествление предметов весьма различных.

В одних случаях автор понимает под идеальным общественное сознание и надстроечные формы жизни общества²³, в других — обобщенные знания о действительности, складывающиеся в ходе совокупной научной деятельности. То и другое объемлется понятием **духовной** культуры²⁴, а иногда речь заходит и об «определенности» **всякой** культуры²⁵. В-третьих, идеальное отождествляется с так называемой «второй природой», т.е. с материальными продуктами социальной деятельности: это «мир вещей»²⁶, «мир, уже освоенный людьми, уже оформленный их деятельностью мир»²⁷, но рассматриваемый не в аспекте его вещественности, а в разрезе тех замыслов и планов, которые в нем реализованы трудом людей, запечатлены в посредствующих и конечных результатах.

Четвертый вид результативной идеальности у Э. В. Ильенкова — это общественные отношения, в том числе экономические. Они независимы от сознания людей, объективны²⁸. Здесь опять напрашивается вывод, что базис общественной жизни понимается Э. В. Ильенковым как сотканный из идеальных моментов. Немедленно появляется оговорка, что экономические отношения материальны²⁹. Однако весь ход рассуждений автора указывает на то, что они не материальны, а идеальны,

²³ Ильенков Э. В. Проблема идеального. № 6. С. 138.

²⁴ См.: Там же. № 6. С. 131.

²⁵ См.: Там же. № 7. С. 176.

²⁶ Там же. С. 154.

²⁷ Там же. С. 145.

²⁸ См.: Там же. С. 150, 158.

²⁹ См.: Там же. С. 151.

поскольку идеальной материальности объективно-реально не существует. Но этот неизбежный вывод завуалирован несколькими определениями. Вот они: идеальное — это «представленная в вещи форма общественно-человеческой деятельности»³⁰; «идеальная форма — это форма вещи, созданная общественно-человеческим трудом»³¹. Но встретим и более определенные заявления: «идеальность формы стоимости — типичнейший и характернейший случай идеальности вообще»³². Впрочем, дальше опять, к сожалению, продолжается путаница. А переход от «форм вещей» и «форм стоимости» к общественным отношениям достигается путем постепенных замен одних терминов на другие.

И вот, наконец, «особого рода объективностью», которая и объективна и идеальна, оказывается у Э. В. Ильенкова в конце концов совокупность общественно закрепленных значений знаков (к числу их он относит и геометрические образы). Под знаками он понимает все то, что представляет (репрезентирует) нечто другое; и все репрезентанты, невзирая на то, что в чем репрезентировано, и каково именно «тело» знака, материально или же духовно, он объявляет **идеальными**³³. В текстах автора имеем три перечня примеров таких идеальных феноменов: «Книга, статуя, икона, чертеж, золотая монета, царская корона, знамя, театральное зрелище и организующий его драматический сюжет»³⁴. Затем к этим феноменам добавляется (при некоторых повторениях) ряд «вещей», состоящих из «орудий труда, и статуй, и машин, и пушек, и храмов, и фабрик, и конституций, и государств»³⁵. И наконец, еще в одном перечне дополнительно упомянуты: слова языка, книги, телевизионные башни³⁶. Все это рассматривается, конечно, не в полноте своего содержания, но только под тем углом зрения, что во всех этих, подчас весьма разнокалиберных «вещах» опредмечена (но далеко не во всех «овеществлена»!) целесообразная формообразующая жизнедеятельность общественного человека. Но очередное неправомерное **отождествление**, в данном случае не то самих обозначающих знаков (знаков-репрезентантов), не то всех их значений, с идеальным, приводит к тому, что **смешиваются** самые разные виды репрезентирования: здесь есть ситуации, где «один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а еще точнее — всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объ-

³⁰ Там же. С. 148.

³¹ Там же. С. 157.

³² Там же. С. 153.

³³ Ильенков Э. В. Проблема идеального. № 6. С. 131.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. № 7. С. 149.

³⁶ Там же. № 7. С. 158.

екта»³⁷, но здесь налицо также и ситуации представления (отображения) вещей, а затем и общественных отношений в сознании человека, и факты отношений между людьми, представленных (выраженных) в отношениях вещей³⁸. Когда же автор говорит об идеальности «балетного представления», т. е. определенного сценического действия, то он словно бы наивно забывает о сложной «многослойности» его онтологической и ценностной структуры как факта. А в общем перед нами ошибочное слияние весьма неодинаковых отношений репрезентации, имеющих место то в базисе, то в надстройке общества, то в общественном бытии, то в общественном сознании. И опять опредмеченные и опредмеченно-отчужденные феномены не различаются, все они, увы, свалены в одну кучу...³⁹

Э. В. Ильенков искал идеальное в социально-деятельностной и результативной **форме** всех продуктов культуры. Поэтому он указывает наличие идеального преимущественно там, где оно уже утратило «живость» субъектного переживания, уже окаменело в предметных формах своего воплощения. «Как внутренняя схема деятельности сознания, как схема, «имманентная сознанию», «идеальность» может иметь лишь мнимое, лишь призрачное существование. Реальной она становится лишь в ходе ее овеществления, опредмечивания (и распредмечивания), отчуждения и снятия отчуждения»⁴⁰. Хотя здесь Э. В. Ильенков говорил о взглядах Гегеля, но, как видно из контекста, в этом он усмотрел и «действительную диалектику», утверждаемую марксизмом. Во всяком случае, у Гегеля не было и не могло быть так, что подлинное царство идеальности существует **не** в духе, **но** в его опредмеченно-отчужденных состояниях. По Э. В. Ильенкову, подлинная идеальность господствует там, где она уже **перестала быть** идеальностью, т. е. опредметилась, а также там, где она в **будущем** возвратится к себе, т. е. распредметится. Но в таком случае перед нами еще один вариант трактовки идеального. Первая часть этого «варианта» является уже знакомой нам точкой зрения автора, а последняя возвращает к «незамутненному» Гегелю. Впрочем, и первая часть обязана немецкому идеалисту, ибо Гегель считал, что в опредмеченно-отчужденном состоянии Мировой дух как бы «поднимает» косную материю ближе к себе, тем самым ее облагораживая, налагая на нее печать идеальности как чистого духовного.

Но Э. В. Ильенков был материалистом, мы находим у него и вполне правильные высказывания. Он пишет, что «материальное бытие идеального не есть само идеальное»⁴¹. Идеаль-

³⁷ Ильенков Э. В. Проблема идеального. № 6. С. 131.

³⁸ См.: Там же. № 6. С. 135.

³⁹ См.: Там же. № 7. С. 150.

⁴⁰ Там же. С. 149.

⁴¹ Ильенков Э. В. Идеальное. С. 221.

ное не есть «его внешнее телесное выражение, проявление»⁴², и следует отличать идеальное от материализации идеального⁴³. Но Ильенков, к сожалению, **отождествил все материальное с вещественным**, так что все то, что невещественно, у него оказывается идеальным. Как раз то, что свидетельствует о подлинной **материальности** (в историко-материалистическом смысле) социально-экономических отношений как существующих объективно, т. е. независимо от воли и сознательной установки субъекта, для Э. В. Ильенкова служит доказательством их **идеальности** (поскольку он не нашел иного пути противостоять узко «вещественному», а значит, вульгарно-материалистическому способу распространения материализма на общественную жизнь)⁴⁴. Что же в таком случае остается? Либо придется принять, что в мире есть три начала (материя, сознание и идеальное), но это неверно, и это все же не концепция Э. В. Ильенкова. Либо следует различать в социальном объективно-социальное и субъективно-социальное и связывать существование идеального только со вторым, как и поступал в свое время К. Маркс. Но в таком случае концепция Э. В. Ильенкова распадается.

И хотя Э. В. Ильенков, как мы уже отмечали, искал идеальное в деятельностной **форме** всех порождений человеческой культуры, в самой этой форме он переложил всю тяжесть вопроса на **содержание** идеального, усматривая его в социальной деятельности людей и отбросив два «слоя» формы этой деятельности применительно к индивидам — внутренний (психически-сознательный) и внешний (биологически-физиологический), как будто бы совершенно философию не интересующие. Но это неверно: вопрос «мыслит ли человек при помощи мозга?», поставленный В. И. Лениным перед махистами, имеет прямое отношение к основному вопросу философии, хотя далеко его не исчерпывает. Пренебрежение изучением и учетом связей между философией и естествознанием способствует лишь сугубо спекулятивным построениям.

В № 10 «Вопросов философии» за 1984 г. была напечатана статья М. А. Лифшица «Об идеальном и реальном». Автор выделил ту мысль Э. В. Ильенкова, что идеальное следует находить в опредмеченных состояниях социальных феноменов, — мысль, заключенную в тезисе о том, что идеальное — это соотношение между двумя материальными объектами, в котором один материальный объект выступает в роли представителя «всеобщей природы» другого объекта. М. А. Лифшиц пошел дальше: он утверждает, что идеальное следует видеть **не** в опредмеченном, а в самом материально-предметном мире

⁴² Ильенков Э. В. Проблема идеального. № 6. С. 132.

⁴³ См.: Там же. С. 133.

⁴⁴ Там же. № 7. С. 148.

включая в него и мир общественной жизни)⁴⁵. Таким образом, «идеальное» окончательно выпадает из естественного для материалиста бинарного отношения «материальное — идеальное». В некоторых местах статьи автор вспоминает об идеальном как об идеологии⁴⁶, в целом же заботы его устремлены не на то, чтобы довершить дело «чистки» идеального от сознания, хотя бы и в виде сознания общественного, но на то, чтобы продолжить дело «насыщения» идеального максимальной объективностью. Путь этот вел автора к прямому **отождествлению** идеального с материальным, проделанному Э. В. Ильенковым только наполовину, и он не без основания упрекает Ильенкова в ряде непоследовательностей⁴⁷. Но М. А. Лифшиц сам не прошел начатой его предшественником дороги до конца и остановился на том, что отождествил «идеальное» с ценностной категорией «идеал», применяя последнюю чрезвычайно широко — тут и «идеальный газ» и многое другое. Чтобы отмежеваться от аксиологического идеализма, М. А. Лифшицу приходится отождествлять идеализм с вульгарным материализмом (оба эти течения философской мысли в равной мере, как считает автор, отрицают наличие идеального и всеобщего в материи)⁴⁸. В то же время автор, рассуждая в своих аксиологических выкладках о понятиях разума, истины, добра и красоты, вплотную приблизился если не к Гегелю, то к Платону⁴⁹. А вообще проблема в статье М. А. Лифшица оказалась основательно запутанной: к уже имевшимся значениям терминов «форма» и «представление» прибавились новые, хотя попутно автор все же прояснил ряд неувязок у Э. В. Ильенкова⁵⁰. Окончательный итог статьи М. А. Лифшица таков: «идеальное существует не только в человеке, не только в общественной деятельности, не только в предметных воплощениях общественного сознания, но и в природе, и в социальных процессах, и в жизни личности»⁵¹. Идеальное **отождествляется** теперь с прекрасным, благим, истинным, подлинным, объективным. К такому итогу привела длинная вереница неправомερных и далеко не диалектических отождествлений, которые все более схематизировали и искажали суть дела. Здесь имели место отождествления, возникшие из собственно диалектических ситуаций, где неправильной трактовке подверглись «различия» типа динамического несоответствия, брожения как зародыши или формы диалектического противоречия; здесь были объектом неправильного истолкования и обращения также «различия» того характера,

⁴⁵ Лифшиц М. А. Об идеальном и реальном // *Вопр. философии*. 1984. № 10. С. 123, 128, 140.

⁴⁶ См.: Там же. С. 121.

⁴⁷ См.: Там же. С. 122, 132, 134.

⁴⁸ См.: Там же. С. 126, 140.

⁴⁹ См.: Там же. С. 129, 136.

⁵⁰ См., напр.: Там же. С. 137.

⁵¹ Там же. С. 145.

который уже давно учитывался формальной логикой, т. е. различия типа несходства, неодинаковости, большей или меньшей разнокачественности. Между двумя типами различия нет каменной стены, налицо **различные** переходы, а уведат от истины нарушения правильного отражения и тех и других.

Какой же общий урок следует вынести прежде всего из сказанного выше? Думаю, тот, что столь произвольно обращаться с категорией **диалектического тождества** нельзя, если даже это делается из самых благих побуждений. Идя по такому пути, в конце концов можно прийти к «тождеству» материализма и идеализма. Это и не удивительно, ибо если проникновение в стиль диалектического рассуждения хотя бы небольших моментов иррационализма не вызывает должных опасений, эти элементы разрастаются и подрывают логику хода исследовательской мысли.

Принцип тождества противоположностей и проблема гибкости понятий

Единство (тождество) противоположностей как методологический принцип В. И. Ленин рассматривал в качестве важнейшего условия (предпосылки, установки) познания движения (самодвижения). «Условие познания всех процессов мира в их *самодвижении*», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей»¹. «В абстрактных понятиях (и в их системе) *нельзя* иначе выразить принцип движения, как принципом тождества противоположностей»².

Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что применение этого принципа в познавательной деятельности органически связано со специфической особенностью мышления (абстрактных понятий) — огрублять, упрощать в процессе познания само движение. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление... И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей»³.

Это ленинское высказывание в нашей литературе получает различные толкования. Приведем наиболее крайние из них. Так, по мнению Д. П. Горского, В. И. Ленин здесь отстаивает мысль о том, что познание глубоко диалектично по своей природе и совершается через противоположность: движение не может быть познано иначе, как через его остановку, непрерывное познается через дискретное, сущность через явление, целое через его части и т. д. Поэтому, утверждает Д. П. Горский, познание всегда связано с «омертвлением», «огрублением» действительности, которое является, таким образом, средством более глубокого понимания мира. С помощью этого «огрубления» происходит выделение «жесткого», инвариантного существа в меняющихся предметах и их взаимосвязях, для чего используются соответственно понятия, обладающие вполне однозначным «жестким» содержанием, создающим надежную

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

² Там же. С. 308.

³ Там же. С. 233.

базу для вполне определенных предсказаний⁴. Итак, здесь утверждается, что средствами более глубокого познания движущегося, самодвижущегося, живого и т.д. является их «огрубление», производимое «жесткими» понятиями.

Другая точка зрения на этот счет представлена М. М. Розенталем. По его мнению, «огрубление» — это лишь подготовительный этап в процессе познания движущегося объекта, связанный с рассудочным мышлением, которое рассматривает объект еще абстрактно, в обособленности его противоположных сторон. Но это «огрубление» полностью снимается на ступени разумного мышления, где объект постигается как единство противоположностей, как заключающий в себе «движущее» противоречие. Не огрубление, а снятие «огрубления» и «омертвления» есть средство более глубокого познания движения, самодвижения, жизненности⁵.

На наш взгляд, более близкой к ленинской постановке проблемы об отображении движения в мышлении является точка зрения, представленная М. М. Розенталем и разделяемая многими авторами, хотя она требует существенного уточнения, что будет сделано ниже. Однако и первая точка зрения, согласно которой познание движения, самодвижения, живого совершается через свою противоположность — «остановку», «огрубление», «омертвление», т.е. через выделение «жесткого» инвариантного существа в изменяющихся предметах, имеет рациональный смысл, который игнорируют сторонники второй точки зрения.

Действительно, «пробиться» к самодвижению материальной системы можно только раскрыв ее субстанциальное начало — основание, которое представляет собой сущностное, инвариантное отношение системы, заключающее в себе ее имманентное противоречие — источник ее самодвижения⁶. Субстанциальное основание — «клеточка» — это то, что постоянно воспроизводится в движении системы и выражает специфичность, тождественность системы самой себе, взятой в качестве предмета познания. Поэтому вряд ли можно признать корректным утверждение М. М. Розенталя о том, что объект в процессе рассуждений о нем всегда берется не как равный самому себе, а как движущийся, изменяющийся вследствие заключенных в нем противоречий⁷.

⁴ См.: Горский Д. П. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966. С. 13—14.

⁵ См.: Розенталь М. М. Ленинская диалектическая теория познания и ее современное развитие // Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966. С. 55.

⁶ См. об этом более подробно: Кайдалов В. А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск, 1982. С. 29—50.

⁷ См.: Розенталь М. М. Ленинская диалектическая теория познания и ее современное развитие. С. 55.

Словом, «огрубление», понимаемое как выделение инвариантного существа в изменяющихся предметах (системах), если под этим инвариантным существом иметь в виду субстанциальное основание, является необходимым условием познания самодвижения. При этом такое «огрубление» совершается не на ступени рассудочного мышления, как утверждает М. М. Розенталь, а как раз наоборот, на ступени разумного, т. е. теоретического мышления, характерной чертой которого и является постижение субстанции как наиболее глубокой сущности системы.

Однако существенным недостатком первой точки зрения на познавательное «огрубление» (выделение инвариантного существа) является, на наш взгляд, то обстоятельство, что оно непосредственно не связывается с понятием субстанции, не раскрывается в рамках системно-субстанциального подхода к движению объекта. Дело здесь представляется таким образом, что всякое «огрубление», «остановка» движения, т. е. всякая «жесткая» абстракция, идеализация, модель, теория и т. д., служит средством отображения движения объекта, точнее, верным приближением к нему, поскольку сами средства всегда неполны, относительны, всегда упрощают отображение. Наиболее полное отображение движения (на пути к абсолютной истине), с этой точки зрения, достигается путем уточнения и совершенствования (развития) этих идеализаций, моделей, теорий, которые при этом не утрачивают своей «жесткости» и определенности. И в этом усматривается диалектический характер процесса научного познания.

Полагаем, что такое истолкование диалектики процесса познания является односторонним, и прежде всего потому, что познавательное отношение между субъектом и объектом (движением) здесь утрачивает свои подлинно диалектические черты как единство противоположностей и рассматривается в плане их абсолютного противоположения. Этот принципиальный недостаток концепции Д. П. Горского об отражении движения в познании был подмечен, в частности, В. С. Барашенковым, В. А. Лекторским и Г. А. Свечниковым в рецензии на книгу «Проблемы общей методологии наук и диалектической логики». «Дело в том, — пишут они, — что хотя знание и действительность, бесспорно, являются противоположностями, это такие диалектические противоположности, которые постоянно отождествляются в процессе развития познания. Поэтому приписывать действительности такие атрибуты, как непрерывность, текучесть, конкретность, сложность, а познанию только такие атрибуты, как прерывность, жесткость, абстрактность, простота, по-видимому, было бы неточно, так как подобная абсолютная противопоставленность не дает возможности соизмерить одно с другим. Мышление бесконечно приближается к адекватному воспроизведению действительности, но это приближение, предполагающее неполноту охвата знанием реальности, очевидно,

в то же время было бы невозможным, если бы движение мысли и изменение действительности свершались в разных плоскостях. Вероятно, правильнее было бы сказать, что единство непрерывного и прерывного, конкретного и абстрактного и т. д. присущи как действительности, так и мысли»⁸.

Приведенные аргументы достаточно убедительны; они исходят из признания универсального, категориального значения принципа единства противоположностей: бесконечное приближение мысли к адекватному воспроизведению движения объекта идет не «через противоположность», а «через единство противоположностей», одинаково присущих как объекту, так и исследующей его мысли.

Однако было бы неверным отрицать и значение познания движения «через противоположность», проявляющееся в «остановках», «огрублении», совершаемых мыслью (а тем более утверждать, что их в познании вообще не существует). Это «огрубление» совершается как на эмпирическом уровне в виде «формализации» эмпирической (чувственно-конкретной) модели движения системы на языке абстрактно-общих, «рассудочных» понятий, так и на уровне теоретического познания в виде конструирования идеализированного объекта, который воплощает в себе глубинные особенности сущности, самый общий закон исследуемой области явлений — иначе говоря, субстанциальное основание этой области, взятой как целостная система.

Идеализированный объект, будучи исходным понятием теории, её фундаментальной идеей, представляет собой очень сильное «огрубление» исследуемой системы, по словам И. В. Кузнецова, «абстрактная модель, наделенная небольшим числом весьма общих свойств и простой структурой»⁹. Но если этот идеализированный объект действительно воспроизводит субстанциальное основание («клеточку») системы, а следовательно, и ее имманентное противоречие, то его структура обязательно включает в себя единство, тождество взаимоисключающих определений, т. е. содержательную антиномию «А и не-А»¹⁰. Последнее означает, что идеализированный объект как форма «огрубления» движущейся системы, как нечто упрощенное и элементарное, содержит в самом себе и средства снятия этого «огрубления»: идеализированный объект, сформулированный в виде содержательной антиномии, в процессе разрешения этой антиномии разворачивается в систему определений (понятий), т. е.

⁸ Барашенков В. С., Лекторский В. А., Свечников Г. А. Новое исследование по диалектической логике//Вопр. философии. 1968. № 2. С. 148.

⁹ Кузнецов И. В. Избранные труды по методологии физики. М., 1975. С. 30.

¹⁰ Содержательная (диалектическая) антиномия, в отличие от формальной, — это не внешнее соединение двух взаимоисключающих высказываний, а одно высказывание, обладающее истинностью, одна мысль, внутренне и необходимо раздвигаемая на свои взаимоисключающие моменты; эта мысль является конкретным тождеством противоположных определений.

в теорию, отображающую материальную систему и ее самодвижение, саморазвитие во всей полноте, сложности и конкретности.

Предложенная нами интерпретация «огрубления» как конструирования идеализированного объекта, воплощающего в себе субстанциальное основание движущейся системы, совсем не предполагает, как мы видим, что это «огрубление» всегда связано с понятиями, имеющими строго однозначное, «жесткое» содержание. Напротив, это «огрубление», или субстанциальная идеализация, будучи важнейшим средством отображения самодвижения, предполагает прежде всего использование таких гибких и неопределенных по содержанию форм мысли, как содержательная антиномия, тождество взаимоисключающих противоположных понятий.

В этом плане принципиальное значение имеют идеи В. И. Ленина об универсальной гибкости понятий, «выдвинутые им в «Философских тетрадах» в процессе материалистического прочтения гегелевской логики. «Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них *есть* движение. Конечный? значит, *двигающийся* к концу! Нечто? — значит, *не то*, что другое. Бытие вообще? — значит, такая неопределенность, что бытие=небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть»¹¹.

При этом В. И. Ленин, подчеркивая диалектику понятий и отвечая на вопрос, в чем состоит эта диалектика, видит ее в следующих четырех моментах: 1) взаимозависимость всех понятий; 2) переходы понятий из одного в другое; 3) относительность противоположности между понятиями; 4) тождество противоположностей между понятиями¹². Можно сказать, что в этих моментах В. И. Ленин как бы определяет различную степень гибкости понятий: одно дело просто взаимосвязь противоположных понятий, а другое — взаимосвязь, доходящая до тождества их взаимоисключающих характеристик; в первом случае мы имеем дело с контрарными (противоположными) понятиями, составляющими контрарную конъюнкцию, а во втором — с контрадикторными (противоречащими) понятиями, составляющими контрадикторную конъюнкцию, т. е. антиномию. Иными словами, только в содержательной антиномии гибкость понятий доходит до тождества противоположностей. Позитивный смысл этого тождества противоположных (точнее, противоречащих) понятий заключается в том, что оно дает начало новому — третьему понятию, в котором предшествующие два понятия превращаются в его «снятые» моменты.

Следует заметить, что сама по себе антиномия не дает еще

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 98—99.

¹² См.: Там же. С. 179.

синтетического, целостного (и в этом смысле — определенного) понятия; как было подчеркнуто в предыдущей фразе, она лишь его начало. «Синтетическое» знание, сформулированное в антиномии «и то, и другое — в одном и том же отношении», является еще весьма абстрактным и неопределенным (неопределенным в том смысле, о котором говорит В. И. Ленин: такая неопределенность, что бытие=небытию), ибо неизвестно само это отношение — «третье». Поэтому антиномия «и то, и другое» фактически содержит в себе противоположность: и не то, и не другое, а нечто третье. Что именно — это проблема¹³.

Такая проблемная ситуация с необходимостью возникает в научном исследовании в той его «точке», где совершается переход от его эмпирического уровня к уровню теоретическому. Определения «это» и «другое» формулируются эмпирическим мышлением и берутся им как самостоятельные, «жесткие», выражающие разные отношения. При теоретическом же осмыслении этих определений они должны быть выведены из одной единой сущности — основания, т. е. рассмотрены в одном и том же, сущностном отношении, которое еще предстоит найти на теоретическом уровне. Взятые в одном и том же отношении эмпирические понятия «это» и «другое» утрачивают свою самостоятельность, жесткость и определенность и в единении (отождествлении) дают проблемное знание — антиномию, толкающую исследователя на поиски «третьего» — опосредствующего их сущностного отношения.

Одним словом, антиномия при переходе от эмпирического уровня исследования к теоретическому возникает потому, что здесь противоположные определения непосредственно сопоставляются («сталкиваются») друг с другом, без указания на то основание, на то единое отношение, которое опосредствует их.

Разрешение антиномии, т. е. нахождение «третьего» — опосредствующего противоположности субстанциального основания — и приводит к рождению нового, собственно теоретического понятия, отображающего это основание. Однако и это понятие антиномично, поскольку в нем, как отображающем субстанциальное начало системы, «схватывается», соответственно, лишь начало (первоначальная, исходная форма) предметного противоречия, т. е. противоречие еще неразрешенное, заключающее в себе побудительную силу движения.

Таким образом, при рассмотрении содержательной антиномии как способа воспроизведения источника самодвижения следует различать два ее вида соответственно двум различным степеням гибкости понятий. Одна антиномия может быть названа эмпирической в том смысле, что ее образуют противо-

¹³ См.: Шинкарук В. И. Гегелевское понятие «спекулятивного мышления» и принцип тождества противоположностей//Философия Гегеля и современность. М., 1973. С. 93.

положные эмпирические понятия. Сформулированная в виде проблемы — «и то, и другое» и одновременно «и не то, и не другое, а нечто третье, которое следует найти», — она стимулирует переход от эмпирической «модели» движущейся системы к теоретической — идеализированному объекту, где раскрывается самопротиворечивость самой глубокой сущности, субстанциального начала — основания этой системы. Разрешить названную антиномию — это значит свести противоположные определения («это» и «другое») к их основанию, как явления к своей сущности.

Вторая антиномия является теоретической в строгом смысле этого слова: она отображает противоречие в самой сущности движущейся системы, ее самоотрицательность, тождество взаимоисключающих определений. Разрешение этой антиномии предполагает обратную операцию, а именно: выведение противоположных определений из их самопротиворечивого основания, прослеживание форм движения его имманентного противоречия, в которых оно (противоречие), разрешаясь, поляризуется на самостоятельные противоположности. Если в первом случае антиномия формулируется как одно сложное суждение (конъюнкция противоположных высказываний), то во втором — как сложное теоретическое понятие, разворачивающееся в теорию, т. е. систему многих суждений, адекватно отображающую весь процесс самодвижения, саморазвития системы (стимул, основание, результат).

Указывая на различие между эмпирической и теоретической антиномиями, вместе с тем следует подчеркнуть их органическую взаимосвязь. Эта связь является генетической: в процессе исследования самодвижения системы эмпирическая антиномия всегда предшествует теоретической так, что результат разрешения первой есть одновременно формулировка второй. Только это единство эмпирической и теоретической антиномий как наиболее гибких по содержанию логических форм, взятых вместе со своим разрешением, обеспечивает адекватное отображение в мышлении «движущего» и функционирующего предметного противоречия системы, т. е. ее самодвижение, саморазвитие.

Рассмотрим это на примере Марковского анализа противоречивости и самодвижения товара. Вначале К. Маркс анализирует товар с двух точек зрения — как потребительную стоимость и как меновую стоимость, т. е. всякий раз, как подчеркивает он сам, односторонне¹⁴. В этой своей односторонности определения «потребительная стоимость» и «меновая стоимость» являются эмпирическими понятиями: они образуются в результате индуктивного (эмпирического) обобщения многократно повторяющихся в самом опыте таких двух противоположных черт товара, как быть средством для удовлетворения потребностей

¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 28.

и средством обмена. (Неслучайно эти понятия были выработаны еще задолго до К. Маркса в «эмпирической» политической экономии).

Взятые вместе, но в разных отношениях, т. е. в своей односторонности, эти понятия не образуют еще антиномии. К. Маркс преодолевает их односторонность, ставя потребительную стоимость и меновую стоимость в одно и то же отношение — в непосредственное единство. «Однако товар как таковой,— пишет К. Маркс,— представляет собой непосредственное *единство* потребительной стоимости и меновой стоимости»¹⁵. Выдвинув это положение, К. Маркс приходит к необходимости сформулировать эмпирическую антиномию: «товар есть потребительная стоимость... но как товар он вместе с тем есть *не* потребительная стоимость»¹⁶.

И здесь дело не просто в том, чтобы формально заменить (уточнить) затем термин «не потребительная стоимость» термином «меновая стоимость», а в том, чтобы сформулировать проблему: что заставляет «отождествлять» в товаре потребительную стоимость с ее противоположностью — не потребительной стоимостью, стоимостью меновой. Ведь антиномия «товар есть и не есть потребительная стоимость» включает в себе не только смысл «и то, и другое» (и потребительная стоимость, и меновая стоимость), но и смысл «не то, и не другое» (не потребительная стоимость, не меновая стоимость), а нечто «третье» — их опосредствование. И К. Маркс находит это «третье»: это — материализованный, овеществленный общественный труд, являющийся субстанцией товара. «Как материализация общественного труда, все товары суть кристаллизация одного и того же единства. Теперь необходимо рассмотреть определенный характер этого единства»¹⁷.

Рассматривая далее труд как субстанциальное единство, К. Маркс обнаруживает в нем самопротиворечивость: труд, создавая товар, одновременно, в одном и том же отношении, выступает и как труд всеобщий (общественно необходимый), и как труд особенный (индивидуальная форма общественного труда). Соответственно этому, меновая стоимость, создаваемая всеобщим трудом (всеобщим рабочим временем), и потребительная стоимость, создаваемая индивидуальным трудом, в своем единстве выражают самопротиворечивость сущности товара — его стоимости. «Продукт как потребительная стоимость,— пишет К. Маркс,— находится в противоречии с самим собой как стоимостью; другими словами, поскольку продукт существует в определенном качестве, как специфическая вещь, как продукт с определенными природными свойствами, как суб-

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 28.

¹⁶ См.: Там же. С. 28.

¹⁷ Там же. С. 15.

станция потребности,— он находится в противоречии с той своей субстанцией, которою он как стоимость обладает исключительно в *овеществленном труде*»¹⁸.

Обнаружив реальную антиномичность субстанции товара — труда и специфической сущности — стоимости, К. Маркс выражает ее уже в теоретической антиномии — в виде проблемы как «совокупности противоречивых требований», предъявляемых к одному и тому же — меновому — отношению, в котором происходит движение товара. «Одно и то же отношение,— пишет К. Маркс,— должно быть отношением товаров как величин, по существу равных и лишь количественно различных; равенством их как предметов, в которых материализовано всеобщее рабочее время; и вместе с тем оно должно быть отношением товаров как качественно различных вещей, как особенных потребительных стоимостей, удовлетворяющих особенные потребности, словом, оно должно быть отношением, в котором они различаются как действительные потребительные стоимости. Но это равенство и неравенство взаимно исключают друг друга. Таким образом обнаруживается не только порочный круг проблем, поскольку разрешение одной из них уже предполагает разрешение другой, но и совокупность противоречивых требований, поскольку выполнение одного условия непосредственно связано с выполнением другого, ему противоположного. Процесс обмена товаров должен быть как разворачиванием, так и разрешением этих противоречий»¹⁹.

Затем К. Маркс показывает, каким образом это имманентное противоречие менового отношения и собственно товара как его носителя — быть особенной потребительной стоимостью (неравенством) и вместе с тем всеобщим эквивалентом (равенством)²⁰ — разворачивается и разрешается: возникают деньги как особо выделенный товар, представляющий этот всеобщий эквивалент; мир товаров поляризуется на деньги как адекватное бытие меновой стоимости всех товаров и собственно товары как бытие потребительной стоимости. Иными словами, имманентное противоречие (внутренняя противоположность) товарной стоимости превращается, или разрешается, во внешнюю противоположность «товар — деньги», которые обретают самостоятельное существование.

В данном случае признание самостоятельности потребительной стоимости (товара) и меновой стоимости (денег) уже не будет являться односторонним подходом к ним, поскольку они поняты и объяснены как формы самодвижения единой субстанции, как «моменты» осуществления и разрешения ее противоречия; в этом смысле их самостоятельность лишь кажущаяся.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 382.

¹⁹ Там же. Т. 13. С. 30—31.

²⁰ См.: Там же. С. 35.

А сами понятия товара и денег становятся теоретическими: они выводятся из единого принципа — фундаментального понятия стоимости, отображающего именно то «третье», что составляет субстанциальное основание саморазвивающейся системы товарно-капиталистической экономики.

Эмпирическая и теоретическая антиномии, сформулированные К. Марксом при исследовании товара, взятые вместе со своим разрешением, действительно дают нам адекватную «картину» самодвижения, саморазвития товара, в данном случае его саморазвития в деньги.

Подведем итог. Ленинское положение о том, что принцип движения (самодвижения) нельзя выразить иначе, как через принцип тождества противоположностей, получает свою конкретизацию в представлении о диалектической, содержательной антиномии. Принцип единства (тождества) противоположностей в познающем мышлении действует как «изображение» антиномий, как необходимое использование в научном исследовании таких логических форм, в которых универсальная гибкость понятий «доходит до тождества противоположностей» и которые в силу этого «есть правильное отражение вечного развития мира»²¹.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 99.

Диалектически противоречивый характер возникновения новых теорий

Тема противоречий так или иначе затрагивается в любых логико-методологических концепциях, исследующих процессы возникновения новых научных теорий. Лейтмотивом различных вариаций на эту тему служит тезис о том, что противоречия являются стимулом, побудительным мотивом появления нового знания. Иначе говоря, роль противоречий заключается в том, чтобы запустить механизм построения научной теории; сам же механизм понимается по-разному. Для индуктивиста построение теории начинается с фактов и кончается ими: толчок появлению нового знания дают факты, не укладывающиеся в существующую теорию, далее следует их описание и индуктивное обобщение, после чего осуществляется дедуктивное выведение новых фактов и эмпирическая проверка теоретических предсказаний. «Критический рационалист» тоже начинает с противоречащих теории фактов, но далее вместо индукции следует изобретение и разработка на теоретическом уровне «смелой гипотезы» с последующим выведением из нее эмпирических следствий и попыток ее фальсификации. В эмерджентной концепции развития науки (Т. Кун) теория возникает фактически целиком, после чего идут «отделочные работы» и распространение теории на новые предметные области. Однако и здесь противоречия играют свою роль: толчок появлению новой теории дает кризис, охвативший ранее применявшиеся подходы.

Если противоречия могут быть «пристегнуты» к самым различным концепциям, то естественно возникает мысль, что они либо не имеют существенного значения для понимания механизма возникновения нового знания, либо их роль недооценивается. Последнее представляется более верным.

Противоречия не просто запускают механизм формирования новой теории, но органично входят в саму структуру этого механизма, конституируют его существенные характеристики и особенности. Новая теория возникает как разрешение противоречий, преодоление недостатков своей предшественницы в борьбе с нею. Конкуренция нового и старого подходов складывается не после возникновения новой теории, но берет свои истоки в самом противоречивом, диалектическом механизме перехода от старого знания к новому. Новые идеи рождаются, формируются и утверждаются в процессе борьбы со старым, логико-гносеологические, а также и социальные механизмы становле-

ния новых идей — это механизмы возникновения, развития и разрешения противоречий старого и нового подходов.

Покажем, что механизм возникновения новой теории имеет отмеченный выше характер. При этом наша главная цель будет состоять не в анализе конкретных логико-гносеологических и других особенностей противоречивого процесса становления новых знаний, а в обосновании самой идеи о противоречии как структурной основе перехода от старой теории к новой.

Прежде всего необходимо уточнить понятие «возникновение теории»: с какого момента можно говорить, что новая теория родилась, возникла? Каковы признаки и критерии этого явления? Всякая теория не появляется на «голом» месте, так или иначе ее появление подготавливается предшествующим развитием. У творцов нового, как правило, есть предшественники, высказывавшие аналогичные или близкие взгляды. С другой стороны, теория всегда развивается и модифицируется, и в этом случае приходится сталкиваться с ситуациями, подобными тем, что отражены в парадоксах Евбулида «Сорит» и «Куча»: смутный замысел нового подхода — уже не старое знание, но еще и не возникшее новое; ясная и четкая постановка новых проблем есть несомненное движение в сторону новых идей, но пока нет самих оформившихся идей; гипотеза выдвинута и хорошо разработана, но еще не проверена, не получила подтверждения — родилась новая теория или нет? и т. п.

Нам представляется, что под возникновением, или генезисом, теории следует понимать период, начинающийся с формирования у отдельных (или группы) членов научного сообщества установки на отказ от существующего и создание нового теоретического подхода и «заканчивающийся» выдвижением исходных идей, принципов, методов и плана разработки такого подхода. Установка на радикальное преобразование существующего знания, создание принципиально нового подхода есть субъективный, деятельностный аспект развития науки. Новые факты, теоретические трудности приобретают значение детерминантов нового, когда включаются в соответствующую деятельность. Установка на создание нового подхода сама имеет предысторию, ее формирование является подчас довольно длительным процессом, но именно она, на наш взгляд, характеризует тот переломный процесс, с которого начинается движение в сторону собственно создания новой теории.

Выдвижение исходных идей, принципов и т. д. нового подхода есть событие, которое фиксирует «момент» возникновения, рождения новой теории. Затем следует период развития теории: уточнения и разработки понятийного аппарата, расширения эмпирического базиса и т. п.

Среди многообразных типов научных работ имеется один достаточно специфический, особенный как в отношении своего содержания, так и по своим функциям в научной деятельно-

сти — это программные работы основателей новых теорий, новых направлений научного исследования. Именно появление программной работы знаменует, на наш взгляд, «момент» рождения новой теории. До нее — период возникновения теории, после нее — период развития. Поэтому можно сказать, что возникновение новой теории — это возникновение новой исследовательской программы. Или в иной форме: научная теория возникает, рождается в виде исследовательской программы.

Последняя не представляет собою лишь операциональный план развертывания исследовательской работы. Программа содержательна: она включает в себя характеристику проблематики новой теории, набор исходных идей, на основе которых эта проблематика будет разрабатываться, определяет объект исследования, основные методы и методики, содержит, как правило, прогнозы относительно возможных будущих результатов развития выдвинутых идей.

Понятие исследовательских программ довольно широко используется в литературе, причем определяется оно разными авторами по-разному. Мы не будем специально рассматривать имеющиеся здесь точки зрения. Отметим только, что, используя понятие исследовательской программы, мы отталкиваемся от содержания программных работ. Что касается последних, то они относительно легко вычлняются из общего массива научных публикаций. К тому же сами авторы задумывают и представляют такую работу именно как программную, не обязательно, разумеется, используя слово «программа».

Приведем примеры, пока не проводя анализа. Типичной программной работой были сеченовские «Рефлексы головного мозга», имевшие первоначальное название «Попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологическую основу», что довольно точно передает сущность исследовательской программы И. М. Сеченова. Среди работ И. П. Павлова выделяется статья «Экспериментальная психология и психопатология на животных» — речь И. П. Павлова на международном медицинском конгрессе в Мадриде в 1903 году. В этой речи были впервые изложены основы рефлекторной теории высшей нервной деятельности, и все последующее развитие данной теории явилось развитием и конкретизацией выдвинутых в Мадридской речи идей. По всем параметрам программными являются работы Н. А. Бернштейна «Пути и задачи физиологии активности» и «На пути к биологии активности» (Вопр. философии. 1961. № 6; 1965. № 10), в которых подвергается критике рефлекторная теория и обосновывается системно-кибернетический подход к анализу поведения животных систем. Программный характер имеет статья Ф. В. Бассина «Сознание, «бессознательное» и болезнь» (Вопр. философии. 1971. № 9), посвященная обсуждению исходных идей «современного подхода к психосоматической проблеме». Фундаментальные исследования мифо-

логии К. Леви-Стросса предваряет небольшая программная работа «Структура мифов» (Вопр. философии. 1970. № 7), в которой изложен структурный подход к исследованию мифов и дан образец структурного анализа. Программной является книга известного советского медика И. В. Давыдовского «Проблема причинности в медицине (Этиология)» (М., 1962), в которой предпринят серьезный пересмотр теоретических основ этиологических концепций. Можно привести примеры программных работ и более широкого, философского плана. В «Новом Органоне» Ф. Бэкона находим все существенные компоненты программных работ. Аналогичный характер имеют перекликающиеся друг с другом работы Л. Фейербаха «Необходимость реформы философии», «Предварительные тезисы к реформе философии», «Основные положения философии будущего». Можно было бы в качестве примера указать лишь на последнюю из этих работ. В ней программа мировоззренческой перестройки представлена в виде, позволяющем говорить, что новая философия уже возникла, в основном сформировалась и теперь ей предстоит этап развития, разработки и конкретизации.

Программные работы важны тем, что в них довольно ясно и отчетливо отражена структура процесса возникновения новой теории или нового учения. В дальнейшем, в развивающих исследовательскую программу работах, а тем более в работах, излагающих так называемую «готовую» теорию, порядок изложения теоретического материала уже совершенно другой.

Структура программных работ, особенно текстовая, не является целиком и полностью одинаковой. Это и понятно: они не пишутся по шаблону и для них не существует каких-либо стандартных правил. Тем не менее во всех работах этого типа можно обнаружить стабильно повторяющиеся моменты. Рассмотрим некоторые из них, важные для нашей темы.

Первое. В программных работах, несмотря на то, что их содержание устремлено в будущее, и в этом их главное назначение, неизменно присутствует старая теория или теории, на преодоление которых претендует новая. Все программные работы могли бы быть начаты фразой: «Раньше полагалось...», «Обычно считается...». Старое знание вводится в текст не в качестве некоторой исторической справки, а находится во вполне «рабочем состоянии»: тщательно анализируется, оценивается и т. д. Нередко анализ предшествующего знания занимает даже большую часть текста программной работы, нежели собственно позитивное изложение. Хотя чаще всего изложение старого и нового подходов переплетено, осуществляется совместно. В упоминавшейся программной статье И. П. Павлова мы найдем анализ психологических методов исследования высшей нервной (психической) деятельности. Н. А. Бернштейн в своих работах постоянно дает оценку отвергаемой им рефлекторной теории. В книге И. В. Давыдовского наряду с изложением ново-

го подхода дается довольно детальный анализ положения в современной медицине. Указанные выше работы Фейербаха представляют собой разбор современной ему немецкой и особенно гегелевской философии.

Второе. В программных работах мы находим подчас довольно детальную, скрупулезно проведенную критическую «калькуляцию» трудностей и недостатков старого подхода. Здесь обычно приводятся эмпирические факты, которые старая теория не может объяснить или объясняет неудовлетворительно, проблемы, которые она не может решить или не позволяет их заметить и сформулировать, различные недостатки теоретического аппарата и т. п.

Критический анализ старой теории всегда резюмируется четким перечнем «виновников» ее неудовлетворительности, т. е. перечнем тех предметно-содержательных и методологических положений старой теории, которые привели последнюю к противоречиям и трудностям. Это перечень «претензий» сторонников нового подхода к своим предшественникам, раскрывающий, в чем конкретно состоит неверность или недостаточность ранее применявшегося подхода. Так, сторонники системного подхода всегда указывают, что досистемная «классическая наука» недостаточна тем, что отличается элементаризмом, изучением преимущественно двоичных и линейных связей, аналитическим методом исследования и т. п.

Третье. Критический разбор старой теории завершается объяснением причин, гносеологических и социальных, приведших к появлению и распространению отрицаемых взглядов, а на этой основе — формулированием общей оценки старой теории, т. е. ее места и роли в науке после того, как была выявлена ее неудовлетворительность. Критические оценки старых теорий различны. Иногда старая теория вообще объявляется ошибочной и целиком переводится в «историю науки». В других случаях старая теория оценивается как «отжившая» и переводится в «историю науки», но вместе с тем за ней признаются определенные заслуги и ряд ее достижений в преобразованном виде включается в новую теорию. Таково, например, отношение современных физиологических концепций к рефлекторной теории, отношение синтетической теории эволюции к предшествующим монокаузальным эволюционным учениям. Весьма часто старая теория, даже после довольно жесткой критики, оценивается как правомерная, имеющая право на дальнейшее существование, однако область ее применения при этом уточняется и, как правило, ограничивается. Новая теория забирает себе ту проблематику, которая порождала противоречия и трудности в старой теории.

Четвертое. Программная работа, естественно, содержит позитивное изложение основ новой теории: формулировку и обоснование ее исходных идей, составляющих сущность нового под-

хода, определение предмета исследования и связанной с ним проблематики, анализ методов исследовательской работы, обсуждение примерного плана и перспектив развития теории и т. п.

Если теперь проанализировать отмеченные выше особенности содержания программной работы, то очевиден вывод, что структура этого содержания есть развернутая структура проблемной ситуации, построенной в ходе критического анализа старого знания и разрешенной в позитивной части исследовательской программы. Мы здесь видим следующую логическую цепочку: старая теория с ее трудностями и противоречиями — критический анализ старой теории и выделение «виновников» ее неудовлетворительности, т. е. выделение тех положений старой теории, которые вызвали появление разного рода трудностей и которые следует преодолеть для элиминации этих трудностей — объяснение причин неудовлетворительности и оценка значимости старой теории — формулирование и обоснование новых идей, разрешающих проблемную ситуацию. Первые члены этой логической цепочки «размыкают» существующее знание, вскрывают его противоречивый, проблемный характер, последнее — итоговая критическая оценка «материнской» теории и новые идеи — «замыкают» систему знания в непротиворечивое единство.

Различные логико-гносеологические, а также социальные механизмы становления новой теории работают на основе и в рамках данного противоречивого, деструктивно-конструктивного, негативно-позитивного процесса перехода от одной системы знания к другой. Исходные идеи новой теории, «ядро» новой исследовательской программы появляются не вследствие эмерджентного скачка в новое, не путем «безоглядного», ничем не детерминированного создания «смелых гипотез», не на основе простого индуктивного обобщения новых фактов, а в противопоставлении старому подходу, как разрешение проблемной ситуации, как антитезы отвергаемых идей и методов.

Основные идеи павловской программы изучения высшей нервной деятельности — это антитезы господствовавших ранее психологических представлений с их дуализмом «души» и тела, индетерминистским пониманием психики, интроспективным методом исследования и т. п. В целях преодоления методических и методологических трудностей, порождаемых этими представлениями, и выдвигались исходные идеи рефлекторной теории.

Эмерджентная концепция научных революций Т. Куна возникла отнюдь не эмерджентным путем, не путем переключения «теоретического гештальта», после чего о старых концепциях можно было бы забыть, но формировалась, оттачивала свой понятийный аппарат, строила свое обоснование в ходе критического анализа позитивистской концепции науки и вытекавшей из нее кумулятивной модели роста научного знания. Аналогичным образом классическая индуктивистская концепция Ф. Бэко-

на выросла отнюдь не на основе применения метода «истинной индукции» к анализу и обобщению историко-научных фактов (все эти «факты» — приемы и методы исследовательской работы современной ему науки — Бэкон попросту отрицал), но в ходе критики ранее применявшихся методов познания, в противопоставлении им и как их антитеза, вскрывающая неудовлетворительность существующего и ведущая к новому.

В ранее упомянувшейся программной статье Ф. В. Бассина исходные идеи нового подхода к анализу психологических факторов болезни выдвигаются и обосновываются в противопоставлении психоанализу, и поэтому справедливо отмечается, что «методически адекватный подход к проблеме психологических факторов болезни выступает при более внимательном его раскрытии как своеобразная **антитеза** психоаналитической трактовки — как совокупность представлений, которые либо отвергают то, что психоаналитической концепцией утверждается, либо, напротив, обосновывают то, что теория психоанализа отклонила, либо, наконец, подчеркивают моменты, которые эта теория игнорировала»¹.

Структурная лингвистика, произведшая настоящий переворот в ряде общественных наук, во многом несоизмеримая с классическим описательным языкознанием, в своих истоках формировалась как преодоление недостатков и ограничений классической лингвистики, как её антитеза: «Тенденция к критическому пересмотру лингвистических понятий и приемов исследования языка возникла **внутри** классического языкознания; в ходе этого пересмотра вырабатывались элементы структурного подхода к языку»².

Проблемно-диалектическая, деструктивно-конструктивная природа механизма возникновения новых идей находит свое проявление в целом ряде характеристик этого процесса.

Прежде всего можно обратить внимание на структуру мыслительных операций творцов нового, проявляющуюся в языке. Это структура и язык полемики, дискуссии, явного или скрытого противопоставления одних утверждений другим. В тексте программной работы почти каждое утверждение подразумевает и предполагает отрицание. Например, если высказывается позитивное утверждение: «На самом деле существует А», то из контекста ясно, что оно подразумевает отрицание объективности существования какого-то вполне конкретного явления и поэтому мысленно может быть продолжено: «...а не Б, как предполагалось в старой теории». Когда автор новой концепции задает вопрос: «Почему данное явление ведет себя таким образом?», то из контекста мы можем понять, что сама постановка этого вопроса,

¹ Бассин Ф. В. Сознание, «бессознательное» и болезнь//Вопр. философии. 1971. № 9. С. 99.

² Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. С. 24.

осмысленность его возможна только потому, что одновременно подразумевается: «...а не так, как оно должно было бы вести себя с точки зрения прежних взглядов». Внутренняя структура рассуждений основателей нового подхода — это мысленная полемика с оппонентами, с действительными или возможными их контраргументами.

Доказательство правомерности, обоснование новых идей в период их формирования неизменно имеет отрицающе-утверждающий характер. Новые идеи, хотя в основном уже и сложившиеся, в большей степени суть претенденты на будущее плодотворное и хорошо подтвержденное знание, нежели, так сказать, его полномочные представители. Поэтому в доказательстве их правомерности большое значение приобретает критика и опровержение альтернативных подходов, доказательство их неспособности решать новые задачи, что косвенно служит обоснованию правомерности новых идей. Приведем пример такой негативной аргументации в пользу нового знания. Английский социолог М. Малкей в книге «Наука и социология знания» (которая, кстати говоря, является типичной программной работой) исходит из так называемой постпозитивистской «философии науки» и предлагает на этой основе концепцию социальной природы естествонаучного знания. В пользу своей концепции он выдвигает следующий аргумент: «Нет сомнения, что существует возможность и того, что этот пересмотренный (постпозитивистский.— В. О.) образ науки неверен в своей основе, а вытекающие из него выводы — просто результат несовершенного философского анализа. В таком случае рухнет, вероятно, вся попытка исследования социального конструирования научного знания. Однако отказ от такой попытки в то время, когда более ранние философские идеи кажутся явным образом неадекватными, был бы непростительным»³. Известна бэконовская критика предшествующей ему науки и философии, возведенная в ранг целого учения об опровержении «идолов» познания. Из этой критики Бэкон делает, в частности, следующий вывод в пользу предпринимаемого им преобразования науки: «Наиболее значительное основание для внушения надежды... вытекает из заблуждений прошедшего времени и ошибочности испытанных уже путей. ...Все те ошибки, что были в прошедшее время, суть лишь доводы в пользу надежды на будущее»⁴.

В период возникновения новой теории имеет место сбор, анализ и обобщение фактического материала. Но в этот период такая деятельность имеет специфический характер, обусловленный переходным состоянием знания и проблемно-противоречивой структурой движения к новому. Сторонники новой теории обращаются к фактам, преследуя одновременно две цели: а) вы-

³ Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983. С. 106.

⁴ Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 58.

явить и продемонстрировать объяснительную и конструктивную силу новых идей; б) показать недостаточность или полную неудовлетворительность прежних теоретических представлений. Такова особенность периода возникновения и обоснования исходных идей новой теории, ведь в это время речь идет не о развернутом эмпирическом исследовании как таковом, а о выборе направления эмпирических исследований, о разработке методов и методик планируемого в будущем построения эмпирического базиса теории. После того как исходные идеи, принципы и методы новой теории будут разработаны и критически осмыслены в степени, достаточной для уверенного продвижения вперед,— только после этого и начинается собственно систематическое и планомерное, управляемое исследовательской программой построение эмпирического базиса: сбор фактов, их классификация, обобщение, объяснение и т. п.

В период возникновения новых идей, когда объем эмпирических данных весьма ограничен, на первый план выдвигается выявление контрпримеров для старой теории и противопоставление им примеров, образцов позитивной работы по сбору и объяснению фактического материала. То, с чем «выходит в свет» новая исследовательская программа,— это не объяснение отдельных фактов, пусть их даже будет собрано достаточно много, а именно образцы, модели эмпирической работы, «опытные образцы».

Деструктивно-конструктивная структура механизма возникновения нового знания имеет своим следствием и то, что содержание исследовательской программы является в некотором смысле дуальным: и позитивным, и негативным, критическим. Позитивное изложение сформировавшейся и развивающейся теории всегда выступает на первом плане и предстает в явном виде, но за ним, как тень, следует и та критическая часть рассуждений, которая сложилась в период формирования теории и которая, как и теория, совершенствуется, а также и модифицируется в зависимости от модификации контраргументов сторонников альтернативных взглядов.

Критическая «часть» исследовательской программы включает в себя: а) указание «виновников» неудовлетворительности старого подхода, т. е. тех его положений, в противопоставлении которым выдвигались и обосновывались новые идеи; б) сравнительно отработанные, стандартные ходы критической аргументации, направленной против альтернативных взглядов; в) ориентированную в будущее установку на вытеснение отрицаемых понятий и методов из той области исследований, на разработку которой претендует новая теория.

Ситуация, в которой приходится развиваться исследовательской программе, не такова, что перед сторонниками нового подхода после периода критического размежевания со своими предшественниками открывается совершенно чистое поле, которое

остается «засеять» новыми понятиями. Действительное положение, как правило, иное: ввод новых понятий требует одновременной очистки исследуемого поля от старых представлений. В таких случаях выступает в явном виде, включается «критическая часть» исследовательской программы. Так, сторонникам рефлেকторной теории высшей нервной деятельности в ходе реализации сформулированной И. П. Павловым исследовательской программы приходилось «внедрять» свои идеи и методы в решение проблем сна и сновидений, сознания, мышления и памяти, эмоций и мотиваций и т. п. Каждая из этих проблем уже «обросла» целым рядом концепций и поэтому их решение с позиций рефлекторной теории требовало одновременной критики альтернативных взглядов. Не только становление, но и развитие исследовательской программы осуществляется, таким образом, через воспроизводство и разрешение ситуаций борьбы противоположностей.

Диалектически противоречивый характер становления и утверждения нового знания находит свое выражение и в социальных механизмах развития науки. Закон единства и борьбы противоположностей действует не только в когнитивной сфере, но и на уровне социального бытия науки. В методологическом плане этот закон требует, чтобы многообразные социальные аспекты становления нового знания исследовались с учетом факта борьбы сторонников конкурирующих теоретических позиций. Борьба идей есть одновременно и соперничество людей, и само это соперничество является существенной внутренней характеристикой функционирования организационно-управленческих структур, ценностно-нормативного регулирования деятельности ученых, социально-психологических механизмов поведения в науке и т. д.

Диалектика единства и борьбы противоположностей находит свое выражение прежде всего в факте существования конкурирующих групп ученых. Наука не делается абстрактным «гносеологическим робинзоном», но столь же верно, что она не является плодом деятельности и некоторого однородного и одномерного «сообщества ученых». Речь идет не столько о расслоении «республики ученых» по признакам специальности, академической должности и т. п., сколько о своеобразном «идейно-социальном» расслоении, которое и имеет самое непосредственное отношение к процессам создания и утверждения нового знания. Множество специалистов, работающих в рамках одной и той же предметной области, как правило, разделяются на сторонников разных, притом конкурирующих направлений, школ, «невидимых колледжей» и т. п.

Социологическим коррелятом процесса возникновения и утверждения новой исследовательской программы является деятельность «оппозиционного сообщества» — научной школы, смысл существования которой и заключается в том, чтобы утвердить

некоторый исследовательский подход⁵. Вместе с тем, объединяясь вокруг признанных лидеров, их исследовательской программы, ориентируясь на принятые в группе нормы и процедуры исследовательской деятельности, критически оценивая и стремясь преодолеть существующие подходы, члены школы одновременно находятся в своеобразной зависимости от тех взглядов и концепций, против которых они выступают. Эта зависимость порождается наличием общего проблемного поля, влиянием конкурирующих взглядов на ход теоретического спора, а следовательно, и на позиции сторон. Новая исследовательская программа привязана к своему «отрицательному двойнику» — конкурирующему подходу, эта содержательная привязанность получает свое выражение и в социальной плоскости: сторонникам новой программы противостоит оппонентный круг — специалисты или группа специалистов, в соперничестве с которыми развивается и утверждается новый исследовательский подход⁶.

Соперничество конкурирующих научно-исследовательских групп осуществляется не только в сугубо теоретической плоскости, но захватывает и различные аспекты науки как социального института. Объектами, а также и средствами конкуренции становятся академическая власть, источники финансирования исследований, центры подготовки и переподготовки специалистов, центры распространения научной информации и т. д. Эта сторона конкуренции научных теорий практически почти не исследована, но она вполне реальна. Соперничают, повторим, не идеи сами по себе, а люди — сторонники этих идей, сами же они включены в различные организационно-управленческие структуры, и от последних зависит, будет ли новый научный подход внедрен в реальную практику научных исследований, получат ли его сторонники финансовую и материальную поддержку, сумеют ли они увлечь за собой достаточное количество исследователей и т. п.

Известны слова М. Планка о том, что новые научные истины большею частью побеждают таким образом, что сторонники старых взглядов, непреубежденные, постепенно вымирают, а новое поколение усваивает истины сразу. Если признать определенную правоту этой оценки механизма разрешения теоретических споров, то все же нужно добавить, что в ней не учтен или неверно представлен социальный контекст. Исход дела решается в подобных случаях не простой биологической сменой поколений, а соперничеством в социальной области, ведь старшее поколение оставляет после себя учеников и последователей, занимающих академические посты, продолжает оказывать влияние на новое поколение содержанием вузовских учебных программ. Прежде чем молодая смена исследователей будет иметь возмож-

⁵ Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация знания. М., 1980. С. 179—186.

⁶ Понятие «оппонентный круг» ввел М. Г. Ярошевский в статье «Оппонентный круг и научное открытие» (См.: Вопр. философии. 1983. № 10).

ность «усвоить истину сразу», сторонникам нового подхода необходимо добиться изменения содержания учебных программ и пособий, занять ведущее место в системе образования и т. п.

Отметим, наконец, что логика противоречия, единства и борьбы противоположностей действует и на социально-психологическом уровне, также имеющем прямое отношение к процессам конкуренции научных теорий. Регулирующая роль социально-психологического климата в возникновении и особенно в распространении и признании научных идей несомненна. В науке, как и в других областях социальной жизни, имеют место явления моды, престижа, коллективной увлеченности какими-либо концепциями, сочетающейся с безразличным или даже резко негативным отношением к другим концепциям, и т. п. К примеру, Л. фон Берталанфи сформулировал концепцию общей теории систем еще в 1937 г., но не стал публиковать свои идеи, поскольку «в то время теоретическое знание, как таковое, пользовалось плохой репутацией в биологии», и опубликовал их лишь тогда, когда «оказалось, что в изменившемся интеллектуальном климате стали модными построение моделей и абстрактные обобщения»⁷. Идеи кибернетики в свое время с трудом пробивали себе дорогу отчасти и потому, что у многих ученых существовало мощное предубеждение против применения понятий цели и целесообразности к системам, не обладающим сознанием.

Постепенное и подчас незаметное изменение идейно-психологического климата в науке вместе с тем не осуществляется автоматически, но происходит под воздействием активности конкурирующих групп, в процессе их соперничества, включающего в себя наряду с рационально-логической и психологическую компоненту, те или иные средства убеждения.

Знания становятся убеждениями, когда они из объекта критической рефлексии переходят в средства мыслительной деятельности и внедряются в эмоционально-чувственную сферу личности. Этот механизм перевоплощения знаний в убеждения, а равно и обратный процесс — разубеждения, постоянно действует в науке. «Убедительные доводы», «сторонник теории», «признать доказательство» — эти и им подобные выражения фиксируют проявления феномена убежденности, не столько сами знания, сколько отношение субъекта к этим знаниям.

В теоретических дискуссиях, наряду с построением доказательств и опровержений, в той или иной степени преследуется цель убеждения оппонента, чтобы последний не только знал соответствующие аргументы, но и принял, признал их. Ведущим средством убеждения в науке является логическое доказательство. Вместе с тем используются и другие средства, причем чем глубже различия теоретических позиций спорящих сторон и чем

⁷ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор//Исследования по общей теории систем. М., 1969. С. 28.

неопределенные ситуации теоретического выбора, тем большую роль начинают играть эти средства. Сюда можно отнести такие приемы полемической борьбы, как апелляция к авторитетам, аргументация *ad hominem* (например, указание на то, что оппонент не является узким специалистом по обсуждаемой проблеме), создание интеллектуальной моды, игнорирование идей оппонента (отказ от ссылок на его работы и публичного их обсуждения), выбор времени опубликования новых идей и вступления в дискуссию с оппонентами, определение, «навязывание» предмета дискуссии и плоскости сравнения конкурирующих позиций, публикация в престижных философских изданиях с целью придания конкретно-научной теории «философской респектабельности», аргументация аксиологического плана — морально-этического, мировоззренческого, идеологического, использование многообразных возможностей языка (подбор терминов для квалификации позиций спорящих сторон, стиль и порядок изложения содержания, открытая или «затекстовая» полемика с оппонентом, использование традиционной терминологии или введение новой и т. п.).

Перечень приемов и средств этого рода можно продолжить, видимо, он не может быть приведен в окончательную форму. Интеллектуально-психологический климат является подвижным, изменчивым, поэтому спорящие стороны используют те средства убеждения, которые являются значимыми, эффективными и допустимыми в соответствующей конкретно-исторической обстановке.

На наш взгляд, в науке не могут использоваться какие угодно средства убеждения, что в попытках доказать правоту и распространить свои взгляды ученые не должны исходить из максимы «все дозволено». Однако в целом вопрос о связи доказательств и убеждения, о роли феномена убежденности в науке, механизмах его функционирования требует дальнейшего изучения, но при этом необходимым условием является, как нам представляется, учет диалектического характера развития науки.

В. П. КОХАНОВСКИЙ
Ростовский университет

Критика В. И. Лениным софистики и эклектики в понимании социальных противоречий

Тождество противоположностей — фундаментальный закон объективного мира (в том числе практической деятельности) и вместе с тем всеобщий закон познания, принцип диалектической логики, требующий воспроизводить в мышлении действительные противоречия вещей. Реализация этого принципа включает в себя следующие последовательные действия познающего и практически действующего субъекта.

1. «Раздвоение единого» и выявление противоречия как «отношения противоположностей». Уже на этом этапе познания (а затем и на последующих) нужно четко представлять себе, что если в теоретических определениях предмета обнаруживается противоречие, то оно может иметь двойную природу. Это либо, по словам В. И. Ленина, «словесное, выдуманное» противоречие, т. е. «противоречие неправильного рассуждения», либо — отражение «живых противоречий живой жизни»¹.

Устраняя первые противоречия, «избавляясь» от них (в чем велика роль соответствующего закона формальной логики), надо основное внимание уделять исследованию вторых. Причем «раздвоение единого» должно идти сначала по линии обнаружения и описания «отношения противоположностей» на эмпирическом уровне, на поверхности, в виде их внешнего соотношения (товар как единство потребительной и меновой стоимости), с тем чтобы «выйти» к их внутреннему, сущностному соотношению (товар как единство потребительной стоимости и стоимости).

2. Анализ одной из противоположных сторон данного противоречия в «чистом виде», с точки зрения ее специфики, качественного своеобразия, количественных характеристик и т. п.

3. Исследование другой противоположности также в «чистом виде» и со всех сторон.

4. «Единение раздвоенного», рассмотрение противоречия как синтеза противоположностей. Здесь осуществляется «возврат» к первоначально выявленному «отношению противоположностей», но это «какобы возврат», ибо возвращение происходит на основе

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 420; Т. 20. С. 152.

глубокого и всестороннего знания каждой из них. На этом этапе надо прежде всего проанализировать своеобразие единства, характер взаимодействия противоположностей, специфику их взаимоотношенности и взаимоисключения, функции сторон противоречия и т. п. Задача здесь состоит в том, чтобы выявить главную, ведущую сторону противоречия в конкретных условиях, в данное время, не допуская абсолютизации одной из противоположностей в ущерб другой, их механического, эклектического соединения, не игнорируя изменение их соотношения.

5. Определение места данного противоречия в системе других противоречий предмета, в составе более широкого целого. На данном этапе развития познания главная проблема — классификация противоречий, выявление оснований (критериев) этой классификации, обнаружение субординационных связей и взаимодействия разных видов (типов) противоречий, установление положения исследуемого противоречия в этом взаимодействии и т. д.

6. Прослеживание развертывания, развития данного противоречия. В этой связи В. И. Ленин отмечал, что данное требование в отношении противоречий капитализма было четко реализовано К. Марксом в «Капитале», где не только констатируются «все противоречия» буржуазного общества, но и показывается «развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ (в сумме.— В. К.) его отдельных частей, от его начала до его конца»².

7. Анализ процесса разрешения данного противоречия как результата и итога его развертывания и обострения, «доведения до крайности». Это методологическое требование вытекает из того «онтологического обстоятельства», что, как писал Ф. Энгельс, «в действительном процессе», а «не в абстрактном процессе мышления», объективные, реальные противоречия «развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения»³ — нового единства качественно иных противоположностей, т. е. нового противоречия.

При изучении процесса разрешения противоречия необходимо рассмотреть как сущность этого процесса, его механизм, так и его формы (виды), обусловленные совокупностью конкретно-исторических условий. Раскрывая сущность процесса разрешения противоречия, необходимо не упустить из виду такие его всеобщие характеристики, как перерыв непрерывности (постепенности), переход в «свое другое», снятие, возникновение нового единства противоположностей, восхождение к более высоким формам развития, взаимопревращение противоположностей.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч 2-е изд. Т. 13. С. 498.

Зная сущность, механизм разрешения противоречия в его общей форме, познание далее должно рассмотреть формы (виды) разрешения. Последние определяются такими факторами, как характер сторон противоречия, особенности единства и своеобразие взаимоисключения составляющих его противоположностей, специфика той среды, внутри которой находится противоречие, и целым рядом других.

Особенно внимательно должен исследоваться процесс разрешения социальных противоречий, где существенное значение приобретают такие, например, моменты, как тип противоречия (антагонистический или неантагонистический), роль субъективного фактора в этом процессе, своевременность разрешения, умение практически соединять противоположности, чтобы обеспечить утверждение той социальной целостности, которая является новой, передовой, прогрессивной, которой принадлежит будущее.

В этой связи В. И. Ленин в 1921 г. писал, что «мы все-таки марксизму немножко учились, учились, как и когда можно и должно соединять противоположности, а главное: в нашей революции за три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности»⁴.

Большое внимание этой проблеме В. И. Ленин уделяет в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Здесь он подчеркивает, что в ходе революции очень важно добиваться правильного соединения таких противоположных форм борьбы, как легальная и нелегальная. Подлинные революционеры должны, в частности, не отвергать с порога (как это делали «левые») парламентаризм как якобы уже исторически изжитую форму борьбы, а использовать ее в определенных случаях, «по-революционному, по-коммунистически», соединяя эту форму с ее противоположностью — с непарламентскими формами.

Нужно видеть не только какую-либо одну сторону, одну форму борьбы, но и другую — противоположную ей форму. Мало того, необходимо не просто видеть эти противоположные стороны порознь, рядом, но и уметь их практически соединять соответствующим образом в зависимости от конкретно-исторических условий. Причем противоположные моменты, как говорил В. И. Ленин, сочетать не так, чтобы получилась какофония, а так, чтобы получилась симфония. Это значит, что соединение противоположных приемов, средств, методов борьбы (и других видов социальной деятельности) должно соответствовать основной тенденции общественного развития, в максимальной степени способствовать успешному решению возникающих задач, содействовать превращению старого в новое и победе последнего.

Необходимость практического соединения противоположностей обусловлена тем, что их взаимоисключение в составе целого

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 211.

при определенных условиях, на том или ином конкретном этапе развертывания социального противоречия может — учитывая активную роль субъекта в этом процессе — «помогать» единству этих же противоположностей, действовать в направлении укрепления данного целого. Поэтому задача субъекта — партии и ее руководителей — при осуществлении социальных преобразований состоит в том, чтобы овладеть искусством сочетания противоположностей в высшей степени. Это соединение следует проводить оперативно, гибко, своевременно, учитывать специфику каждой из противоположностей, выявлять решающую в данных условиях противоположность, их соотношение и изменение этого соотношения, соблюдать ту «меру» соединения, которая позволяет наиболее оптимальным способом достичь намеченных целей, решить поставленные задачи. Так, и в наши дни чрезвычайно актуально положение В. И. Ленина о том, что «надо уметь *соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй. В этом вся трудность; в этом вся суть... не упускай из виду *главного* (социалистической революции); ставь ее в первую голову...»⁵.

Практическое соединение противоположностей не означает увековечивания противоречий, а тем более субъективистского «нагромождения» и искусственного (не выражающего логику вещей) их «создания», а представляет собой своеобразный, объективно обусловленный (хотя подконтрольный субъекту и направляемый им в определенное русло) способ разрешения, а не примирения социальных противоречий.

В своей деятельности КПСС творчески применяла и применяет все принципы диалектики, в том числе и ее «ядро» — тождество противоположностей как закон познания и принцип **практической деятельности**. Так, например, в документах КПСС было подчеркнуто, что в целях достижения наилучших результатов необходимо более полно, органично и гибко практически соединять такие противоположности, как отраслевое и территориальное начала в управлении народным хозяйством, централизованное управление и хозяйственную самостоятельность и инициативу предприятий, исполнительность, дисциплинированность и смелую инициативу и предприимчивость.

Совершенствование методов руководства экономикой требует верного понимания и правильного практического применения принципа единства содержания и формы, например, улучшения структуры и организации планирования, форм и методов работы плановых органов, совершенствования хозрасчетных отношений и т. д. Применяя этот принцип, надо четко представлять себе, что нельзя приспосабливать живой развивающийся организм управления хозяйством к устоявшимся, привычным формам. Наоборот, формы должны приводиться в соответствие с изме-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 49. С. 347.

няющимися хозяйственными задачами. Развитие социалистического производства все настоятельнее требует совершенствования всех форм и методов руководства экономикой, умелого применения самых разнообразных способов хозяйствования и верного практического их сочетания.

В. И. Ленин не только дает глубочайшую разработку «ядра» диалектики и последовательно применяет его, но одновременно вскрывает и разоблачает многочисленные софистические и эклектические приемы, которые выхолащивают действительное содержание принципа тождества противоположностей. Из этих приемов можно выделить следующие:

1. «Устранение» противоречий из реальной действительности происходит на основании того, что будто бы нет ничего противоречивого. Объективные противоречия «ликвидируются» тем, что предполагаются несуществующими, лишь кажущимися, а не действительными. Это есть не что иное, как «нежничанье» с природой и историей (у филистеров) — стремление очистить их от противоречий и борьбы»⁶. «Устранить» реальные противоречия невозможно, так же как нельзя «ликвидировать» материю, движение, время и т. п.

Очень важно не закрывать глаза на реальные противоречия «живой жизни», в частности, не «устранять» противоречий, присущих каждой из основных общественно-политических систем современности (капитализму и социализму) и существующих между этими системами. Точно так же нельзя считать противоречия социализма его недостатком, недугом, чем-то ненормальным, противостественным, а нужно тщательно исследовать их, с тем чтобы своевременно и правильно (не допуская их чрезмерного обострения и кризисных ситуаций) эти противоречия разрешать, обеспечивая тем самым динамичное поступательное развитие общества.

2. Если объективные противоречия и признаются, то тотчас «вытесняются» в субъективную рефлексию, объявляются продуктом сознания и к тому же чем-то случайным, а значит, подлежащим «устранению». Последнее осуществляется с помощью фраз, чисто словесным путем — путем «уточнения понятий», «изменения выражений и наименования вещей» и т. п. Хотя в определенных рамках эти процедуры необходимы, однако они не должны приводить к тому, чтобы «отговариваться фразами» от противоречий действительной жизни. А ведь это, как не раз подчеркивал В. И. Ленин, — излюбленный прием всех апологетов капитализма. Так, в теории «ультраимпериализма» Каутского «вместо анализа и вскрытия глубины противоречий империализма мы видим одно лишь реформистское «невинное желание» отмахнуться, отговориться от них»⁷, чтобы и не сметь

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 122.

⁷ Там же. Т. 27. С. 410.

думать об их практическом разрешении в социалистической революции.

Однако от того, что Каутский «отговаривается», «отмахивается» от острых противоречий империализма, пытается их снять словесно, устранить их морализированием, они, разумеется, не перестают существовать. «Притупление» этих противоречий происходит разве что в голове Каутского, но отнюдь не в реальной действительности, где они, напротив, обостряются и требуют своего разрешения в социалистической революции, которую он отвергает.

Каковы бы ни были благие намерения «сладенького Каутского», «объективный, т. е. действительно социальный смысл его «теории» («сверхимпериализма». — В. К.) один и только один: реакционнейшее утешение масс надеждами на возможность постоянного мира при капитализме посредством отвлечения внимания от острых противоречий и острых проблем современности и направления внимания на ложные перспективы: какого-то якобы нового будущего «ультраимпериализма». Обман масс — кроме этого ровно ничего нет в «марксистской» теории Каутского⁸, а весь «прогресс» научной мысли здесь сводится к сочинению этого «премудренного словечка» («ультраимпериализм»). В. И. Ленин отмечает, что вся «теория» Каутского насквозь проникнута мелкобуржуазным, оппортунистическим духом затушевывания и сглаживания самых коренных противоречий империализма, разрешить которые можно, лишь ниспровергнув в конечном счете их основу, т. е. сам империализм.

3. Противоречия в теории, отражающие реальные противоречия, «понижаются до путаницы», т. е. «с ходу», без исследования их природы, без их проверки на практике, объявляются «логическими» противоречиями — результатом неряшливости, непоследовательности мышления, субъективной погрешности. Тем самым сразу закрывается путь к познанию «живых противоречий живой жизни» (В. И. Ленин). В этом плане весьма поучителен анализ рассуждений П. Киевского (Ю. Пятакова), данный В. И. Лениным в статье «О карикатуре на марксизм».

Требую брать единство (тождество) противоположностей не только как закон объективного мира, но и как закон познания, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивает, что «логической противоречивости», — при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе⁹. Из контекста указанной статьи, где содержится это положение, следует, что понятие «логическая противоречивость» означает, по В. И. Ленину, не что иное, как непоследовательность мышления, путаницу в рассуждениях, иными словами, нарушение законов и правил формальной логики. Ис-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 416.

⁹ Там же. Т. 30. С. 91.

следуя объективную действительность, необходимо, разумеется, избегать этих нарушений (в том числе «логических» противоречий), с тем чтобы адекватно отразить в мышлении эту действительность и прежде всего ее «живые противоречия» в их развертывании и разрешении.

Подвергая критике П. Киевского по вопросам о самоопределении наций, о защите отечества и по ряду других, В. И. Ленин отмечает, что все его рассуждения — «какой-то невозможный клубок путаницы», «ни единого правильного рассуждения у него нет», сплошь и рядом у него «вздор, беспомощная путаница», сплошная сеть «наивных логических ошибок» и «непродуктивности» и т. д. и т. п. В. И. Ленин квалифицирует рассуждения П. Киевского и его единомышленников как «примеры сплошных нарушений марксизма и логики», вследствие чего и появлялись надуманные, словесные, «логические» противоречия, ничего общего не имеющие с реальными, объективно существующими противоречиями.

Поскольку П. Киевский повторяет заученное правило, что марксисты должны рассуждать конкретно, но не применяет его, то фактически он ведет речь именно о логической противоречивости между двумя социальными категориями: «империализм» и «самоопределение наций». Разоблачая ошибочность рассуждений П. Киевского, В. И. Ленин прежде всего указывает на то, что ряд слов у него (например, «неосуществимость» самоопределения при капитализме) часто употребляется в разнообразных и неточно определяемых значениях, поэтому не всегда ясно, в каком смысле, например, говорится о «неосуществимости». Кроме того, П. Киевский зачастую использует софистический, «мошеннический» прием, суть которого состоит в том, что «в определение известного понятия произвольно вставляют как раз то, о чем идет спор, как раз то, что еще надо доказать»¹⁰. Тем самым налицо нарушение элементарных требований формальной логики, а отсюда и ошибки, путаница, «логическая противоречивость».

Абстрактное рассмотрение социальных категорий приводит П. Киевского к тому, что он смешал экономические понятия с политическими, софистически подменил одни другими и в итоге, по словам В. И. Ленина, отделался на деле тем, что походил кругом да около, а экономического анализа не дал, «увернулся от него», сославшись на «логическую противоречивость» вообще. Применяя этот и другие «мошеннические приемы», П. Киевский и К⁰ показывают, что в их рассуждениях нет «ни грана марксизма, ни грана логики, кроме логики *империалистического экономизма*»¹¹. А эта логика и есть не что иное, как софистика.

Посредством рассуждений о логической противоречивости

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 92.

¹¹ Там же. С. 64.

вообще П. Киевский стирает, затушевывает, игнорирует реально существующие противоречия капитализма, ибо логическое противоречие у него есть путаница, смешение понятий, непоследовательность мышления и т. п., но отнюдь не выражение, не отражение в понятиях существующих независимо от мышления и логики объективных противоречий буржуазного общества.

Между тем, например, не в голове субъекта и не в абсолютном духе, а в самой реальной действительности «есть противоречие между империализмом и демократией». «Какого рода это противоречие между империализмом и демократией? — спрашивает В. И. Ленин. — Логическое или не логическое?»¹² Это противоречие является «не логическим» в том смысле, что оно есть прежде всего объективное единство противоположностей, имеющее место в самой действительности. Только при этом условии данное противоречие может быть также и логическим, т. е. адекватно отражено в теории в форме противоположных утверждений, которые в этом случае не будут свидетельством путаницы и непоследовательности мышления.

Софистически переведя объективные противоречия в разряд чисто логических (т. е. «понизив противоречие до путаницы»), П. Киевский тем самым автоматически снял и вопрос об их практическом разрешении, о реальных путях и способах разрешения «живых противоречий» действительности. Последние должны быть разрешены (на определенном этапе и в определенное время), а «устраняются» из теории, из рассуждений (ибо их нет в реальной действительности) именно «логические» противоречия. Они свидетельство нечеткости, непоследовательности мышления, продукт его «неумелых действий», результат ошибочных «ходов мысли».

Сведение всех противоречий только к логическим противоречиям широко практикуется и в наши дни. Так, ревизионист А. Крон утверждает, что все противоречия, которыми занимается диалектика, суть кажущиеся противоречия, противоречия «контрарности и субконтрарности или же они просто неточные термины, противоречивость которых исчезает сразу же, как мы определим их правильное значение»¹³.

4. Внутренние противоречия, противоречия «в самой сущности предметов», сводятся к внешнему противопоставлению полюсов в разных отношениях или в разное время. При этом подходе «противоположности» удерживаются одна вне другой, в их рядоположенности и внешней последовательности. Здесь противоречивое содержание «выступает перед сознанием без взаимного соприкосновения» (предмет) — вот суть антидиалектики»¹⁴, ибо тут не «сводятся воедино» внутри конкретного

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 96.

¹³ Цит. по: Савич М. Б. Марксистская диалектика и философский ревизионизм. М., 1981. С. 13.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 209.

целого обе противоположности. В. И. Ленин называл это «пустой диалектикой», поскольку последняя не объединяет противоположностей и не приходит к единству. «Или — или» — вот основной закон деятельности мышления, руководящегося этой «пустой диалектикой», в том числе и при анализе чрезвычайно сложных, быстро и круто изменяющихся социальных явлений и процессов.

Вместе с тем он указывал, что диалектическая логика не отвергает принципа «или — или», а применяет его на своем месте, в надлежащих случаях, при соответствующих условиях. Основной принцип диалектики «и — и» («как то, так и другое») с подчеркиванием ведущей в данных условиях противоположности включает в себя в «снятом» виде, в качестве частного случая, подчиненного момента, и формулу «или — или».

5. Сохраняются «хорошие» и отбрасываются «дурные» стороны противоречий, что означает, по существу, игнорирование реальных противоречий как таковых, как «живого единства» противоположностей. Причем качество каждой из противоположностей, т. е. «хорошая» она или «плохая», определяется всецело интересами и потребностями субъекта. Так, Каутский, вслед за Прудоном, пытался выделить в буржуазном обществе «хорошие» и «плохие» стороны. К «хорошим» сторонам он относил, в частности, наличие концентрированного производства и высокий уровень техники, к «плохим» — всецелое влияние банков, подкупы, угнетение трудящихся. Коль скоро есть эти две стороны, то нужно, как считал Каутский, оставить «хорошую» и отбросить «плохую» сторону финансового капитала.

В. И. Ленин вскрыл бесперспективность, утопичность, антидиалектичность подобных намерений, ибо невозможно из реального противоречия изъять какую-то одну из составляющих его противоположностей. Тем самым неизбежно «исчезнет» и другая противоположность, а также борьба между ними. Иными словами, будет «устранено» само объективное противоречие, что практически неосуществимо, а может иметь место только в голове апологета. В реальной же действительности «высокая техника концентрированных предприятий и «высокая техника» финансового жульничества, «высокая техника» (низкая на деле техника) гнета финансового капитала, это неразрывно связано при капитализме. К. Каутский хочет разорвать эту связь, «обелить» капитализм, взять хорошее, отбросить дурное, «современный прудонизм», мелкобуржуазный реформизм, «замаскированный под марксизм»¹⁵.

6. Признание объективного противоречия и даже взаимоисключения, борьбы противоположностей не доводится до признания его разрешения. В. И. Ленин подчеркивал, что подлинным марксистом является не тот, кто просто признает классовую

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 171—172.

борьбу, а тот, кто распространяет признание этой борьбы до признания диктатуры пролетариата, т. е. до социалистической революции, в ходе которой происходит разрешение противоречия между антагонистическими классами, приводящее к «своему другому» — новому общественному строю, к социализму.

В этой связи В. И. Ленин в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» подверг сокрушительной критике софистические утверждения: «признаем классовую борьбу, но без низвержения буржуазии», «боритесь, но не смейте побеждать», «ведите классовую борьбу, но не доводите ее до конца» ((т. е. до взятия пролетариатом власти — самого главного в этой борьбе) и т. п.

Диалектика, рассматривая, в частности, противоречие между буржуазией и пролетариатом, признает не только само это противоречие, но также его развитие, обострение и разрешение. Софистика Каутского все это тоже признает, кроме одной «детали» — разрешения противоречий, т. е. кроме осуществления социалистической революции и установления диктатуры пролетариата. Именно в этом пункте полный разрыв Каутского с марксизмом и с социализмом обнаруживается наиболее явно, ибо он призывает все оставить на своих местах, а в особенности — никоим образом не допустить того, чтобы пролетариат «тронул» буржуазную государственную машину. Именно «здесь уже Каутскому никак не спасти своей, все примиряющей, от всех глубоких противоречий отделяющейся фразой, позиции»¹⁶, ибо реальные противоречия капитализма должны быть разрешены не с помощью фраз, а посредством весьма реального действия — социалистической революции, которую «ученый кабинетный дурак» Каутский, разумеется, затушевывает и отвергает.

Если же он и берется анализировать какие-либо противоречия, например, «коренную противоположность демократического и диктаторского методов», то, кроме чудовищной теоретической путаницы и полного отречения от марксизма, ничего не дает. Почему? Да потому, что одним из «логических» оснований этого отречения служит знаменитая эклектическая формула: «с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться» или еще короче — «с одной стороны, с другой стороны». Если Каутский и фиксирует какие-либо противоположности, то, в лучшем случае, ставит их рядом, но не объединяет, не выделяет главную из них и тем более не прослеживает цепь переходных, посредствующих звеньев, заключенных между ними, а значит, и не разрешает противоречий.

Вот почему противоречия в рассуждениях Каутского — это не отражение реально существующих противоречий и их разрешение, а «теоретически невероятная каша», эклектическая

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 270.

бессмыслица и непоследовательность его собственного мышления, грубо нарушающего не только требования диалектической логики, но и законы логики формальной. Эклектическую позицию Каутского, который не хочет «слишком абсолютных» утверждений, В. И. Ленин называет «сиденьем между двух стульев», попыткой «занять серединную позицию», «примирить» противоположности, а не разрешить противоречия. Эту «методологическую установку» В. И. Ленин квалифицирует как «тупоумие», так как реализовать ее — значит оправдать сотрудничество классов и «социальный мир» пролетариата с буржуазией. А такая позиция неизбежно ведет к позорному краху, как это случилось с Каутским, Вандервельде и с другими ренегатами. Действительное же разрешение противоречия есть не что иное, как взаимопревращение противоположностей, их переход друг в друга и в новую, более высокую форму развития путем скачка.

7. На основании того, что противоположности могут при определенных условиях превращаться друг в друга, стираются разграничительные линии, игнорируются качественные различия между ними. Именно этого не понимала Р. Люксембург (Юниус), которая смазывала различие между такими противоположными понятиями, как «империалистическая война» и «национальная война». Характеризуя первую мировую войну как империалистическую, она на этом основании считала, что в эпоху (эру) разнузданного империализма не может быть никаких национальных войн. Разъясняя очевидную неправильность этого довода, ибо тут подвергались забвению национальные движения против империализма, В. И. Ленин пишет: «Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война *может* превратиться в империалистскую и *обратно*»¹⁷. В качестве примера такого взаимоперехода В. И. Ленин называет войны французской революции. Они начались как национальные и революционные, но когда Наполеон стал поработать целый ряд государств Европы, тогда национальные французские войны превратились в империалистические, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона.

Анализируя этот пример, В. И. Ленин делает вывод о том, что «только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна *может* превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 5.

конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии»¹⁸.

Осуществляя именно такой всесторонний, конкретно-исторический подход и отвергая «смешной шаблон», В. И. Ленин убедительно показал, что действительная сущность первой мировой войны не национальная (и не национальная — с одной стороны, империалистическая — с другой стороны), а империалистическая со всех сторон.

Однако значит ли это, что данная война не может превратиться в национальную и что в эпоху империализма вообще невозможны национальные войны? Нет, не значит. Можно ли утверждать, что если капитализм вступил в новую эпоху империализма, то теперь возможны лишь империалистические войны? Конечно, нельзя. Если не «отмахиваться» от конкретных разнообразных явлений (в том числе и войн) данной эпохи посредством общих фраз об эпохе, то можно убедиться в том, что действительно национальная война, т. е. война против империалистических угнетательских держав со стороны угнетенных (например, колониальных народов), возможна и в эпоху империализма. Договориться же до отрицания войны, которая ведется ради освобождения наций, — значит дать, по В. И. Ленину, худшую карикатуру на марксизм. Но эти национальные войны не определяют сущности первой мировой войны как в целом империалистической.

Может ли данная империалистическая война превратиться в национальную? Это в высшей степени невероятно, указывает В. И. Ленин, но невозможным такое превращение объявить нельзя. Вероятны ли, и могут ли быть в эпоху империализма национальные войны? Не только вероятны, но и неизбежны, отвечает В. И. Ленин, и прежде всего со стороны колоний и полуколоний. Могут ли эти войны превратиться в империалистические? Безусловно, могут, но это зависит от многих обстоятельств. Поэтому-то и необходим конкретно-исторический анализ каждой особой исторической ситуации, каждой данной войны, который бы всесторонне учел очень многие конкретные условия, за появление которых ручаться в тот или иной момент было бы, по словам В. И. Ленина, смешно.

Таким образом, нелепо, говорит он, было бы применять понятие «империализм» шаблонно, выводя из него «невозможность» национальных войн. Однако наличие национального элемента в войне 1914—1916 гг. (австро-сербский конфликт), не имевшего серьезного значения, не дает достаточного основания для софистического утверждения о том, что эта мировая война с одной стороны — империалистическая, с другой стороны — национальная. Здесь нет и не может быть дуализма сущ-

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 6.

ности, которая едина,— а именно это в сущности своей империалистическая война.

В. И. Ленин отмечает, что неверное, явно ошибочное, основанное на очевидном софизме, положение о том, будто «больше не может быть национальных войн», очень вредно не только теоретически, но и практически-политически, а это особенно опасно.

8. Единство противоположностей либо превращается в их непосредственное, абсолютное тождество, полностью исключаящее различие, либо из этого единства «изгоняется» тождество составляющих его противоположностей. В обоих случаях противоречие «удаляется» и из теории, и из реальной действительности, ибо оно исчезает как таковое. Так, Джемс Милль «подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности*. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей»¹⁹. Современный праворевионистский философ А. Лефевр действует несколько иначе. Своим «величайшим достижением», изложенным в книге «Манифест различия», он считает «возвращение к жизни» философской категории различия, якобы забытой со времен Гегеля. Однако, «вознеся» «различие», Лефевр начисто оторвал его от «тождества» и ...ликвидировал тем самым противоречие как конкретное тождество противоположностей в данном единстве. На методологической базе абстрактного различия он «доказывает» закономерность поливариантности марксизма («интегральный продуктивизм», «критический марксизм»), толкует в превратном свете политику коммунистических партий, не «замечает» противоречий (и их антагонистического характера) между социализмом и капитализмом.

В «диалектике» современного «левого» ревизионизма отдельные аспекты принципа тождества противоположностей отрываются друг от друга, а затем внешним образом противопоставляются один другому. Причем одни из них (какие именно — по усмотрению субъекта) чрезмерно абсолютизируются, в то время как другие (так же произвольно выбираемые) — вовсе отвергаются. Чаще всего на первый план выпячивается борьба противоположностей (а порой и весь принцип сводится к их борьбе) в ущерб единству противоположностей. Кроме того, нередко «раздвоение единого» оторвано от «единения раздвоенного» и гипертрофировано, а «единство» трактуется как внешнее соединение двух механически расколотых противоположных начал.

9. Субъективистское, произвольное «создание» противоречий, искусственное объединение эклектически сконструированных «противоположностей» в «единство».

Разоблачая этот прием, В. И. Ленин отмечал, что материа-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. 3. С. 86.

листическая диалектика может объединять в единство только такие противоположности, которые обладают таким единством до и независимо от этого объединения. «Это значит, что *объявлять* «единым» можно лишь такие вещи, свойства, явления, действия, которые *едины* в объективной действительности»²⁰. Разъясняя П. Киевскому подлинное отличие монизма от дуализма, В. И. Ленин указывал, что его монизм — это всего лишь словесный монизм, монизм Дюринга, «объединяющий сапожную щетку с млекопитающим», не имеющий никакого отношения к объективной действительности, «пустая звонкая фраза».

Характерным приемом софистической подделки марксизма под оппортунизм может служить попытка «соединения» оппортунистами таких понятий, как «отмирание государства» и «революция». Раскрывая суть этой подделки в работе «Государство и революция», В. И. Ленин отмечает, что при оппортунистическом «толковании» указанного «соединения» «остается только смутное представление о медленном, ровном, постепенном изменении, об отсутствии скачков и бурь, об отсутствии революции. «Отмирание» государства в ходячем, общераспространенном, массовом, если можно так выразиться, понимании означает, несомненно, затушевывание, если не отрицание, революции»²¹. Между тем подобное толкование есть самое грубое, выгодное лишь буржуазии, искажение марксизма.

«Методологическим основанием» этого искажения является произвольное, софистическое выхватывание (с целью угодить власти имущим) то одного, то другого рассуждения, причем на первый план в подавляющем большинстве случаев выдвигается именно отмирание, а не революция.

Правильное соединение «революции» и «отмирания государства», соответствующее действительности, состоит в том, что первое понятие выражает разрушение буржуазного государства в социалистической революции, второе — исчезновение государства вообще после этой революции. Всякое иное соединение будет, употребляя выражение В. И. Ленина, уже не симфонией, а какофонией, не будет отражением объективной природы тождества этих противоположностей, их реального единства.

Рассматриваемый софистический прием имеется в арсенале современных «леворевизионистских» «теоретиков». Необходимость практического сочетания действительных противоположностей подменяется ими субъективистским стремлением искусственного создания вымышленных противоречий по принципу «чем больше — тем лучше».

10. Противоречия предмета просто перечисляются одно рядом с другим, но не выявляется их субординация, не выделяется главное, определяющее все другие его противоречия, оно

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 107.

²¹ Там же. Т. 33. С. 17.

«растворяется» в многообразии последних. Наиболее ярко этот софизм «сработал» при анализе противоречий современной эпохи «левым» оппортунизмом, когда под видом якобы всестороннего исследования этих противоречий было затушевано главное из них — противоречие между капитализмом и социализмом на мировой арене.

11. Не подчеркивается ведущая, определяющая противоположность в данном противоречии, в конкретном единстве противоположностей, игнорируется то, что «положение обеих неодинаково» (К. Маркс). А это приводит к тому, что на свет извлекается небезызвестная эклектическая формула «с одной стороны — с другой стороны», которая пользовалась и ныне пользуется большим почетом у всех врагов марксистско-ленинской диалектики.

12. «Раздвоение единого» понимается буквально как «раскол», т. е. как механическое, «топорное» разделение целого на две части, лишь внешне связанные между собой или же полностью изолированные друг от друга. Притом все это происходит-де не только в познании, но и в реальной действительности. Разрешение противоречия при этом трактуется как внешнее соединение «расколотых» сторон.

13. Разрешение противоречия хотя и признается, но понимается как поверхностная смена, произвольная перестановка, перемена мест составляющих его противоположностей без изменения их качества («перевертывание ситуации»), без скачка, без восхождения и возникновения качественно иного целого как нового единства противоположностей. Тем самым отвергается, что при разрешении противоречия исчезают оба его полюса и возникает новое противоречие как единство новых противоположностей в составе данного целого.

14. Если разрешение противоречия и признается, то оно понимается как «примирение» составляющих его противоположностей, как их «переход в нуль», как их «нейтрализация» опять-таки без перерыва постепенности, без возникновения качественно новых форм развития с новыми противоречиями. Поскольку разрешение противоречия есть исчезновение данного и одновременно возникновение нового конкретного противоречия, а не исчезновение противоречия как такового, то разрешение какого-либо противоречия никогда не может привести к некоему состоянию «свободы» от противоречий, так как всегда разрешается только вполне определенное противоречие, данная его форма. Последняя лишь уступает место новой, более высокой форме, и тем самым совершается восхождение, развитие «от содержания к содержанию».

15. Под разрешением противоречия понимается превращение всего чего угодно во что угодно (и когда угодно), а не данного явления (при вполне конкретных условиях и в определенное время) в «свое другое», именно «в свое другое», а не вообще

в другое. «Очень верно и важно: «другое» как *свое* другое,— подчеркивал В. И. Ленин,— развитие в *свою* противоположность»²².

16. Разрешение противоречия, взаимопревращение противоположностей трактуется как их прямой и непосредственный (без целого ряда промежуточных звеньев) переход друг в друга, конкретные условия этого взаимоперехода игнорируются. Конкретное в этом случае «напрямую» подводится под абстрактное, единичное — под всеобщее (скажем, те или иные эмпирические данные подводятся под законы диалектики) и т. д.

Так, сами по себе верные тезисы о том, что «вещи и явления всегда стремятся к своей противоположности» и что «судьба диалектического метода заключается в непрерывном движении к своей противоположности», современные «леворевизионистские» «мыслители» применяют субъективистски, абстрактно, неисторически. Не исследуется специфика тех или иных противоположностей, изменения в их соотношении, своеобразные условия и конкретный внутренний механизм их перехода друг в друга, отвергается, что этот взаимопереход происходит не всегда и всюду, не в любой момент, а на определенном этапе, в «известной точке» процесса развития, когда противоположности «доведены до крайности».

17. На основании того, что «в мире много противоречий» и что они «связаны друг с другом», игнорируются принципиальные различия между типами противоречий: основные «ставятся на одну доску» с неосновными, внутренние подменяются внешними, антагонистические отождествляются с неантагонистическими, среди последних, в частности, смешиваются их различные разновидности и т. п.

Не допуская этого смешения, необходимо прежде всего «с величайшей ответственностью рассматривать объективную диалектику развития производительных сил и производственных отношений как важнейший источник ускорения социально-экономического развития общества. Это обязывает своевременно выявлять и разрешать возникающие здесь противоречия. При социализме они, разумеется, не являются антагонистическими. Но при застойном сохранении устаревших элементов производственных отношений может наступить ухудшение экономической и социальной ситуации»²³.

Здесь рассмотрены, конечно, лишь некоторые из многих возможных софистических уверток, эклектических уловок, путей ухода от диалектики в понимании социальных противоречий, критика которых всегда была и остается важной и актуальной задачей.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 235.

²³ Горбачев М. С. Живое творчество народа. М., 1984. С. 13.

Категория «тотальность» и ее методологическая роль в познании социальных процессов

Категория «тотальность» в ее абстрактно-субъективистском истолковании становится в настоящее время орудием, посредством которого различные представители философского ревизионизма стремятся интерпретировать человеческое общество и его историю. Все чаще раздаются голоса о необходимости реабилитации категории тотальности. В методологическом плане категория тотальности используется ими для обоснования равнозначности социальных структур, признания тождества мышления и бытия, теории и практики. С категорией тотальности произошло то, что случилось с некоторыми другими категориями, субъективистская интерпретация которых послужила основой для ревизии марксизма.

Философия тотальности Гегеля. Категория «тотальность» имеет значительную философскую традицию. Широкое применение она получила в философии Канта и занимала одно из главных мест в системе категорий Гегеля. К сожалению, категория тотальности не стала предметом анализа советских философов. Отчасти это объясняется несовершенством переводов гегелевских работ на русский язык, в которых термин *Totalität* почти исчез и переводится как «совокупность», «целостность», «целое» и даже таким малопонятным термином, как «целокупность». Лишь в новом издании «Энциклопедии философских наук» положение было исправлено. Е. П. Ситковский в «Примечаниях» к первому тому отмечает: «Термин *Totalität*, который в прежнем издании «Малой логики» переводится русским словом «целостность», в настоящем издании переводится словом «тотальность», поскольку этот термин играет специфическую роль в гегелевском учении о диалектическом противоречии»¹.

Принцип тотальности пронизывает всю философскую систему Гегеля. Так, процесс развития трактуется им как процесс реализации абсолютной идеи, как саморазвитие идеи в полную, высшую или «реализованную тотальность». Абсолютная идея развивается на своей собственной основе из самой себя и движется внутри себя к самой себе. Каждый этап оценивается Ге-

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 427.

гелем лишь с позиции приближения к абсолютной истине. «Объект *в себе*, — полагает Гегель, — есть понятие, и, когда последнее как цель реализуется, эта реализация является лишь проявлением его собственной внутренней сущности. Объективность есть, таким образом, как бы только покров, под которым скрывается понятие»². Для Гегеля поэтому важна даже не реальная последовательность событий, но адекватное воплощение идеи. Осуществленная путем своего развития сущность выступает как тотальность, причем в равной степени как в логике, так и в самой действительности.

Логика Гегеля распадается на три главные ступени мысли: учение о бытии, где мысль дана в ее непосредственности, «понятие в себе»; учение о сущности — мысль в ее рефлексии и опосредованности; и мысль в ее возвращении к самой себе — учение о понятии в себе и для себя. Гегель указывает, что «каждая сфера логической идеи оказывается некой тотальностью определений и неким изображением абсолюта»³. Так, понятие в сфере бытия «становится тотальностью бытия» и снимает непосредственность бытия. Другими словами, понятие в сфере бытия достигает максимального выражения, «развитое в тотальность» бытие тем самым приходит в отношение с самим собой, снимает исходную непосредственность и переходит в сущность. Движение понятия на этом этапе «завершается в тотальности и в этой-то завершенной тотальности деятельно приводит себя к единству с отличной от нее сферой»⁴.

Проследивая далее процесс развития логических категорий, Гегель показывает, что каждая ступень абсолютной идеи эксплицируется в плане наращивания содержания и образует синтез, конкретное единство тех определений, которые первоначально существовали в раздельности, и выступает как тотальность, как единство противоположных сторон, каждая из которых в свою очередь представляет собой отрицание себя и полагание другой. Основание, по Гегелю, есть единство тождества и различия. Оно «сущность, положенная как тотальность». «Сущность, — продолжает Гегель, — есть сначала видимость и опосредование ее с самой собой теперь положено как снятие различий и поэтому снятие опосредования»⁵. Предыдущие логические определения бытия и сущности суть не только определения мысли, «в своем переходе, в диалектическом моменте и в своем возвращении в самоё себя и в тотальность они обнаруживаются как понятия»⁶. Понятие как таковое содержит момент всеобщности и единичности, каждое из которых в свою очередь выступает как тотальность. «Каждый момент понятия, — пишет

² Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 399.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 423.

⁵ Там же. С. 286.

⁶ Там же. С. 344.

Гегель,— сам есть целое понятие... *положенное* как тотальность»⁷. Этот тезис чрезвычайно важен для гегелевского понимания тотальности: тотальность выражает всеобщую опосредованность явлений, единство противоположных сторон; каждый момент тотальности тоже выступает как тотальность; всеобщее в понятии есть единая, «ушедшая назад в себя тотальность, чьи различные члены суть также эта тотальность»⁸. Тотальность понятия совмещает в себе противоположные определения, каждое из которых есть самостоятельная тотальность. Она завершена и одновременно переходит в другую. Это «завершенная в своих обеих сторонах тотальность». Тотальность тем самым характеризует выход за пределы односторонности.

В «Науке логики» Гегель отмечает, что логика возвратилась «в абсолютной идее к тому простому единству, которое есть ее начало». Поскольку развитие трактуется Гегелем телеологически, конкретная тотальность, изначально обладающая свойством развития, объединяет начало развития с его результатом. Поступательное развитие абсолютной идеи приводит к тому, что «понятие постигает себя как чистую идею, для которой идея есть ее предмет». «Реализованное понятие,— приходит к выводу Гегель,— есть познание того, что идея есть единая тотальность»⁹. Идея, по Гегелю, это «систематизированная тотальность», органическая система, содержащая в себе множество ступеней и моментов. Процесс познания действительности у Гегеля сводится поэтому к поиску «ступеней и моментов» развертывания идеи, тем самым к пониманию действительности как тотальности, источник которой не в самой действительности, а в абсолютной идее, которая и есть подлинная тотальность. Категория тотальности, следовательно, характеризует у Гегеля целостность и завершенность развития абсолютной идеи.

Категория тотальности в «неомарксистской» философии. Начало субъективистской трактовке категории тотальности было дано в работах таких теоретиков левацкого направления 20-х годов, как К. Корш и Д. Лукач. Философская концепция Корша основана на категории тотальности. В соответствии с принципом тотальности Корш рассуждает о реальности форм общественного сознания, что в его интерпретации тождественно выводу о том, что они являются частью общественно-исторического бытия. Это дает возможность понять действительность как единый организм, который, в свою очередь, может быть понят с помощью единой теории, тотальный характер которой в работе «Карл Маркс» определяется как тотально-критический в его специфической форме критики политической экономии. В соответствии с принципом тотальности Корш пытался доказать, что в каждую

⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 345.

⁸ Там же. С. 379.

⁹ Там же. С. 423.

конкретную эпоху изменениям общественного бытия, каждой форме революционной практики строго соответствует своя революционная теория. Отсюда вытекает мысль о плюрализме марксизма. В принципе тотальности снимается у него принцип отражения, сложный характер взаимоотношения революционного сознания и революционной практики. Принцип отражения, по Коршу, разрушает представление о тотальности общества: сознание не есть отражение бытия, а является его моментом. Разрыв и противопоставление мышления и бытия, вытекающие из принципа отражения, противоречат, по его мнению, «диалектическому способу рассмотрения». Тем самым делается вывод о несовместимости материализма с диалектикой. С этих позиций Корш резко критикует «дуализм», «наивно-метафизическую точку зрения буржуазного смысла, которая противопоставляет мышление как нечто самостоятельное бытию». Они «проводят резкую грань между сознанием и его предметом», «даже не имеют представления о том,— пишет Корш,— что эта противоположность (сознания и бытия.— Авт.), которая уже утрачивает свое значение для трансцендентального рассмотрения критической философии, совершенно утрачена для диалектического понимания»¹⁰. Экономические представления, по Коршу, относятся к действительности материальных производственных отношений буржуазного общества лишь по видимости, как картина к отражаемому предмету, но на самом деле они стоят к ней в том же отношении, в каком находится особая, своеобразным образом организованная определенная часть какого-либо целого к остальной части этого целого. В соответствии с принципом тотальности делается вывод: «Для всякой, в том числе марксистско-диалектической, точки зрения характерно совпадение сознания и действительности»¹¹.

В жертву принципу тотальности приносится марксистское решение проблемы отношения базиса и надстройки. Сущность материалистического понимания истории, по Коршу, заключается в обосновании «специфического характера нового материалистического принципа», а именно в сведении всех общественных отношений, всего общественного развития к развитию экономики. Выступив с критикой теоретиков II Интернационала, которые обвинили К. Маркса в односторонности, Корш перенес огонь критики на Ф. Энгельса и в особенности на его известные письма об историческом материализме, которые, по его мнению, послужили основным источником «для всех ревизионистских и буржуазных «улучшателей» революционного материалистического принципа Маркса»¹². Призыв к «взаимодействию» мышления и бытия, базиса и надстройки, утверждает Корш, является

¹⁰ *Korsch K. Marxismus und Philosophie.* Frankfurt a. M., 1975. S. 126.

¹¹ *Ibid.* S. 128.

¹² *Korsch K. Karl Marx.* Frankfurt a. M., 1975. S. 193.

глубоко ошибочным, поскольку противоречит материалистическому пониманию истории и «не добавляет ничего» нового. Что же касается указанных писем Ф. Энгельса, то он, по мнению Корша, в последние годы «не во всех пунктах придерживался материалистического понимания истории, разработанного им совместно с Марксом и направленного против буржуазного материализма и идеализма предшествующей эпохи»¹³.

Таким образом, категория тотальности в интерпретации Корша лишается того глубокого философского содержания, которое мы находим в философии Гегеля, и используется для обоснования господства целого над частью, тождества форм общественного сознания и общественного бытия, теории и практики.

Категория тотальности занимала центральное место в этот период в творчестве Д. Лукача. Даже спустя много лет в «Предисловии» ко второму изданию своей работы «История и классовое сознание» он писал: «Бесспорно, большая заслуга «Истории и классового сознания» была в том, что она снова придала центральное методологическое положение категории тотальности, которая была предана забвению «сциентичностью» социал-демократического оппортунизма»¹⁴. Категория тотальности, по Лукачу, является основной категорией марксистской философии и выражает сущность марксистской теории и диалектического метода. Это та категория, которая показывает преемственность и единство гегелевского и марксистского метода. Статью «Роза Люксембург как марксист» Лукач начинает со следующего тезиса: «Не примат экономических мотивов в объяснении истории решительным образом отличает марксизм от буржуазной науки, но точка зрения тотальности. Категория тотальности, всестороннее, определяющее господство целого над частью является сущностью метода, который Маркс перенял от Гегеля и оригинально преобразовал на основе совершенно новой науки... *Господство категории тотальности* есть проявление революционного принципа в науке»¹⁵. При анализе общества, утверждает Лукач в противовес теоретикам II Интернационала, важно не просто исходить из тех или иных факторов и даже не из их взаимосвязи. Первостепеннейшее значение имеет отношение к тотальности. Попытка преодолеть односторонность экономического детерминизма посредством категории «тотальность» привела Лукача в конечном итоге к отрицанию решающей роли производственных отношений в жизни общества, к признанию равнозначности социальных феноменов, к абсолютизации субъективного фактора общественного развития и в целом к идеалистическому пониманию истории. «В конечном счете «тотальность» у Лукача,— отмечают Б. Н. Бессонов и И. С. Нарский,— послужила катего-

¹³ Korsch K. Karl Marx. S. 193.

¹⁴ Lukács G. Geschichte und Klassenbewußtsein. Neuwied; Berlin, 1970. S. 21.

¹⁵ Ibid. S. 94.

риальным обоснованием «замыкания общества «на себя», что означало, в сущности, отрыв общества от природы и отрицание объективной диалектики, диалектики природы»¹⁶. Справедливости ради следует отметить, что работа Д. Лукача «История и классовое сознание» сыграла для современного «неомарксизма» гораздо большую роль, чем для самого Лукача. Известный западногерманский марксист Р. Штайгервальд отмечает, что было бы совершенно неправильно низводить Лукача как автора «Истории и классового сознания» в теоретическом и практическом отношении до уровня его эпигонов. Для него эта книга явилась этапом на пути к марксизму. Однако Лукач, как и Корш, объективно заложили основы концепции общественного развития, узловые моменты которой и сегодня активно используются критиками марксизма-ленинизма. Это касается и трактовки понятия тотальности. «Материалистически истолкованное понятие тотальности,— пишет Р. Штайгервальд,— находит свое место и в общественной теории Маркса, но мы здесь возражаем не против этого понятия, но против его интерпретации в плане идеалистической философии жизни. С позиций марксизма (как материализма) категория тотальности имеет иное значение, нежели у Лукача, который с ее помощью просто устраняет гносеологическое различие между субъектом и объектом»¹⁷.

Категория тотальности выступает как концептуальное ядро в теории общественного развития Франкфуртской школы. Общество, утверждают франкфуртские теоретики, является тотальностью: «в ней все зависит от всех». Для «критической теории» Франкфуртской школы категория тотальности выполняет функцию опосредования к составляющим ее элементам как в социальном плане, так и в гносеологическом отношении. Причем тотальность, по мнению франкфуртцев, может мыслиться только как негативная тотальность. Так, Т. Адорно видит различие «диалектического» (в его трактовке) и позитивистского понимания тотальности в том, что позитивизм путем субъективного набора общих категорий стремится непротиворечиво свести все общественные явления в некий логический континуум, логическим путем нивелировать индивидуальное, нетождественное. Суть же «диалектического» понимания — в «отождествлении нетождественного». С точки зрения Адорно, нужно, анализируя «нетождественное», постоянно иметь в виду его напряженное отношение к «тождественному» — отношение, в котором оно находится и в котором конституирует себя, т. е. индивидуальное все время соотносить со всеобщим¹⁸.

¹⁶ Бессонов Б. Н., Нарский И. С. Дьердь Лукач как философ и социальный мыслитель // Вopr. философии. 1985. № 3. С. 88—89.

¹⁷ Штайгервальд Р. Буржуазная философия и ревизионизм в империалистической Германии. М., 1983. С. 172.

¹⁸ См.: Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977. С. 179.

Современное общество, определяемое господством товарного хозяйства и стоимостными отношениями, утверждают франкфуртские философы, выступает как тотальность. В дискуссии с позитивистами Т. Адорно выдвинул следующий тезис: «Теория и практика образуют непроницаемое единство, которое не может анализироваться в отдельных сторонах, а может постигаться как «целое», только как осознание опосредованности всех частных объективной, общественной тотальности»¹⁹. Тотальность характеризует современное общество «со всеми грехами овеществления», в котором нетождественное, гетерогенное, индивидуальное насильственно подчинены тождественному, гомогенному, всеобщему по образцу стоимостных отношений. Тем самым каждое явление должно рассматриваться как фрагмент всеохватывающей тотальности, в рамках которой оно только и достигает своего адекватного значения. Более того, категория тотальности должна, по мнению представителей критической теории, преодолеть ограниченность традиционной философии, т. е. разрыв между идеей и действительностью, понятием и его предметным содержанием, объектом и субъектом, теорией и практикой. Таким образом, «негативное» понятие тотальности выполняет вполне позитивные функции и наполняется вполне реальным содержанием.

Во-первых, категория тотальности имеет у франкфуртских философов ярко выраженную антимарксистскую направленность в понимании общества как целого и ведет в конечном счете к отождествлению общественного бытия и общественного сознания. Во-вторых, категория тотальности становится средством обоснования «неотождествляющего» мышления «негативной диалектики». Современное общество как тотальность, полагают франкфуртцы, не может не влиять на теоретические процессы постижения объективных явлений. В этой связи они резко критикуют позитивистскую методологию за непонимание человеческого общества как тотальности, за разрыв предмета и метода исследования, за непонимание обусловленности обуславливающего. «Диалектика,— пишет Адорно,— ничего другого и не означает, кроме как настаивать на опосредовании мнимо непосредственного и на развертывающейся на всех ступенях взаимности непосредственности и опосредования»²⁰.

Принцип «опосредования мнимо непосредственного» направлен прежде всего против попыток исследовать общество по принципу «часть — целое», «система — элемент». Упор на эмпирически констатируемые социальные факты приводит к разрыву их единства, а тем самым к искажению самого целого. Все единичное, индивидуальное опосредовано тотальностью. Категория то-

¹⁹ Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie. Neuwied, 1969. С. 16.

²⁰ Adorno Th. Eingriffe. Neun Kritische Modelle. Frankfurt a. M., 1966. С. 21.

тальности направлена у Адорно также против неоправданного элиминирования «погруженности» субъекта в социальную действительность. Этот тезис сторонниками критической теории развертывается в концепцию тождества мышления и бытия, субъекта и объекта.

Наконец, категория тотальности, выражающая специфику современного общества, которое характеризуется возрастающим овеществлением человеческих отношений, детерминирует и «овеществление» мышления. Оно стремится отвлечься от качественной уникальности мыслимого содержания, абстрагироваться от нетождественности. Доминируя в системе общественных производственных отношений, стоимостные отношения в духовной сфере обуславливают господство отождествляющего мышления. Позитивистскому «отождествляющему» мышлению Адорно стремится противопоставить мышление, способное «расколоть» тождественность, а именно, мышление, обогащенное критицизмом и рефлексией. Формуле о «тождестве нетождественного» Адорно противопоставляет свой тезис о «нетождестве тождественного». Показателем неистинности тождества является противоречие. Именно критическое и рефлексивное мышление способно вскрыть противоречие. Раскрывая суть своей идеи о преодолении «отождествляющего» мышления, Адорно пишет: «Негативная диалектика есть познание нетождественного также в том, что оно прямо, но в большей степени и по-другому, чем отождествляющее мышление, идентифицирует. Она хочет сказать, что нечто есть, в то время как отождествляющее мышление говорит, под что нечто попадает»²¹.

Таким образом, принцип тотальности используется франкфуртцами для доказательства опосредованности наличного бытия и социальной опосредованности познающего мышления. Раскрывая далее неправомерность «отождествляющего» мышления, Адорно сводит задачу теории к критике познающего мышления, а через нее к критике самой действительности. В этом суть философско-методологического критицизма «негативной диалектики», которая приводит к уничтожению самой диалектики, логики которой, по выражению Адорно, является «логикой распада».

Категория тотальности, как мы видим, весьма активно используется «неомарксистами» для фальсификации марксистско-ленинской теории общественного развития и методологии социального познания.

Категория тотальности в марксистско-ленинской философии. Категория тотальности может быть раскрыта посредством выяснения ее предметного содержания и определена через систему других категорий марксистско-ленинской философии. Наиболее близкими по содержанию являются целостность, система, организация, структура и ряд других. В своем единстве они выра-

²¹ Adorno Th. Negative Dialektik. Frankfurt a. M., 1966. S. 150.

жают определенную методологическую установку, связанную с анализом сложных объектов как объективного, так и субъективного мира. Большинство авторов в последнее время трактуют понятие система как равнозначное понятию целостная система. «В строгом смысле слова,— пишет В. Г. Афанасьев,— система — это **целостное образование**, обладающее новыми качественными характеристиками, не содержащимися в образующих его компонентах»²². В рамках целостных систем выделяют особый класс органических систем. Органическая система характеризуется взаимосогласованностью ее частей, спецификой внутренней детерминации и развития. Органическая система — это определенный тип развивающейся целостности.

В современных исследованиях отмечается, что целостность общества, в смысле развитого «органического» целого, реально появляется лишь на буржуазной ступени развития производительных сил. На этой ступени исторического развития, отмечает В. П. Кузьмин, резко возрастает степень производственно-экономической целостности общества. Оно становится развитой и целостной системой общественно-производственного типа. «Неосомненно, общественно-производственным системам феодального, рабовладельческого типа тоже присущи свои виды целостности и развития в целостность. И в них существовали свои, специфические для каждой из них типы общественной связи людей. Все это так. Но до тех пор, пока общественное производство, эта «родовая жизнь» человечества, остается по преимуществу индивидуализированным взаимоотношением человека и природы (самостоятельным производством отдельных лиц), а крестьянин, индивидуально обрабатывающий землю,—его символом и наиболее типичной фигурой, можно считать, что подлинной целостности общества еще нет. Общественное производство и само общество, рассматриваемое в этом главном аспекте его жизнедеятельности, представляется в добуржуазных формациях скорее (или в большей мере) сложным аддитивным целым с множествами самостоятельных атомизированных элементов, чем единой функциональной системой»²³.

Безусловно, уровень системного единства общества историчен. Каждая общественно-историческая формация, как всякая система, представляет собой устойчивое единство и целостность взаимосвязанных элементов, обладающих интегральными свойствами. Это не механический конгломерат общественных явлений, но определенная система, «социальный организм» в его функционировании и развитии. В процессе исторического развития происходит углубление взаимозависимости социальных явлений, возрастает целостность общества. В нашей литературе

²² Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981. С. 18.

²³ Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980. С. 132—133.

справедливо отмечается, что анализу «общественных систем по степени их целостности должно уделяться не меньше внимания, чем классификации по типам структуры»²⁴. Такой подход позволит прежде всего выяснить характер воздействия экономической структуры общества на всю систему общественных отношений, понять специфику социальной детерминации и особенности функционирования общества на различных этапах исторического развития.

Понятие целостности применимо для характеристики различных общественно-экономических формаций и различных уровней общественного развития в рамках одной общественно-экономической формации. Уровень целостности определяется, на наш взгляд, не только типом производственных отношений, но и вытекающей отсюда спецификой связи частей и сторон каждой общественной целостности. Высшим уровнем целостности социальных систем является ее переход к тотальному типу целостности, переход к тотальности.

Категория тотальности играет важную роль в марксовской концепции общественного развития. Так, в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.» К. Маркс пишет: «Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой... органической системе. Сама эта органическая система как тотальность имеет свои предпосылки, и ее развитие к тотальности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него недостающие ей органы. Так исторически превращается система в тотальность. Становление системы этой тотальностью образует момент ее становления, ее развития»²⁵.

Развитие общества к тотальности означает не просто то, что общество есть целостность, что все сферы общества находятся в необходимой взаимосвязи. В понимании общества как социальной системы уже выражена идея взаимосвязи всех компонентов. Ничего кроме тавтологии в данном случае мы не получим. Системный, целостный характер общественной жизни находит свое выражение в марксистском понятии общественно-экономической формации. Общество на уровне тотальности характеризуется не просто наличием необходимой связи всех его сфер, но, говоря словами К. Маркса, создает условия своего собственного существования, развивается на своей собственной основе, где условия существования становятся его предпосылками и общество создает необходимые и недостающие ему органы.

²⁴ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М., 1983. С. 31.

²⁵ Marx K. Grundrisse der Kritik Politischen Ökonomie. B., 1974. S. 189.

В своих экономических исследованиях К. Маркс показывает развитие общества к тотальности на примере становления капитала, капиталистического способа производства. В этой связи он различает процесс становления капиталистического способа производства и процесс воспроизводства капитала «соответственно своей имманентной сущности». Поэтому К. Маркс различает «исторические предпосылки», которые принадлежат к «истории образования капитала» и не относятся «к действительной системе подчиненного ему способа производства», и те условия, которые капитал «сам предлагает» как «условия своего собственного осуществления». «Если, например, бегство крепостных в города,— пишет К. Маркс,— является одним из *исторических* условий и предпосылок городского строя, то оно вовсе не является *условием*, реальным моментом развитого городского строя, а принадлежит к его *минувшим* предпосылкам, к тем предпосылкам становления городского строя, которые в его бытии уже сняты. Условия и предпосылки *становления, возникновения* капитала предполагают как раз то, что капитал еще не существует, а только лишь *становится*; следовательно, они исчезают при действительном капитале, при том капитале, который, исходя из собственной действительности, сам полагает условия своего собственного осуществления»²⁶.

Капиталистическое производство, по К. Марксу, качественно отличается от процесса возникновения капитала. История первоначального накопления капитала есть только история отдельных элементов, которые в дальнейшем образуют структуру капиталистического способа производства. Это период становления органического целого, период становления капитала соответственно своей имманентной сущности, когда он овладевает своими предпосылками и создает недостающие ему органы. К. Маркс очень хорошо показал этот процесс при анализе таких понятий, как «предпосылки» капиталистического способа производства и «исторические условия», среди которых эти предпосылки осуществляются. «Если уж предположено производство, основанное на капитале...— пишет К. Маркс,— то в этом случае условие, что капиталист, для того чтобы стать капиталом, должен привнести в обращение стоимости, созданные его личным трудом или каким-нибудь другим способом (но только не уже наличным, прошлым наемным трудом), это условие относится к допотопным условиям капитала, к его *историческим предпосылкам*, которые в качестве такого рода *исторических* предпосылок уже изжиты и поэтому принадлежат к *истории образования капитала*, но отнюдь не к его *современной* истории, т. е. они не относятся к действительной системе подчиненного ему способа производства»²⁷.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 448.

²⁷ Там же. С. 447—448.

Предпосылки, продолжает К. Маркс, которые первоначально выступали в качестве условий становления капитала, затем являются результатами его собственного осуществления, выступают уже не условиями возникновения капитала, а результатами его бытия. «Для своего становления капитал больше не исходит из предпосылок, но он сам предпослан и, исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста»²⁸. К. Маркс показал, что предпосылки образования капитала даются извне, не вытекают из его внутренней сущности и не объясняются им. Только тогда, когда эти внешние предпосылки становятся моментами движения самого капитала, капиталистическое общество выступает как органическая система, которая воспроизводит себя и свои собственные предпосылки. Новый капиталистический способ производства вовлекает и подчиняет капиталу элементы, унаследованные от предшествующих способов производства.

Вначале подчинение процесса труда капиталу было лишь формальным, в силу того что производится лишь абсолютная прибавочная стоимость. «Покоящуюся на абсолютной прибавочной стоимости форму,— пишет К. Маркс,— я называю *формальным подчинением труда капиталу*, ибо она лишь *формально* отличается от прежних способов производства»²⁹. Формальное подчинение труда капиталу означает, что сам способ производства еще не обладал «специфически капиталистическим характером». Переменный элемент капитала сильно преобладал над постоянным его элементом. Реальное подчинение труда капиталу связано с развитием производительных сил, с производством относительной прибавочной стоимости, с преобразованием самого процесса труда. Капитал создает новый базис, соответствующий его собственному способу производства, подчиняет себе и земледелие, и торговлю, и науку и т. д. Утверждая всеобщую производственно-экономическую взаимосвязь членов общества, капитал создает новую целостную систему. Общественное производство, все общество в целом начинает функционировать и развиваться на своей собственной основе, или, как отмечал К. Маркс, оно встает «на свои собственные ноги». Оно функционирует и развивается соответственно своим внутренним, имманентным законам капиталистического способа производства, «соответственно своей имманентной сущности».

Становление капитала как тотальности предполагает, что другие общественные явления принимают, говоря словами К. Маркса, «буржуазно-экономическую форму», т. е. капитал как современные производственные отношения» подчиняет себе все элементы общества» или создает себе недостающие ему органы. Эту диалектику общественного развития К. Маркс рас-

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 448.

²⁹ Там же. Т. 49. С. 80.

крывает на примере земельной собственности, наемного труда и капитала. С одной стороны, земельная собственность, наемный труд обусловлены развитием промышленного капитала, с другой — сам промышленный капитал развивается на основе преобразования земельной собственности. «Производство, покоящееся на капитале и наемном труде,— пишет К. Маркс,— не только формально отличается от других способов производства, но и предполагает также полную революцию в развитии материального производства. Хотя капитал в качестве торгового капитала и может полностью развиваться (только не в таких больших размерах) без этого преобразования земельной собственности, но он не может сделать этого в качестве промышленного капитала. Даже развитие мануфактуры предполагает начинающееся разложение старых экономических отношений земельной собственности. С другой стороны, из этого совершающегося в отдельных точках разложения новая форма земельной собственности возникает во всей своей полноте и широте лишь тогда, когда современная промышленность достигает высокой степени развития, а это развитие в свою очередь всегда идет вперед тем быстрее, чем больше развились современное земледелие, соответствующая ему форма собственности, соответствующие ей экономические отношения»³⁰. Таким путем, делает вывод К. Маркс, капитал формируется, превращается в ходе исторического развития в тотальность. Если в процессе своего формирования капитал происходит из обращения, преобразует земельную собственность и полагает труд в качестве наемного труда, то, развившись как тотальность, «он полагает земельную собственность как в качестве своего условия, так и в качестве своей противоположности»³¹. И без этих предпосылок, которые сами являются обусловленными капиталом, не существует капиталистическое общество как тотальность. Целостность и завершенность органических систем, где «процесс достигает полной зрелости, своей классической формы», в которой реализована их внутренняя имманентная сущность, может быть охарактеризована как тотальность.

Концепция тотальности создает надежную теоретическую и методологическую основу для дальнейшего исследования этапов движения социалистического общества к коммунизму. В настоящее время все более актуальной становится потребность в исследовании характера и уровня целостности социалистического общества. Возрастание органической целостности системы социалистических общественных отношений означает повышение уровня социальной интеграции. «Процесс социальной интеграции,— пишет М. Н. Руткевич,— имеет две взаимосвязанные стороны. С одной стороны, он находит выражение в **нарастании социаль-**

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 228—229.

³¹ Там же. С. 230.

ной однородности, т. е. возрастании общего во всех основных элементах социальной системы — рабочем классе, колхозном крестьянстве, интеллигенции, а также внутри их. С другой стороны, благодаря сближению классов, социальных групп, слоев по их объективному положению в системе общественных отношений происходит **сближение их интересов, т. е. возрастание единства общества**. Это единство, будучи прежде всего единством интересов в сфере **социально-экономической**, находит свое выражение в **социально-политическом** единстве общества, воплощенном в союзе всех классов и социальных групп при ведущей роли рабочего класса, и, далее, в единстве **идеологическом** на базе идеологии рабочего класса и политики коммунистической партии, и в единстве **социально-психологическом**, на уровне чувств и настроений, непосредственно обусловленных жизненными условиями»³².

Таким образом, категория тотальности, на наш взгляд, имеет большое значение для анализа и решения многих теоретических и практических вопросов развития общества. Она должна занять прочное место в системе категорий марксистско-ленинской философии.

³² Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. М., 1982. С. 101.

Коллизия как форма проявления и развития социального противоречия

В современной философско-социологической литературе общественное противоречие нередко выступает как некая абстрактно-логическая конструкция, за анализом которой пропадает богатство действительных отношений.

Введение в социальное познание понятий «коллизия», «конфликт» и «гармония» как особенных форм проявления противоречия, на наш взгляд, вносит определенную ясность в оттенки употребления понятия «противоречие» в общественном знании и обогащает его возможностью конкретного осмысления диалектики социального развития с учетом специфики каждого его этапа.

В коллизии воспроизводятся конкретные отношения людей, не только исторически обусловленная расстановка сил противоречий, но и множество индивидуальных факторов, влияющих на их разрешение. Вступающие в противоречие силы реально проявляют себя как коллизия конкретных субъектов, причем субъекты взаимодействия в коллизии могут быть различными: от индивидуумов до классов или иных социальных сил¹. Как пишет К. Маркс, если художник, берясь за изображение жизненной коллизии, пишет «по-шиллеровски, превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени»², он нарушает реалистичность изображения действительности. Художник-реалист должен «шекспиризировать» (К. Маркс), то есть показывать в изображаемой коллизии многообразие конкретных жизненных отношений, действительный исторический облик социальных сил.

Действительное, жизненное проявление социального противоречия возможно лишь с наступлением такой стадии в развитии противоречия, когда оно становится видимым, наблюдаемым, то есть достигает определенной степени обострения. Это отнюдь не означает неизбежности его разрешения: «Там (во Франции и Англии.— Л. Ш.) идет речь о разрешении вопроса, здесь (в Германии.— Л. Ш.) — лишь о коллизии»³. Противоречие начинает проявлять себя в коллизиях, когда оно достигает определенного уровня в своем развитии, достаточного для вскрытия его сущности. Скрытый внутренний процесс борьбы

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 46, 83, 71, 74—75, 121, 277; Т. 1. С. 284, 419; Т. 20. С. 287.

² Там же. Т. 29. С. 484.

³ Там же. Т. 1. С. 419.

противоположностей коллизия превращает в открытый, доступный общественному сознанию; она и появляется, когда внутреннее приобретает внешние формы выражения, количественные изменения в общественном явлении приводят к формированию скачка. Поэтому острота развития противоречия в коллизиях выявляет разнонаправленность противоборствующих тенденций, что в особенности отличает коллизию от других форм проявления противоречия. Таким образом, появление жизненной коллизии правомерно связывать со становлением нового качества в развивающемся противоречии, когда борющиеся противоположности как две стороны или две тенденции развития противоречия порождают качественно новое явление⁴. Поскольку проявление противоречия в форме жизненной коллизии связано со становлением нового качества в развивающейся борьбе противоположностей, есть основания характеризовать коллизию как процесс необходимый, закономерно возникающий, но проявляющий себя в случайных связях и отношениях. Отсюда и вытекает особенность коллизии — выражать собой объективную закономерность, тенденцию общественного развития в особом и конкретном проявлении.

Социальную коллизию следует отличать от конфликта. Последнее понятие утвердилось в современной философской литературе как характеристика некой фазы, стадии развития социального противоречия или его обостренной формы⁵. Социальное противоречие, вступившее в стадию разрешения, в конфликте достигает высшей степени обострения. Коллизия же — это не только конкретная форма проявления, но и каждый раз — специфический, особенный вариант общественного противоречия, способ его функционирования и развития.

Ленинская характеристика революционной ситуации дает возможность выделить основные черты конфликтной стадии развития противоречия в целом, когда уже назрело его разрешение. Во-первых, налицо общая природа противоречивых сторон: раскол общества как субъекта деятельности на сталкивающиеся «верхи» и «низы». Во-вторых, очевидна несовместимость противоположных сторон, а также острота и «болезненность» развития противоречия («верхи не могут», «низы не хотят»). В-третьих, В. И. Ленин выделяет такую характеристику противоречия, как активность одной стороны, решимость действовать. Осознание социального противоречия В. И. Ленин считал одним из важнейших условий свершения социалистической революции: «Для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необхо-

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 482—485.

⁵ См., в частности: Штракс Г. М. Социальное противоречие. М., 1977. С. 25—27; Руткевич М. Н. Дialeктика и социология. М., 1980. С. 89—90; Бондарев Г. И. Еще раз о понятии «кризис» // Филос. науки. 1982. № 3.

димось переворота и готово было идти на смерть ради него»⁶.

Социальный конфликт может быть разрешен как полным снятием общественного противоречия, когда снимается сам субстрат, носитель противоречия, то есть когда новое, прогрессивное полностью одерживает верх над старым, изжившим, консервативным, так и частичным снятием, когда созревшее противоречие разрешается или не по существу, или временным укреплением позиций старого. Именно о таком разрешении конфликтов писал В. И. Ленин, характеризуя 1905 год в России и эпохи революций на Западе: «Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революций на Западе, но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 гг. в России, хотя революций в этих случаях не было. Почему? Потому, что не из всякой революционной ситуации возникает революция...»⁷.

Безусловно, конфликты как острая форма развития общественных противоречий играют большую роль в общественном прогрессе в нашу эпоху, когда классовая борьба направлена против империализма, против всяких проявлений социального гнета, но, с другой стороны, нельзя и преувеличивать роль конфликтов в социальном развитии. Более того, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, возникновение конфликтных ситуаций весьма опасно в условиях угрозы термоядерной катастрофы для человечества в целом. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду особое внимание обращено на неприемлемость, недопустимость в современном мире вооруженных конфликтов⁸, на необходимость «разблокирования конфликтных ситуаций»⁹, а «политическое урегулирование международных кризисов и региональных конфликтов» рассматривается как одна из принципиальных основ создания всеобъемлющей системы международной безопасности, выдвинутой на XXVII съезде КПСС¹⁰.

Таким образом, рассматривая конфликт как фазу, стадию развития противоречия, а коллизию как специфический жизненный вариант противоречия, индивидуализированную форму его бытия, приходим к выводу, что всякая коллизия содержит в себе источник конфликта, но не всякая коллизия приводит к конфликту, так как возможно или «свертывание» противоречия, или перерождение его, когда противоречие развивается уже не в коллизиях, а иным способом. В форме коллизии противоречие может себя проявлять не только в стадии конфликта, но и значительно раньше, как провозвестник социального конфликта, а также и после него, как отголосок крупного конфликта, что сле-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 70.

⁷ Там же. Т. 26. С. 219.

⁸ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 65.

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ См.: Там же. С. 75.

дует из рассмотренных нами ленинских идей о революционной ситуации.

Рассматривая коллизию как конкретный, жизненный способ проявления противоречия, определяемый особенностями действующего субъекта, его индивидуальными (но в сущности — классовыми) интересами, образно охарактеризуем коллизию как противоречие не «в себе», а «для нас». Решающее значение в развитии коллизии может иметь личностный, психологический элемент, без учета которого можно прийти к неточным и даже неверным выводам при анализе содержания и особенностей развития противоречий, форму проявления которых представляют собой эти коллизии. В ленинских работах, отражающих дифференцированную политику в отношении различных групп населения и различных классов в послереволюционный период, такого рода анализу уделялось огромное значение. Учет особенностей проявления противоречия на уровне разных субъектов социального действия позволял В. И. Ленину выработать единственно верную стратегическую и тактическую линию в разрешении социальных противоречий. Сегодня проблеме **конкретного** осмысления социальной действительности и изменениям, происходящим в ней, как в экономической, так и в политической области, придается особое значение¹¹.

Коллизии как наиболее острые формы проявления социальных противоречий могут привести к кризисной ситуации в развитии противоречия, то есть существует некая максимальная «мера» проявления противоречия в коллизиях, которая приводит к скачку как качественному перерождению противоречия. На наш взгляд, есть все основания различать кризис и конфликт, но различие это не только в том, что конфликт свойствен «лишь социальным противоречиям, а кризисы — как противоречиям общества, так и природы»¹², но и в аспектах социального противоречия, выявляющихся в кризисе и конфликте. Ф. Энгельс, характеризуя кризисную ситуацию, пишет: «В кризисах с неудержимой силой прорывается наружу противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением. Обращение товаров на время прекращается, средство обращения — деньги — становится тормозом обращения; все законы производства и обращения товаров действуют наизуоборот. Экономическая коллизия достигает своей высшей точки: *способ производства восстает против способа обмена, производительные силы восстанут против способа производства, который они переросли*»¹³. Таким образом, кризис, с одной стороны, есть некий максимум социальных коллизий, а с другой — результат

¹¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 5.

¹² Бондарев Г. И. Еще раз о понятии «кризис». С. 139.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 287.

развития внутренних противоречий¹⁴. Поэтому правомерно определить кризис не как «стадию обострившихся до максимума противоречий»¹⁵, а скорее — как условие для разрешения социального конфликта. Понятием «кризис» мы пользуемся, когда рассматриваем социальную ситуацию целостно, стараясь осмыслить условия развития социального противоречия.

Анализируя диалектику развития противоположных процессов, отношений, сторон явления, классики марксизма квалифицировали процессуальные отношения в конкретно проявившемся противоречии как гармонию и коллизию: «Взаимодействие тел природы — как мертвых, так и живых — включает как гармонию, так и коллизию, как борьбу, так и сотрудничество»¹⁶. Та же мысль обосновывается и в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса в связи с критикой метафизических, антидиалектических концепций развития¹⁷.

Коллизия и гармония — это разные состояния, фиксирующие разное процессуальное отношение противоположностей в развитии противоречия, взаимоисключающие типы его развития. Если гармония характеризует единство, «сотрудничество» (Ф. Энгельс) противоположностей, то коллизия проявляет их несовместимость, нарушение единства. Поэтому коллизия есть выявление несоответствия противоположностей, заключающих в себе конкретную тенденцию развития, направленную на разрушение целостности системы. Проблема гармонического и коллизийного состояния развивающихся объективных процессов имеет принципиальное значение для диалектико-материалистического осмысления их содержания. Заметим, что рассмотрение гармонии и противоречия как полярных противоположностей приводит отдельных авторов к методологически неверному выводу о том, что противоречивое развитие исключает гармонию¹⁸. По нашему мнению, гармонии противостоит не противоречие, а коллизия.

Критикуя «теоретика гармонии» Кэри и его французского последователя Бастиа, К. Маркс писал: «Тот и другой считают необходимым объявить ошибочным и подвергнуть нападкам теоретическое выражение, которое буржуазное общество исторически получило в современной политической экономии, и доказывать гармонию производственных отношений там, где экономисты-классики наивно обрисовывали их антагонистичность»¹⁹. В антагонистическом обществе гармоничное развитие невозмож-

¹⁴ См. определение современных кризисов мира капитала: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 12.

¹⁵ Левинтов Н. Г. Социально-философское содержание категории «кризис» // Филос. науки. 1980. № 1. С. 42.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 134.

¹⁷ См.: Там же. Т. 20. С. 622.

¹⁸ См., напр.: Мецгеряков В. Т. Развитие представлений о гармонии в домарксистской и марксистско-ленинской философии. Л., 1981. С. 125—126.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 4.

но. В условиях социализма, где «антагонизм исчезает, противоречие остается» (В. И. Ленин), возможно и гармоничное развитие. Следует подчеркнуть, что отсутствие антагонизма является необходимым, но недостаточным условием гармонического развития социальной системы. Как показывает практика социалистического развития, и без антагонизмов существует далеко не гармоническое развитие, то есть развитие в коллизиях. Противоречия социализма — неантагонистические. Но при социализме нет и полной гармонии. Здесь становится в разной степени вероятным как коллизийное, так и гармоническое развитие. Характером противоречий решающим образом определяется тип процессуальных отношений противоположностей в развивающемся противоречии (антагонистический характер — коллизийный тип; неантагонистический характер — гармонический или коллизийный тип). Лишь при строго определенных условиях системы, не отягощенные антагонизмами, могут стать гармоническими, сохраняя при этом свою исходную сущность, то есть накопленное в предшествующем развитии наиболее ценное содержание в некой целостности.

Общественная практика показывает, что при социализме могут иметь место многообразные коллизии, ведущие к конфликту как наиболее острому и болезненному проявлению противоречия в целом. Гармония же общественных отношений возможна как целенаправленная, осознанная организация развития, так как лишь достаточно осознанные и организованные целенаправленные действия могут представлять собой некую целостность, проявляющую себя как единство в многообразии общественных отношений. Когда обществу недостает осознанной целенаправленности, оно приходит к стихийности развития, что с неизбежностью приводит к появлению диспропорций в развитии, то есть и к социальным коллизиям.

Методологическое значение принципа противоречивости для управления общественными процессами при социализме

Все социальные противоречия являются противоречиями между субъектами. В обществе кроме людей в их отношениях ничего больше нет. Огромный предметный мир, имеющийся в общественной жизни, обладает признаком социальности лишь постольку, поскольку предметы включены в общественные отношения, выступают посредниками в отношениях между людьми. Все социальные противоречия в любом обществе суть столкновения интересов субъектов. Во всех классовых обществах до появления социализма эти столкновения носили стихийный характер. Решающую роль играли антагонистические противоречия, представляющие собой столкновения коренных, жизненных интересов субъектов, т. е. таких, которые состоят в стремлении одних сохранить, а других, напротив, разрушить данную систему общественных отношений. Формой существования, регулирования этих противоречий выступала классовая борьба.

В социалистическом обществе доминируют неантагонистические противоречия. Это противоречия субъектов, у которых совпадают коренные, жизненные интересы и которые стремятся к сохранению и укреплению устоев существующего общественного строя. Соответственно, тенденцией развития данных противоречий является снижение масштабов сталкивающихся интересов, сужение сферы их столкновения, уменьшение остроты столкновения противостоящих интересов. Разрешение данных противоречий происходит через слияние противоположностей и образование нового единства. Именно такой характер объективных противоречий социалистического общества делает необходимым их сознательное регулирование и разрешение. В. И. Ленин указал на эту важнейшую специфику противоречий социалистического общества, назвав их регулирование сознательным соединением противоположностей. Он говорил по этому поводу: «Ибо так или иначе сочетать приходится уравнительность и ударность, а эти понятия исключают друг друга. Но мы все-таки марксизму немножко учились, учились, как и когда можно и должно соединять противоположности, а главное: в нашей революции за три с половиной года мы практи-

чески неоднократно соединяли противоположности»¹. Далее В. И. Ленин продолжает: «Ведь можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а может и так, что получится симфония»².

Это положение В. И. Ленина нередко понимается довольно узко. Чаще всего полагают, что оно применимо к противоречиям переходного периода от капитализма к социализму. Очерчивается определенный круг противоречий, для регулирования и разрешения которых можно применять сознательное соединение противоположностей. Однако В. И. Ленин говорит о сознательном соединении противоположностей как о единственно возможной форме реализации закона единства и борьбы противоположностей при социализме. Ведь это сознательное соединение противоположностей и есть не что иное, как научное руководство общественной жизнью социалистического общества. Поскольку научное руководство социалистическим обществом осуществляется на основе знания и использования законов общественного развития, следует кратко остановиться на том, как соотносятся между собой противоречия и законы. Нам приходилось уже писать об их неразрывности, указывать, что законы выступают частью сущностных противоречий³. Закон — это самая главная часть противоречия, он есть основная, определяющая связь системы отношений между противоположными сторонами всех сущностных противоречий.

Сама форма противоречий социализма оказывается различной в зависимости от того, каким образом осуществляется регулирование. Сознательно соединять противоположности, осуществлять регулирование противоречий — значит так или иначе сочетать противостоящие интересы субъектов. И очевидно, что симфония при сочетании противостоящих интересов представляет собой получающееся в этом случае оптимальное функционирование и развитие всей системы социалистического общества.

Успешность регуляции, ведущей к оптимальному функционированию и развитию социалистического общества, в качестве первого условия требует адекватного отражения руководящей силой, то есть коммунистической партией, всех субъектов этого общества со всем многообразием их интересов. А это значит, что социалистическое общество должно быть познано как система противоречий. Без теоретического постижения системы отношений социалистического общества как системы противоречий нельзя разработать и соответствующую систему управления, которая бы обеспечивала достаточную оптимальность функционирования и развития как общества в целом, так и его

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 211.

² Там же.

³ См.: Бондарев Г. И., Кузубова Т. С. Закон, противоречие, сущность // Диалектика закономерной связи. Свердловск. 1982.

подсистем, сфер. В этом отношении показательной является история формирования и совершенствования системы управления нашим народным хозяйством.

В период строительства социализма в нашей стране оказалось невозможным осуществить комплексный, системный подход в управлении народным хозяйством. До социалистической революции в России не было полного реального подчинения труда капиталу, и национализация с установлением диктатуры пролетариата явилась не следствием, а в определенной мере предпосылкой для создания соответствующих социализму производительных сил. В. И. Ленин предлагал различать национализацию и реальное обобществление. В статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» он писал: «Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без уменья правильно учесть и правильно распределить, *обобществить же без такого уменья нельзя*»⁴.

В условиях, когда в стране сохранялись докапиталистические уклады хозяйства, в деревне было море мелких крестьянских хозяйств и отсутствовала какая-либо механизация труда, когда имела место огромная неравномерность в развитии отраслей хозяйства, его сфер, разных районов страны, когда кадры квалифицированных рабочих и специалистов были крайне незначительны, когда нужно было быстрыми темпами осуществлять индустриализацию, заново создавать многие отрасли производства, не представлялось возможным осуществлять системность управления экономикой, направлять развитие народного хозяйства в основном экономическими методами, позволяющими наиболее успешно сочетать интересы разных субъектов экономических отношений. Необходимые и существенные связи субъектов экономики, как и сами эти субъекты, находились в процессе становления, поэтому было крайне затруднительно адекватно отразить их интересы. Кроме того, отражение реальных отношений теми или иными субъектами обладает разной степенью адекватностью, объективация этого отражения в деятельности субъектов приводит к различным изменениям и в самих интересах, и в способах их реализации.

Невозможность подчинения экономических отношений контролю экономическими методами, отсутствие комплексного, системного подхода к реализации задач развития хозяйства, сочетание интересов действующих субъектов в основном административными методами порождали односторонность хозяйственных решений, которые не могли обеспечить оптимальное сочетание разных субъектов, оптимальное функционирование систе-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 294.

мы народного хозяйства. Это не могло не породить на определенном этапе такие формы проявления противоречий, которые В. И. Ленин назвал какофонией и среди них такие, как ведомственность и местничество.

Пока имелись широкие возможности для экстенсивного пути развития народного хозяйства, отсутствие системности в управлении экономической проявлялось в ряде негативных явлений, однако серьезной ее разладки еще не вызвало. Но уже на XVIII партийной конференции в феврале 1941 года был поставлен вопрос о значительных негативных явлениях в работе нашей промышленности.

По мере исчерпывания возможностей экстенсивного пути, что проявилось к концу 50-х годов, хозяйственный механизм стал давать серьезные сбои. Это прежде всего сказалось в планировании. Планирование, представляя собой нагромождение указаний по мельчайшим вопросам, когда сверху определяется каждый шаг предприятий, в каком-то отношении стало превращаться в свою противоположность, так как учесть положение дел на всех предприятиях и во всех хозяйственных организациях, а их в стране в 60-е годы имелось более миллиона, было невозможно. Планирование базировалось на принципе уравнительного отношения ко всем предприятиям, то есть устанавливался средний процент роста от достигнутого уровня, средние нормативы, средние штаты и т. д. Материально-техническое обеспечение часто не увязывалось с производственной программой. Планы нередко оказывались необоснованными, теряли стабильность, они по нескольку раз в год менялись и иной раз окончательно утверждались лишь в четвертом квартале. Основным показателем плана являлся выпуск продукции по валу. Такое планирование обуславливало увеличивающуюся разнонаправленность групповых, коллективных и общенародных интересов разных отраслей промышленности, промышленности и торговли, различных предприятий, обостряло столкновение этих интересов. Сбои в экономике выразились также в ненадежности, постоянных нарушениях кооперативных связей между предприятиями, отраслями и сферами народного хозяйства, в стремлении предприятий обеспечить себе всеми правдами и неправдами как можно более низкие плановые показатели, скрыть свои резервы, накопить побольше оборудования и сырья, иметь излишки рабочей силы. Проявились негативные явления и в том, что предприятия ориентировались не на производство продукции, нужной потребителю, а, в соответствии с имеющимися промежуточными показателями, непосредственно не связанными с удовлетворением общественных потребностей, на производство продукции, выгодной ведомству, приносящей производителям всевозможные блага в виде роста фондов потребления, премий, увеличения зарплаты и т. п. Ухудшилось качество производимой продукции. Постоянным стало стремление предприятий избежать

перестройки производства, внедрения новой техники и технологии.

Совершенствование хозяйственного механизма, начавшееся с хозяйственной реформы в соответствии с решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1965 года и продолженное постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью» (1973 г.), «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» (1979 г.), к коренному изменению в положении дел не привело. И это обусловлено именно тем, что проводившиеся изменения в управлении хозяйством не носили в достаточной мере системного характера, не основывались на глубоком постижении системы противоречий социалистической экономики.

Осуществляемый в течение ряда лет широкомасштабный экономический эксперимент и принятое на основе опыта его проведения постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса», а также решения партии и правительства о широкой аттестации рабочих мест и их рационализации и ряд других являются серьезным шагом к выработке системы управления народным хозяйством.

К сожалению, наша экономическая и философская наука не выполняет пока свои обязанности по достаточно адекватному отражению реального состояния нашей общественной жизни, по теоретическому воспроизведению системы противоречий социалистического способа производства, а тем более социалистического общества в целом. Хотя необходимость разработки такой системы осознается большинством авторов, занимающихся данной проблемой, однако дальше предложений различных классификаций противоречий социализма дело не пошло. Предлагаются разные основания таких классификаций, выделяются разные группы противоречий на этих основаниях, но попытки раскрыть целостную систему противоречий, ее становление никто не сделал. Очевидно, теоретическое построение подобной системы должно быть осуществлено методом восхождения от абстрактного к конкретному, как это было сделано К. Марксом в «Капитале» по отношению к капиталистическому способу производства. И здесь важнейшее значение имеет решение вопроса об исходном пункте восхождения, о «клеточке» коммунистической общественно-экономической формации. В советской литературе обсуждался данный вопрос, но это не привело к достаточно определенному результату.

Конечно, теоретическая разработка системы противоречий социалистического общества — только важнейшая предпосылка успешного их регулирования. Само сознательное соединение

противоположностей происходит во всей многообразной управленческой деятельности Коммунистической партии и государства, деятельности политической, хозяйственной, идеологической, воспитательной. Эта деятельность должна быть направлена на осуществление ориентации противоположных сторон противоречий, то есть противостоящих субъектов, на такие действия, которые ведут к возрастанию их единства, укреплению базы общенародных интересов. Ошибочные решения, так или иначе уводящие от такой ориентации, могут вызвать деформацию, извращение личных и коллективных интересов и стать причиной таких явлений, как возникновение и рост частноблаготворительных устремлений, несоблюдение принципа оплаты по труду, утверждение и распространение отношений «ты мне, я тебе», всяческие нарушения социальной справедливости.

Ошибки в регулировании интересов противостоящих субъектов порождают группу случайных противоречий, которые следует назвать субъективными. Они возникают в результате действий управляющих субъектов (личности или органов власти). Выделение субъективных противоречий получает практическое значение именно при социализме, когда управление общественными процессами приобретает сознательный, научный характер, хотя эти противоречия возникали на всем протяжении истории человечества.

Специально обращать на них внимание необходимо потому, что следует стремиться к предотвращению их появления. Избежать ошибок в деятельности невозможно, но не всякая ошибка ведет к формированию субъективного противоречия; будучи своевременно исправленной, ошибка не перерастает в такое противоречие. Субъективные противоречия своим появлением расширяют сферу сталкивающихся интересов, сужают базу их единства, ведут к обострению отношений субъектов и тем самым задерживают реализацию свойственной социализму тенденции развития его объективных противоречий, состоящую в возрастании единства общества, в сокращении остроты и масштабов расхождений, противостоящих интересов классов, социальных групп, коллективов, личностей. Хотя субъективные противоречия, как и объективные, выступают импульсами, источниками развития, они являются тормозом, вызывая отклонения, «зигзаги» в прогрессивном движении социалистического общества к коммунизму.

Наконец, регулирование противоречий социалистического общества, которое не обеспечивает успешного сочетания интересов разных субъектов и оптимального подчинения всех личных и коллективных интересов общенародным, в своих наиболее грубых ошибочных проявлениях может приводить к возникновению конфликтов, то есть крайних форм обострения противоречий; рассматриваемых К. Марксом как «физическое столкнове-

ние людей»⁵, а также и к кризисам, ведущим к дезорганизации той или иной системы общественных отношений. Конфликты и кризисы разного масштаба случались как в истории нашей страны, так и других стран социализма.

Общим принципом управления, последовательное проведение которого обеспечивает успешное регулирование противоречий при социализме, является принцип демократического централизма. Он представляет собой фундаментальный, основной принцип всей организации, устройства социалистического общества.

Демократический централизм представляет собой единство противоположных начал. Централизм есть выражение, реализация всеобщих интересов как таковых, а демократизм — проявление того, что реализация всеобщих интересов не может происходить, без учета обособленных интересов субъектов, а только через их сочетание, через участие в этом сочетании всех заинтересованных субъектов. Демократический централизм — такое сочетание всех обособленных коллективных и личных интересов, которое обеспечивает оптимальную реализацию всеобщих интересов.

Централизм и демократизм взаимопроникают и обуславливают друг друга. Централизм в социалистическом обществе служит укреплению и развитию демократизма. Направленный на планомерное развитие производства для обеспечения всем членам общества права на труд, роста их благосостояния, создания наиболее благоприятных условий для развития всех и каждого, централизм, выражая коренные интересы всех трудящихся, обеспечивает тем самым основу для сознательного участия трудящихся в делах того коллектива, в котором они трудятся, и, в конечном счете, в делах всего общества. Являясь организующим началом, противостоя стихии и анархии, централизм стимулирует творческую инициативу, активность трудящихся, ибо привлечь широкие массы к участию в управлении можно только в условиях хорошо налаженной организации всех сторон общественной жизни. Характеризуя подлинную коллективность социалистического общества в противовес мнимой коллективности буржуазного общества, где личная свобода обеспечивается лишь для представителей господствующего класса, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»⁶. И несколько ниже: «В условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством ее»⁷.

Полезную инициативу, передовой опыт личности, коллектива централизм делает достоянием всего общества. Демократизм,

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 184.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 75.

⁷ Там же.

в свою очередь, не позволяет централизму проявляться шаблонно и единообразно, не считаясь с условиями места и времени, не видеть за целым частей, в то же время он не допускает выхода активности того или иного индивида, группы за рамки интересов общества, приобретения ею самодовлеющего характера. Централизм в социалистическом обществе является организованным демократизмом, демократия является централизованной. Конечно, на разных этапах развития социалистического общества оптимальность сочетания централизма и демократизма объективно должна быть различной.

Нарушение необходимого в данных условиях соотношения противоположных сторон демократического централизма, абсолютизация той или иной из них ведет к извращению его. Такими извращениями демократического централизма являются, с одной стороны, бюрократическая централизация, с другой стороны — анархо-синдикализм. Бюрократическая централизация имеет место, когда определенная группа, осуществляющая управленческие функции, представляет себя в качестве единственного последовательного носителя всеобщих интересов и свои обособленные интересы также выдает за всеобщие.

Анархо-синдикализм же объявляет равноправными все интересы, т. е. индивидуальные и общенародные, представляет собой стихийное сочетание интересов, отрицание сознательного воздействия, направленного на преимущественную реализацию общенародных интересов. Эти извращения демократического централизма, порождая дезорганизацию, безответственность и стихийность, задерживают, затрудняют развитие социалистического общества.

В силу исторических обстоятельств при строительстве социализма в нашей стране в период с конца 30-х и до начала 50-х годов имели место чрезмерная централизация и значительные бюрократические извращения централизма. В последующие годы коммунистической партией были предприняты меры по ликвидации культа личности, постоянно осуществлялись все новые и новые шаги в развитии социалистической демократии. Однако пока еще не удалось добиться того, чтобы каждый труженик нашего общества чувствовал и проявлял себя подлинным хозяином во всех областях общественной жизни. Между тем демократический централизм только тогда получает свое полное осуществление, когда непосредственные производители социалистического общества выступают создателями, творцами всех общественных отношений, как экономических, так и социальных, политических, духовных.

XXVII съезд КПСС сделал решительный шаг в этом направлении. Намеченная им перестройка в управлении народным хозяйством предполагает осуществление регулирования противоречий нашей экономики через усиление начал демократического централизма, состоящее, с одной стороны, в повышении

эффективности планирования всего централизованного руководства экономикой и, с другой стороны, в расширении хозяйственной самостоятельности предприятий через перевод их на хозяйственный расчет, на самоокупаемость и самофинансирование. В новой редакции Программы КПСС подчеркивается, что «развивая централизованные начала в управлении и планировании, в решении стратегических задач, партия будет активно осуществлять **меры по повышению роли основного производственного звена** — объединений и предприятий, последовательно проводить линию на расширение их прав и хозяйственной самостоятельности, усиление ответственности и заинтересованности в достижении высоких конечных результатов. Оперативно-хозяйственная работа должна сосредоточиваться на местах — в трудовых коллективах»⁸.

Ориентация XXVII съезда КПСС на последовательное проведение демократического централизма особенно четко проявляется в том, что реализация стратегического курса на ускорение социально-экономического развития нашей страны в материалах съезда неразрывно связана с активизацией человеческого фактора.

Представляется, что установка на неуклонное развитие самоуправления народа будет претворяться в жизнь не только путем максимального использования для привлечения масс к управлению всех возможностей Советов народных депутатов, но и через поиски новых организационных форм, открывающих еще более широкие перспективы для проявления творческой инициативы масс во всех областях общественной жизни.

⁸ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 148—149.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Раздел I. Тожество противоположностей как принцип исследования связи, движения и развития	
Лойфман И. Я. Диалектическое определение предмета (методологический аспект)	5
Туркин Л. П. О всеобщности противоречия и тождества противоположностей	12
Стадник В. П. Тожество противоположностей в диалектической концепции связи	20
Пивоваров Д. В. Тожество противоположностей как их взаимотражение в процессе развития (методологический аспект проблемы)	28
Раздел II. Тожество противоположностей как принцип исследования отношения мышления к бытию	
Фриауф В. А. Марксов способ монистического понимания диалектических противоречий	38
Нарский И. С. Тожество противоположностей и проблема идеального	47
Кайдалов В. А. Принцип тождества противоположностей и проблема гибкости понятий	58
Окладной В. А. Диалектически противоречивый характер возникновения новых теорий	68
Раздел III. Тожество противоположностей как принцип исследования социальных процессов	
Кохановский В. П. Критика В. И. Лениным софистики и эклектики в понимании социальных противоречий	81
Гайда А. В., Любутин К. Н. Категория «тотальность» и ее методологическая роль в познании социальных процессов	97
Шумихина Л. А. Коллизия как форма проявления и развития социального противоречия	111
Бондарев Г. И. Методологическое значение принципа противоречивости для управления общественными процессами при социализме	117

ТОЖДЕСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Редактор **М. А. Овечкина**
Технический редактор **Э. А. Максимова**
Корректор **Т. А. Житенева**

Темплан 1987, поз. 42

Сдано в набор 18.02.87. Подписано в печать 13.07.87. НС 11102. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Печать высокая. Гарнитура литературная. Объем уч.-изд. л. 8. Усл. печ. л. 8. Тираж 1000 экз. Заказ 141.
Цена 1 руб.

Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет
им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
межвузовский сборник научных трудов
**«Проблема гуманизма
в домарксистской философии»**

Объем 10 п. л. Цена 1 р. 50 к.

В сборнике анализируются основные этапы складывания гуманистической проблематики в домарксистской философии начиная с предфилософских идей античного эпоса, рассматриваются проблемы средневекового гуманизма, процесс формирования буржуазного гуманизма, идеи гуманизма и социальной справедливости в учениях французских социалистов-утопистов.

Заявки направлять по адресу:
620083, К-83, Свердловск, пр. Ленина, 51. РИО
УрГУ.